

9(e) 17:338
Л15

к 63.3(2)-кх

ЛАДОНЕЙ РАБОЧИХ ТЕПЛО

СВЕРДЛОВСКИЕ
ПИСАТЕЛИ
ХУДОЖНИКИ
ЖУРНАЛИСТЫ
ОБ УРАЛМАШЕ

08

к 63.0(2)
Л15 -КХ

ЛАДОНЕЙ РАБОЧИХ ТЕПЛО

*Свердловские
писатели
художники
журналисты —
об Уралмаше*

И. ДАВЫДОВ
Е. ДОЛИНОВА
С. ЗАХАРОВ
Ю. КОНЕЦКИЙ
Б. КРУПАТКИН
Ю. ЛЕВИН
Ю. ЛОБАНЦЕВ
Н. МЫЛЬНИКОВ
В. НАЗИН
М. НАЙДИЧ
В. СИБИРЕВ
Л. СОРОКИН
Ю. ТРИФОНОВ
Е. ХОРИНСКАЯ
Б. ШИГАЙКИН
Л. ШКАВРО
С. ШМЕРЛИНГ
А. БУРАК
В. ЕГОРОВ
В. ЗИНОВ
С. ЗЮМБИЛОВ
Д. ИОНИН
С. КИПРИН
Н. КОСТИНА
Г. МОСИН
В. СЕМЕНОВ

142494 —

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1976

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

ИСТОКИ. Красный уголок цеха крупных узлов Уралмашзавода был переполнен. Шло собрание. Но собрание необычное. В зале рядом с рабочими, мастерами, инженерами сидели свердловские писатели. На трибуну попеременно поднимались то уралмашевцы, то литераторы. Шел заинтересованный разговор о том, какими должны быть очерки о людях труда. По сути дела на этом совместном собрании писателей и рабочих зарождалась книга, которую ты, читатель, сейчас держишь в руках. Но если всмотреться пристальнее — можно увидеть еще более давние истоки этой книги.

Дело в том, что совместное собрание в цехе состоялось в соответствии с одним из пунктов договора о творческом содружестве между Уралмашем и Свердловской областной писательской организацией. А содружество это родилось значительно раньше подписания договора.

В годы войны комсоргом ЦК ВЛКСМ на Уралмаше был будущий автор «Уральской рябинушки» Михаил Пилипенко, редактором заводской многотиражки — прозаик Яков Резник. Десять лет проработал на заводе автор широко известной пьесы «Сталевары» драматург Геннадий Бокарев. Многолетняя дружба связывала писательницу Нину Попову со знатым уралмашевцем Константином Маслием, он стал прототипом одного из главных героев ее трилогии «Заре навстречу» — новатора Ракитного, и вообще действие последних двух книг этой масштабной трилогии — «Дело чести» и «Верность» — разворачивается на Уралмаше.

Не раз писали об Уралмаше, о его людях Борис Рябинин, Юрий Хазанович, Юрий Трифонов, Борис Марьев, Елена Хоринская, Михаил Найдич и многие другие литераторы Свердловска.

Что привлекает писателей на Уралмаше? Прежде всего масштабность свершений, сложность задач, которые решает завод-гигант, высокий уровень трудового творчества в многотысячном коллективе. Может быть, именно поэтому здесь резче проступают типические черты характеров передовых тружеников нашего времени, таких, как Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, бригадир зуборезчиков А. И. Храмов, как знатный фрезеровщик Герой Социалистического Труда А. А. Дурнышев или бывший директор УЗТМ Н. И. Рыжков, прошедший на заводе путь от мастера до первого заместителя министра...

Важно и то, что развитие огромного рабочего коллектива часто идет через конфликтные ситуации, которые и должен уловить писатель, чтобы создать настоящее художественное произведение о современности. Очерки и стихи этой книги, — где читатель найдет и репродукции посвященных Уралмашу картин ряда свердловских художников, — мы рассматриваем лишь как штрихи к портрету нашего рабочего современника, подлинного героя времени, который должен стать главным героем искусства. А в будущем видится серия книг «Люди Уралмаша». Это будут объемные очерки-портреты или сборники лучших стихов, рожденных на УЗТМ. Хочется надеяться, что работа над такими книгами явится для писателей-свердловчан подступом к масштабным произведениям о рабочем классе — произведениям, на создание которых вдохновляет нас партия, решения ее XXV съезда.

Повседневное общение с трудовыми коллективами — источник вдохновения для каждого творческого работника.

Л. СОРОКИН,
секретарь правления СП РСФСР,
ответственный секретарь
Свердловской писательской организации.

Красноуральская
ЦГБ

Стефан Захаров

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР УРАЛМАША

Пожалуй, уже мало кто из свердловчан помнит, что в 1927 году на том месте, где теперь возвышается Центральный универмаг, находилось недостроенное здание так называемой Товарной биржи. В нем в те времена размещалось много различных учреждений. Одно из них называлось управлением Машиностроя.

Как-то, морозным днем, от этого здания тронулся необычный конный поезд. В передней кошке под медвежьими пологами разместились начальник Машиностроя Банников и главный инженер Фидлер. Следом за ними ехали начальники участков, плотники, лесорубы, печники и рыжебородый фотокорреспондент Сурин. Замыкали длинный поезд десятки саней с кирпичом, пиломатериалами, паклей, инструментами.

Так начиналось строительство Уралмаша. Правда, слухи о будущей стройке ходили давно. Еще в 1920 году машиностроительный завод собирались проектировать на базе металлургического Верх-Исетского завода, но шла гражданская война, и выделить необходимые средства не было никакой возможности. Лишь через шесть лет, когда зарубцевались военные раны, подготовка к созданию завода развернулась по-настоящему.

Решение воздвигнуть машиностроительный гигант именно на Урале пришло не случайно. В царской России производительные силы размещались неравномерно. На востоке страны находилось четыре пятых всех сырьевых ресурсов, но промышленных предприятий здесь почти не было. Советское правительство приступило к разработке грандиозного народнохозяйственного плана на научной основе.

Началось строительство заводов на базе богатейших залежей сырья.

ИСТОКИ. Красный уголок цеха крупных узлов Уралмашзавода был переполнен. Шло собрание. Но собрание необычное. В зале рядом с рабочими, мастерами, инженерами сидели свердловские писатели. На трибуну попеременно поднимались то уралмашевцы, то литераторы. Шел заинтересованный разговор о том, какими должны быть очерки о людях труда. По сути дела на этом совместном собрании писателей и рабочих зарождалась книга, которую ты, читатель, сейчас держишь в руках. Но если всмотреться пристальнее — можно увидеть еще более давние истоки этой книги.

Дело в том, что совместное собрание в цехе состоялось в соответствии с одним из пунктов договора о творческом содружестве между Уралмашем и Свердловской областной писательской организацией. А содружество это родилось значительно раньше подписания договора.

В годы войны комсоргом ЦК ВЛКСМ на Уралмаше был будущий автор «Уральской рябинушки» Михаил Пилипенко, редактором заводской многотиражки — прозаик Яков Резник. Десять лет проработал на заводе автор широко известной пьесы «Сталевары» драматург Геннадий Бокарев. Многолетняя дружба связывала писательницу Нину Попову со знатым уралмашевцем Константином Маслием, он стал прототипом одного из главных героев ее трилогии «Заре навстречу» — новатора Ракитного, и вообще действие последних двух книг этой масштабной трилогии — «Дело чести» и «Верность» — разворачивается на Уралмаше.

Не раз писали об Уралмаше, о его людях Борис Рябинин, Юрий Хазанович, Юрий Трифонов, Борис Марьев, Елена Хоринская, Михаил Найдич и многие другие литераторы Свердловска.

Что привлекает писателей на Уралмаше? Прежде всего масштабность свершений, сложность задач, которые решает завод-гигант, высокий уровень трудового творчества в многотысячном коллективе. Может быть, именно поэтому здесь резче проступают типические черты характеров передовых тружеников нашего времени, таких, как Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, бригадир зуборезчиков А. И. Храмов, как знатный фрезеровщик Герой Социалистического Труда А. А. Дурнышев или бывший директор УЗТМ Н. И. Рыжков, прошедший на заводе путь от мастера до первого заместителя министра...

Важно и то, что развитие огромного рабочего коллектива часто идет через конфликтные ситуации, которые и должен уловить писатель, чтобы создать настоящее художественное произведение о современности. Очерки и стихи этой книги, — где читатель найдет и репродукции посвященных Уралмашу картин ряда свердловских художников, — мы рассматриваем лишь как штрихи к портрету нашего рабочего современника, подлинного героя времени, который должен стать главным героем искусства. А в будущем видится серия книг «Люди Уралмаша». Это будут объемные очерки-портреты или сборники лучших стихов, рожденных на УЗТМ. Хочется надеяться, что работа над такими книгами явится для писателей-свердловчан подступом к масштабным произведениям о рабочем классе — произведениям, на создание которых вдохновляет нас партия, решения ее XXV съезда.

Повседневное общение с трудовыми коллективами — источник вдохновения для каждого творческого работника.

Л. СОРОКИН,
секретарь правления СП РСФСР,
ответственный секретарь
Свердловской писательской организации.

Красноуральская
ЦБ

Стефан Захаров
ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР
УРАЛМАША

Пожалуй, уже мало кто из свердловчан помнит, что в 1927 году на том месте, где теперь возвышается Центральный универмаг, находилось недостроенное здание так называемой Товарной биржи. В нем в те времена размещалось много различных учреждений. Одно из них называлось управлением Машиностроя.

Как-то, морозным днем, от этого здания тронулся необычный конный поезд. В передней кошевке под медвежьими пологами разместились начальник Машиностроя Банников и главный инженер Фидлер. Следом за ними ехали начальники участков, плотники, лесорубы, печники и рыжебородый фотокорреспондент Сурин. Замыкали длинный поезд десятки саней с кирпичом, пиломатериалами, паклей, инструментами.

Так начиналось строительство Уралмаша. Правда, слухи о будущей стройке ходили давно. Еще в 1920 году машиностроительный завод собирались проектировать на базе металлургического Верх-Исетского завода, но шла гражданская война, и выделить необходимые средства не было никакой возможности. Лишь через шесть лет, когда зарубцевались военные раны, подготовка к созданию завода развернулась по-настоящему.

Решение воздвигнуть машиностроительный гигант именно на Урале пришло не случайно. В царской России производительные силы размещались неравномерно. На востоке страны находилось четыре пятых всех сырьевых ресурсов, но промышленных предприятий здесь почти не было. Советское правительство приступило к разработке грандиозного народнохозяйственного плана на научной основе.

Началось строительство заводов на базе богатейших залежей сырья.

И Уралмаш должен был стать машиностроительным центром всего Урало-Кузнецкого промышленного комплекса.

Миновав железнодорожный вокзал, санный поезд медленно двигался по Пышминскому тракту. К дороге вплотную подступал густой нетронутый сосновый лес. За одним из пригорков передние сани остановились. Надо было сворачивать влево, но на парах проехать оказалось невозможно: деревья тесно жались друг к другу. Пока лошадей перепрягали, начальник производственно-технического отдела Захаров и его помощник Андрюков, проваливаясь в сугробах, устремились вперед.

— Не торопитесь! — засмеялся Банников. — Целый год ждали. Потерпите... Минуты ведь остались. Простынете, а впереди еще работы много...

Лошадей поставили цугом — и «поезд» двинулся. Захаров и Андрюков с чертежами и картами сидели теперь в головной кошке и внимательно всматривались в лесные прогалины. Наконец Захаров, замахав картой, радостно закричал:

— Стой, товарищи! Вот она, точка — центр площадки.

Банников выпрямился в санях во весь рост.

— Поздравляю, друзья, с началом работ! Речей говорить не будем, некогда. Илларион Константинович, командуй!

— Выгружать материалы, рубить первую будку! — раздался голос Захарова.

Сурин быстро приготовил свою фотокамеру...

Уральский завод тяжелого машиностроения проектировали в Свердловске с 1926 года. Занимались этим делом советские специалисты. Длительные консульта-

ции с немецкими и американскими «знатоками» ни к чему не привели. И хотя проект еще не был окончательно готов, уже подбирались инженеры-специалисты, размещались заказы на оборудование. Естественно, всю эту сложную работу должен был возглавить талантливый, инициативный человек. Им оказался Александр Петрович Банников.

Вот самый первый приказ по Уралмашу:

«Приказ № 1

На основании постановления президиума Уральского областного совнархоза от 7 декабря 1926 года за № 14 я вступил в исполнение обязанностей временно управляющего Уралмашиностроением с 7 декабря 1926 года.

Управляющий Машиностроением
Банников».

Родился Александр Петрович Банников в семье слесаря Казанского порохового завода. В 1904 году ему, несмотря на все препятствия, удалось сдать вступительные экзамены в Глазовскую гимназию, но из седьмого класса за «дерзкое отношение» к священнику-законоучителю его исключили с «волчьим билетом». Банников решил податься на Урал. В Перми он с трудом устроился в реальное училище, на горнозаводское отделение. Жил впроголодь. Денег из дому почти не присылали, приходилось за гроши давать уроки сыновьям богатых купцов и чиновников. В 1916 году Александр Банников получил аттестат и одновременно... повестку из воинского присутствия. Шла империалистическая война, и царская армия нуждалась все в новом пушечном мясе.

В армии бывший реалист принял активное участие в революционной работе среди солдат. После Октября Пермский

Совет назначил Банникова председателем местного штаба Красной гвардии...

В Оренбуржье зашевелился атаман Дутов. С первыми добровольцами помощником начальника отряда туда отправился Банников. После разгрома белоказацкого атамана молодой командир стал военным комиссаром города Осы. Он формировал воинские части, руководил борьбой с бандитизмом.

Осенью 1918 года в западных уездах Пермской губернии было неспокойно. Сказывалась близость вспыхнувших в Ижевске и Воткинске эсеровских мятежей. Мобилизация в Красную Армию пошла туго, скрытая вражеская агитация давала о себе знать. Работников военкомата в деревнях кулаки встречали угрозами. И кое-кто внушал Банникову, что провести мобилизацию можно только с помощью вооруженной силы. Но Банников не прислушивался к этим «советам». Он один появлялся в деревнях, селах, выступал там на сходах, и так образно и ярко говорил о новой власти, о Красной Армии, что крестьяне слушали затаив дыхание. И никаких недоразумений с мобилизацией после его речей не возникало.

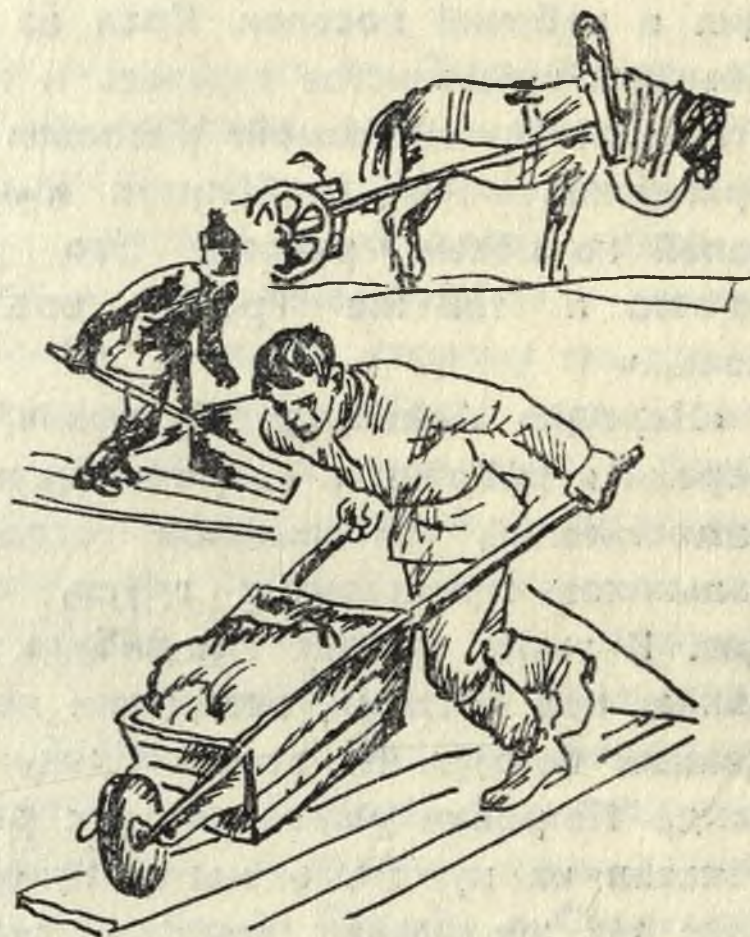
Когда белогвардейцев с их приспешниками навсегда изгнали с Урала, Банников перешел на советскую работу. Трудящиеся Перми избрали его председателем исполкома. Затем он возглавлял Тюменский, а позднее Нижнетагильский окрисполкомы. Времени свободного, конечно, не было, но все-таки Банников урывал минуты для учебы: мечтал получить диплом инженера. И в 1923 году он сумел окончить практический металлургический институт в Перми.

Партия не ошиблась, направив Александра Петровича начальником строительства Уралмаша. Такой человек, как Бан-

ников, наделенный огромными организаторскими способностями, здесь был крайне необходим. Он поспевал всюду — умело подбирал способных инженеров и техников, формировал отделы, лично встречал приезжающих со всех концов страны рабочих.

— Место, где строился завод, было сырое, полуболотистое, — рассказывал один из первых уралмашевцев Ф. Слесарев. — Под цехи завода и поселок уже был вырублен огромный массив векового леса. Для стока воды положены канавы. На сыром замшелом пространстве торчали тысячи пней. Тайгу днем и ночью сотрясали взрывы — это расчищали площадку... Густой, дремучий лес подступал прямо к домам...

Важнейшими фигурами на стройке Уралмаша в то далекое время были землекопы и грабари-коновозчики. От того, как они работали, зависело многое. Да и всем остальным приходилось нелегко. Трудились, не считаясь со временем. Часто после основной работы устраи-

лись субботники: рабочие и служащие разгружали оборудование, прибывшее на стройку (в сутки поступало до трехсот вагонов), убирали мусор, белили бараки.

И вместе со всеми на субботниках постоянно можно было увидеть широколобого, грузного, с доброй улыбкой человека в полувоенной форме, подпоясанного широким армейским ремнем, — руководителя строительства Александра Петровича Банникова.

Александр Петрович интересовался на стройке буквально всем. Старая уралмашевская гвардия до сих пор с любовью вспоминает о своем первом начальнике. Вот несколько выдержек из рассказов ветеранов:

«Хочется добрым словом помянуть товарища Банникова, который искренне заботился о женщинах-работницах. В первом выстроенном на Уралмаше доме тотчас же были открыты ясли. Это говорит о многом. Банников был прост в обращении, вместе с работницами часто обсуждал насущные бытовые вопросы...»

«Под вечер, утомленный, Банников уходил в рабочий поселок, брал из рук неопытных гармонистов гармонь и под собственный аккомпанемент распевал красноармейские песни, мобилизуя ими строителей на новые работы. Это делалось просто и так же просто воспринималось...»

«Нередко Александр Петрович шел в бараки к рабочим в сопровождении своих заместителей, начальников отделов, начальников строительных групп, снабженцев. В таких случаях где-нибудь на полянке, под соснами, возникали непринужденные беседы. На этих собраниях Александр Петрович разговаривал с рабочими, узнавал их нужды, а мы в нужных случаях тут же давали справки, ответы на

вопросы, внимательно следили за ходом беседы, и, если Банников что-либо обещал, каждый из нас, кого это касалось, брал себе на заметку его обещание, чтобы потом вовремя выполнить его. Эти собрания под соснами обычно кончались импровизированными концертами...»

22 июня 1927 года на Уралмашинострое прошло первое организационное собрание партячейки. Хотя и мало тогда было на строительстве коммунистов — всего восемь человек, — силу они представляли значительную. После создания партийной организации в работе строителей наметился крутой перелом. Коммунисты личным примером увлекали беспартийных. Секретарем партбюро избрали Федора Ивановича Стриганова, членом партбюро — руководителя строительства Александра Петровича Банникова.

15 июля 1928 года состоялась торжественная закладка Уралмашзавода. Выступая в этот день на митинге, Александр Петрович говорил:

— Закладка первого цеха машиностроительного завода — цеха железных конструкций — совпадает с великим днем освобождения Урала от Колчака. Товарищи! Белые банды могли сжигать мосты, разбирать и уничтожать по частям машины. Но белая банда не смогла уничтожить волю и неукротимую творческую энергию рабочего класса. Мы построим новый гигантский завод, мы дадим машины нашим металлургам, нашей горной и лесной промышленности...

После митинга уралмашиностроевцы и гости собрались у котлована. На первый камень в северо-восточном углу котлована легла медная доска с надписью:

«15 июля 1928 года, в день 9-й годовщины освобождения Урала от Колчака,

заложен Уральский машиностроительный завод».

Кто-то крикнул:

— Ребята! Качать Александра Петровича!

Десятки рук подхватили начальника строительства, и он высоко взлетел над праздничной, шумной толпой.

— Пустите, друзья!.. — шутливо просил Банников. — Ведь вам же самим меня потом отхаживать придется... Вот когда окончательно построим завод, тогда уж на здоровье. А пока за дело, за дело!

— Чтоб наш завод был чирьем в буржуазном глазу! — в азарте воскликнул какой-то курносый парнишка.

— Вот это правильно!..

Ровно через год, на три месяца раньше срока, цех металлоконструкций вошел в число действующих предприятий страны.

Уралмашиностроители предложили свои услуги Магнитострою и заверили, что с выполнением заказов не подведут. Но для изготовления металлоконструкций требовались кадры высокой квалификации.

— Нам надо ковать специалистов вот из этих полуграмотных, пришедших от сохи крестьян, — говорил Банников. — И тут никто не даст нам избавленья.

На Уралмашинострое организовался целый учебный комбинат с различными техническими курсами и школами Центрального института труда. Лучшие производственники направлялись в вузы. Кадры ковались на ходу. Вчера еще неграмотные, полутемные деревенские парни и девушки становились к станкам. Порой, как вспоминал бывший начальник промышленного строительства Уралмашиностроя П. Орехов, случались забавные истории.

Однажды потребовалось узнать, работает ли бульдозер, недавно доставленный на стройку. Банников вызвал к себе рассыл-

ную Васёну и попросил выяснить это у начальника парка механизации Богомолова.

Васёна, позвонив от диспетчера по телефону, прямо так и спросила:

— Вышел ли на работу товарищ Бульдозер?

Богомолов в шутку ответил:

— Нет, бульдозер на работу сам не идет, его вести надо.

Явившись к Банникову, Васёна отрапортовала:

— Александр Петрович, товарищ Бульдозер на работу не идет, его вести надо, вроде больной...

Банников не стал смеяться, а объяснил рассылной, что бульдозер не человек, а новая машина.

— И ты на нем, Васёна, станешь работать, — обнадежил он девушку.

И действительно, несколько месяцев спустя Васёна уже работала бульдозеристом...

А строительство между тем с каждым днем приобретало все больший и больший размах. Газета «Уральский рабочий» писала:

«В трех километрах от Свердловска, не доезжая до кордона, дорога круто поворачивает влево. Это примитивное шоссе из щепок, прутьев и хвороста ведет в гущу леса к постройке будущего уральского гиганта. В какую сторону ни взглянешь, кругом кипит работа: стоят отстроенные и недостроенные дома и бараки, роются котлованы, лежат в штабелях камни, кирпичи, пиломатериалы...»

Но трудности возникали на каждом шагу. Под видом «рабочих» на Уралмашинострой пробрались и бывшие белогвардейские офицеры и кулаки. Они руководствовались одним правилом: цель оправдывает средства, для борьбы с Советской

властью любые средства хороши. И вот в подшипниках, в станках оказывался то насыпанный чьей-то вражеской рукой песок, то болты. Враги хитроумно играли на очередях в столовых и магазинах, на нехватке промтоваров, на плохих жилищных условиях. Совершались и прямые террористические акты.

Не дремали и члены вредительских организаций, засевшие в различных научно-технических советах и экспертных комиссиях.

В начале 1929 года взволнованный Банников пришел на партийное собрание. В руках у него была телеграмма.

— Товарищи! Москва приказывает остановить наше строительство...

Собрание зашумело. Банников пустил телеграмму по рукам. Коммунисты читали и не верили своим глазам.

— Ошибка, поди, на телеграфе произошла, — неуверенно сказал кто-то.

Не закрывая собрания, коммунисты поручили Александру Петровичу и еще двум товарищам отправиться в город и по телефону связаться с Москвой (своей прямой связи Уралмашинострой еще не имел).

По тракту понеслись сани, запряженные тройкой лихих коней.

— Быстрее, как можно быстрее! — торопил кучера Банников.

Вернулись посланцы из города поздней ночью. Коммунисты, уставшие после трудового дня, терпеливо ждали, не расходились. Оказалось, что стройку действительно останавливают, кредиты сокращают. Подробности, мол, будут сообщены письмом. Однако через день пришло не письмо, а новая телеграмма. Это был приказ о переводе строительства в Нижний Тагил.

Созванное экстренное партийное собра-

ние приняло решение: Банникову немедленно выехать в Москву и добиться отмены приказа. Коммунистов Уралмашиностроя поддержали областной комитет партии и облисполком.

Журналист Евгений Кригер, бывавший тогда на Уралмашинострое, позднее вспоминал:

«Чья-то злая рука тянулась к Уралу из Москвы, из Главметалла, душила стройку деловыми с виду, а по существу преступными указаниями.

Банников был обязан выполнять их. Но он изворачивался, хитрил, обманывал невидимого врага, а часто, осатанев, наотрез отказывался подчиняться распоряжениям, благонамеренным по форме, но убийственным для будущего завода. Банников чувствовал: кто-то пытается задушить Уралмаш еще в колыбели, задержать надолго, а то и вовсе сорвать сооружение гигантского предприятия...

Не знал он тогда, что нити заговора от начальнического кресла в главке тянулись к тайной парижской норе, откуда рябушинские, манташевы, нобели инструктировали своих исполнителей, засевших в Главметалле, агентов контрреволюционной промпартии. Не знал этого Банников. Но сердцем чуял недоброе. Долг коммуниста, совесть честного человека побуждали его, не страшась гонений, вступая в неравный бой, строить и строить свой Уралмаш».

Неоценимую поддержку оказал Банникову в Москве Серго Орджоникидзе, он обещал выяснить, почему на строительство идут нелепые распоряжения, почему срывается финансирование. Орджоникидзе в то время был народным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции, заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и заместителем

Председателя Совета труда и обороны.

— Строить будем! — говорил возбужденный Банников, возвратившись в Свердловск. — Москва денег дала. Боевая задача — пустить на полный ход цех металлоконструкций и начать заготавливать железные скелеты цехов Уральского машиностроительного завода.

В декабре Совет труда и обороны принял постановление. Уралмашинострою придавалось исключительное значение как одной из крупнейших новостроек первой пятилетки.

Серго Орджоникидзе сдержал свое слово. Особым его распоряжением всем хозяйственным организациям предлагалось усилить снабжение Уралмашиностроя необходимыми материалами и оборудованием, направлять туда как можно больше рабочей силы.

Еще в августе 1929 года уралмашиностроевцы заложили ремонтно-механический цех, а вскоре начали строить каменные жилые дома. 13 августа на стройке появилась первая ударная бригада, возглавляемая слесарем А. Туревичем. А в начале следующего года состоялась первая конференция ударников — строителей Уралмаша. На конференции с докладом выступил Банников.

С нового года быстрыми темпами начали возводиться основные цехи завода: сталелитейный, чугунолитейный, термический, инструментальный, модельный, механический, кузнечно-прессовый. Днем и ночью, при свете костров, кипела работа в ту морозную зиму. Когда замерзший грунт не поддавался ни кайлам, ни лопатам, в ход шли стальные клинья и кувалды. Не хватало цемента, железа, гвоздей. Банников сутками не уходил со строительства.

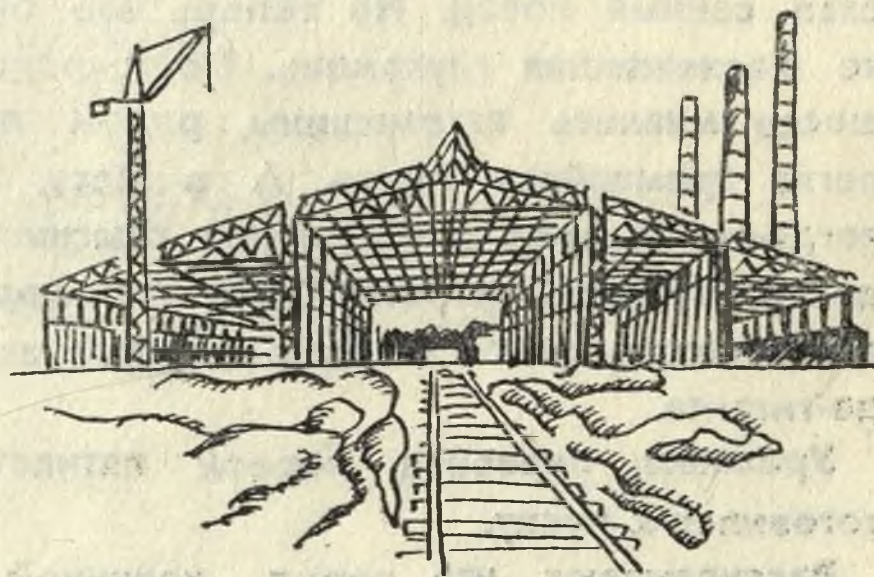
В декабре он отдал приказ о реорга-

низации строительных групп. Теперь вместо прежних разнородных групп создавались участки с единым направлением работ — промышленного строительства, жилищного строительства, строительства водопровода, канализации и благоустройства и другие. Эта реорганизация благотворно сказалась на темпах. Стены недостроенного еще чугунолитейного цеха озарились огнем первой плавки. В эти дни Банникова срочно вызвали в Москву для доклада о ходе строительства. Прямо в вагон рабочие принесли ему только что отлитую круглую плитку с гербом Советского Союза. Это был рапорт о первой трудовой победе.

В марте 1931 года Уралмашинострой был выделен в самостоятельный район города Свердловска со своим райкомом партии и райисполкомом.

Пуск завода приближался. Но дел у Банникова не убывало. Он по-прежнему воевал с нерадивыми снабженцами, кричал что-то озорное, веселое в телефонную трубку бригадирам комсомольских бригад, давал прорабам новые и новые задания, утверждал встречные планы бригад, ездил в Москву к Серго Орджоникидзе.

Между тем незаметно подкрадывалась тяжелая болезнь. Александр Петрович

старался ее не замечать, скрывал от семьи и товарищей. На вопросы о здоровье шутливо отвечал: дескать, беспокоиться нечего, на Уралмашинострое есть доктор Касторский, который все знает, если потребуется, вылечит.

А партия поручила Банникову еще один важный пост — он был назначен начальником Востоксоюзстроя и одновременно продолжал руководить стройкой своего любимого детища.

Кипучая деятельность Александра Петровича продолжалась до самого последнего дня жизни. И для многих явилось полной неожиданностью траурное сообщение, опубликованное в газетах, в середине апреля 1932 года. В нем говорилось:

«ЦК ВКП(б) выражает глубокую скорбь по поводу смерти преданного делу рабочего класса большевика-хозяйственника, одного из способнейших строителей крупнейшего предприятия социалистической индустрии Уральского машиностроительного завода, А. П. Банникова».

Утром 19 апреля к перрону Свердловского железнодорожного вокзала подошел из Москвы траурный поезд. Уралмашиностроевцы бережно вынесли урну с прахом первого строителя. Похоронная процессия двинулась по той дороге, по которой четыре с половиной года назад ехал санный поезд. Но теперь это была не заснеженная глухомань. По широкому шоссе мчались автомашины, рядом пролегла трамвайная линия. А в лесу, где когда-то Захаров и Андрюков отыскивали центр будущей строительной площадки, возвышались почти готовые корпуса завода-гиганта.

Уралмаш, первенец первой пятилетки, готовился к пуску.

Рассказывают, что перед кончиной к

Банникову в Кремлевскую больницу зашел тогдашний Председатель Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимов, работавший долгое время в Свердловске. И именно к нему были обращены последние слова Александра Петровича:

— Данила Егорович, как уральца, как руководителя прошу... не забывайте помогать заводу...

Похоронили Александра Петровича Банникова под салют винтовок и под печальные заводские и паровозные гудки у входа на Уралмаш. На могиле поставили небольшой скромный памятник. Одна из улиц Орджоникидзевского района носит теперь имя Банникова... Умер Александр Петрович совсем молодым, тридцатисемилетним.

...Прошло сорок четыре года. «Отец многих заводов и фабрик», как образно назвал Уралмаш Алексей Максимович Горький, давно уже превратился в кузницу советской машиностроительной индустрии. Он вооружает нашу страну первоклассной современной техникой. Да и не только нашу страну — его продукция идет и за рубеж.

В Липецке в строй вступила еще одна доменная печь, в Караганде — цех автолиста, в Свердловске, на ВИЗе, — цех холодной прокатки, в Выксе — колесопрокатный цех... Перечисление можно продолжать и продолжать. И всюду продукция Уралмаша: прокатное оборудование, установки непрерывной разливки стали, шагающие экскаваторы, буровые установки...

Еще в 1939 году Уралмаш был награжден высшей наградой страны — орденом Ленина, став первым орденоносным предприятием в нашем городе. Во время Великой Отечественной войны к этой на-

граде прибавились ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени. Завод сумел быстро перестроиться и наладить выпуск военной продукции.

Вокруг Уралмаша выросло много других крупных предприятий. А самому Уралмашу уже мало прежней территории. У него появились цехи в Буланаше, в Красном, в Пышме, Азанке.

Сейчас, в десятой пятилетке, Уральский завод тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе выдает такое огромное количество продукции, какое он еще никогда не выдавал. Это стало возможно благодаря реконструкции и расширению производства. Ну а дальнейшее осуществление реконструкции даст еще более резкое повышение производительности труда. В недалеком будущем головное предприятие объединения Уралмаш станет предприятием самых высококвалифицированных кадров, как того требует время.

УЗТМ — гордость Свердловска. В 1971 году за успешное выполнение восьмой пятилетки он был награжден орденом Октябрьской Революции. Огромному предприятию по плечу сейчас все задачи, поставленные перед ним Советским правительством, XXV съездом КПСС. Ведь недаром с Уралмаша начинались многие трудовые подвиги. Завидна судьба этого завода, завидна судьба тех, кто его возводил.

И когда мы добрым словом вспоминаем имена первых строителей — самым первым произносим имя Александра Петровича Банникова.

Елена Хоринская

ВСТАЕТ РАССВЕТ

Встает рассвет морозный, яркий,
В снегу деревья и дома.
Сверкает синий всполох сварки,
Тревожна первая зима...
Ее нельзя назвать обычной, —
Как в битву шли, упрямей став.
Не сразу стало все привычным —
Размер машины заграничной,
Ее чужой капризный нрав...
Бежит у окон след буранный,
И смены близится конец.
Возле машины иностранной
Надменный иностранный «спец».
Он выхолен, видать, с пеленок,
И неприступен гордый вид.
А на машину фабзайчонок
Как зачарованный глядит.
Спец на парнишку смотрит

чертом.

«Такому техника!! О нет!»
Парнишка в ватнике потертом,
Парнишка первых трудных лет...

...В другой стране заморской,
знойной, —
В тени под сорок — не предел, —
Весь день в работе,
Беспокойный
Упрямый русский инженер.
Стучит в висках. И воздух жарок.
Но будет в срок готов завод.
И в зареве электросварок
Вдруг вспомнился тот давний год.
Зима...

Инспек в величье гордом...
Тех лет суровые черты...
Парнишка в ватнике потертом,
Да неужели это ты!!

А где-то (где — неважно это),
Уже отчаявшись вконец,
Сидит над смятою газетой
Он — старый иностранный спец.
Да, он в России был когда-то...
Но вот представить — выше мер!
Глядит на чудо-экскаватор
Вновь безработный инженер.
И вспомнил он полей безбрежность...
Снега...
Завод в лесном кольце...
И уж не гордость — безнадежность
На дряблом, старческом лице.
Он видит на листе простертом
Эпохи новые черты...
Парнишка в ватнике потертом,
Да неужели это ты!!

ТОВАРИЩ МОЙ ПЕСНЯ

Идем мы в утреннюю смену,
И первый луч для нас горит...
Идем к станкам, идем к мартенам,
И от шагов звенит гранит.
Нам вслед рябина веткой машет,
И солнце ждет у проходной.
Мы просто парни с Уралмаша,
Товарищ мой, товарищ мой!

Горели первые рассветы,
Костры дымились в сизой мгле.
Завод воздвигли наши деды
На кровью политой земле...
И в грозный час отцы сражались
Своей работой фронтовой,
И наши танки грозно мчались
В священный бой, в священный бой.

Цветет июль под солнцем жарким.
Мы новый приняли маршрут:
Машины с нашей славной маркой
В края заморские идут.

Распахнут нам простор широкий,
Завод стал нашею судьбой,
И даже в Индии далекой —
Товарищ мой, товарищ мой.

Тобой гордимся мы по праву,
Родной завод уральский наш,
Давным-давно овеян славой
Наш Уралмаш, наш Уралмаш.
Нам вслед рябина веткой машет,
Идем мы сменой молодой,
Летит по свету песня наша,
Товарищ мой, товарищ мой!

Николай Мыльников

**ТАНКОСТРОИТЕЛЬ
МИХАИЛ
ПОПОВ**

23 июня, на второй день войны, начальник механического цеха Уралмашзавода получил приказ директора: приступить к выполнению фронтовых заказов. Сроки заводской перестройки были сжаты до предела, и уже в начале июля в цех завезли большую партию танковых корпусов, сваренных прочными швами академика Патона.

Понимая всю ответственность предстоящей работы, начальник цеха пригласил к себе в конторку сменного мастера комсомольца Михаила Попова. Доверительно сказал:

— Военный заказ — особый заказ. Специалистов-расточников выше твоей квалификации у нас нет. Поэтому обработку танковых корпусов, Михаил, я решил поручить твоей бригаде. Как ты смотришь на это? Справишься?

Попов ответил не сразу. Внимательно просмотрел чертежи, ознакомился с расчетом часов, отпущенных на расточные работы, раздумчиво сказал:

— Попотеть придется. Но раз фронту нужна техника, мы должны ее дать.

До войны Михаил Попов и члены его бригады видели танки лишь под брезентами на железнодорожных платформах и в кинофильмах. Но теперь настала пора растачивать броневые части самых мощных боевых машин КВ да с такой точностью, какой на прежних работах не требовалось.

На подмогу станочникам пришли инженеры, техники. Для расточки броневых частей технологи приспособили станок, который раньше обрабатывал коленчатые валы. Сверлить и фрезеровать броню заставили зуборезные станки. А из прессы, что применялся при деревообрабатывающих операциях, сделали бронеправильные агрегаты.

Бригада Михаила Попова стала управляться с танковым корпусом за тридцать шесть часов, потом — за двадцать четыре, за двенадцать...

А война разгоралась все сильнее. Гитлеровская армия продолжала теснить наши войска. Враг захватил Молдавию, Белоруссию, большую часть Украины, Прибалтику, танки Гудериана рвались к Москве.

В тревожный сентябрьский день на исходе смены Михаилу Попову позвонили:

— Тебя, Миша, срочно вызывают к директору.

— Зачем! — насторожился мастер.

— Приехал нарком Малышев. Хочет поговорить с тобой.

«Сам нарком танковой промышленности! — забеспокоился Попов. — Неужели поступили какие-то жалобы от фронтовиков?»

В кабинете директора сидел Вячеслав Александрович Малышев, одетый в хорошо отутюженный, защитного цвета френч с накладными карманами и отложным воротником. Слева от наркома располагалась группа военных с ромбами и шпалами в петлицах гимнастеров. Стулья, расставленные вдоль стен, заняли руководители заводских служб, начальники цехов. Из мастеров присутствовал здесь один Михаил Попов.

Разговор повел нарком:

— Я прибыл сюда по поручению председателя Государственного Комитета Обороны и буду говорить от его имени. Тяжелая и опасная для страны военная обстановка требует удвоить, утроить выпуск танков. Требуется безотлагательно. В самые ближайшие дни. Если мы с этой задачей не справимся, народ, Отечество не простят нам. Нехватка боевых машин на фронте ведет к тому, что полки и ди-

визии Красной Армии продолжают отступать, несут большие потери...

Затем Малышев начал расспрашивать уралмашевцев — что им мешает в работе, как можно увеличить выпуск военной продукции в смене, на участке, в цехе.

Дошла очередь отвечать на вопросы наркома и до Михаила Попова. Он встал. Вячеслав Александрович внимательно осмотрел молодого, ладно сбитого, круглолицего парня:

— А как себя чувствует молодежь?

— Нормально, товарищ нарком, — бойко ответил Попов, вытянувшись по-военному.

— Я знаю: ваша бригада работает неплохо. Обработать танковый корпус за двенадцать часов — это достижение. Но то, что было завоевано вчера, нас не устраивает сегодня. Согласны со мной?

— Согласен.

— Тогда перейдем к главному. — Малышев провел ладонью по большому покатому лбу, зажал в кулак подбородок, в упор спросил: — А может ваша бригада сократить расточные работы до семи-восьми часов?

Попов растерялся. Ему казалось: расточники выжали из станков все, что они могли дать. А тут надо ускорить обработку корпусов еще на четыре-пять часов... Щеки мастера покраснелись. «Как же это? Выходит, мы остановились на полдороге, что-то не продумали! Значит, на других заводах нас обогнали!..»

Нарком донял растерянность мастера.

— Вы не торопитесь отвечать. Подумайте как специалист своего дела и скажите: реальны наши наметки или не реальны?

Попов поерошил густой зачес, исподлобья глянул на начальника цеха, поощрительно кивнувшего головой, ответил:

— Я хорошо понимаю: без танков на

войне не обойдешься. Поэтому беру такое обязательство: не сегодня, не завтра, но в самые ближайшие дни готовить танковый корпус за семь часов.

— Спасибо за поддержку и от меня, и от Государственного Комитета Обороны, — поблагодарил нарком.

Попов вышел из директорского кабинета и пошагал в цех. Стоял ясный прохладный вечер. Но Михаил не замечал этой прохлады. Он расстегнул пиджак и только теперь почувствовал: вся спина была мокрой.

Расточники встретили мастера вопросами:

— Какие новости?

— Есть что-нибудь интересное?

Стоя в плотном кругу станочников, Попов перевел дыхание, достал папиросу, прикурил, затянулся раз, другой и рассказал, о чем шла речь в кабинете директора.

— Москве грозит большая опасность, — подытожил бригадир. — В танках на фронте — недостаток. И я от лица бригады дал слово наркому танковой промышленности — обрабатывать броневой корпус за семь часов.

— А за счет чего? В дирекции подсказали? — слышались вопросы.

— Подсказали. — И Попов стал перечислять то, о чем неотвязно думал после разговора с наркомом:

— Сократить вспомогательное время — раз. Повысить обороты режущего инструмента — два. Применить новые приспособления — три. В общем, резервы у нас еще есть.

В бригаде — ее составляли Вячеслав Андреев, Михаил Борцов, Николай Коняхин, Владимир Третьяков и Петр Шукшин — много времени тратилось на то, чтобы громоздкий и тяжелый суппорт по-

ставить в нужное положение. Его надевали при помощи специального крана. И тут помогла находчивость мастера. В груде оборудования, эвакуированного с Украины, Попов обнаружил облегченный суппорт, очистил его от ржавчины, отремонтировал и пустил в дело. Это дало возможность выиграть полтора часа.

Резерв найден солидный, но этого мало. Надо искать дальше.

И мастер, и расточники давно косо смотрели на люнеты — приспособления, которые препятствуют изгибу и колебанию обрабатываемой детали. Люнеты выдавали мелкую стружку и этим сдерживали скоростное резание металла. Думали расточники, думали — и решили сделать литые упоры. Тут же и внедрили это новшество, урывая время от сна.

Резцы стали по-иному вгрызаться в металл и снимать стружку толщиной уже не в десять миллиметров, а в сорок пять. Это помогло отвоевать еще полтора часа.

Потом расточники по-новому расставили станки, увеличили обороты режущего инструмента, до предела ужали время на подготовку мерительного инструмента, на перестановку приспособлений.

Слово, которое дал наркому комсомолец Михаил Попов, оказалось твердым. В считанные дни бригада превзошла все ожидания руководителей завода.

Поздно ночью в цех прибыли нарком В. Малышев, секретарь Свердловского обкома партии В. Андрианов, руководители завода — директор, главный инженер, главный технолог, начальник производства...

Нарком обнял Попова, расцеловал его, воскликнул:

— Молодец, Михаил Федорович! Получилось и по-комсомольски, и по-фронтовому.

— Служу Советскому Союзу! — по-военному ответил мастер.

Здесь же, в цехе, нарком танковой промышленности подписал приказ, в котором, в частности, говорилось:

«Бригада расточников под руководством мастера Попова М. Ф. 20 сентября расточила деталь за 5 часов 30 минут. Опрокинув установленные нормы выработки, мастер и его бригада показали образцы стахановского труда».

После долгой и трудной вахты победители легли спать в цеховом красном уголке.

Но отдых их оказался коротким. На стыке ночной и утренней смен решено было провести митинг.

— Тебе, Миша, надо выступить, — обратился к Попову секретарь цехового партийного бюро. — Расскажи, как ваша бригада добилась успеха.

В пролете, где люди собрались на митинг, на стенах уже висели портреты расточников-героев. Плакаты и лозунги призывали: «Работать так, как работает бригада Михаила Попова!», «Честь и слава передовым уралмашевцам, выдающим во-

енную продукцию!», «Дадим фронту столько боевой техники, сколько требуется!»

Усталый и осунувшийся Попов взобрался на башню танка, окинул взглядом рабочих, заполнивших пролет, сказал:

— Наша бригада выполнила ответственное задание наркома. Мы более чем в два раза сократили сроки обработки сложных деталей боевых машин. От имени товарищей по бригаде я призываю рабочих цеха следовать нашему примеру. И еще мне хочется, чтобы каждый уралмашевец запомнил: цех — это фронт, станок — это оружие.

Не сразу и не вдруг стал Михаил Попов мастером своего дела.

После семилетки в Людиново — что лежит между Калугой и Брянском — Попов поступил на курсы и, окончив их, стал работать расточником на местном машиностроительном заводе.

На первых порах далеко не все шло гладко. В одном случае расточное отверстие получалось конусообразным, в другом — приобретало форму эллипса...

К семнадцатилетнему станочнику присмотрелся кадровый рабочий Иван Тимофеевич Беззаботных.

— Ты, Мишуха, по-серьезному решил стать рабочим человеком или чтобы набрать стаж на будущее?

— По-серьезному, Иван Тимофеевич.

— Тогда другая статья, — улыбнулся Беззаботных. — Тогда есть расчет кое в чем наставить тебя на путь праведный... Не станешь возражать?

— Против добра разве возражают! — по-взрослому рассудил Попов.

Расточник высокого класса, проработавший на заводе три десятилетия, Иван Тимофеевич научил Михаила Попова всему

тому, из чего складывается настоящее мастерство.

А летом 1933 года вступил в число действующих Уралмаш. Газеты тогда писали: пройдет немного времени, и уральский гигант по праву займет место правофлангового в индустриальном строю.

«Вот бы поработать на таком заводе!» — задумался Михаил Попов.

Мечта эта сбылась. Осенью того же года он приехал в Свердловск, поступил в механический цех Уралмашзавода и встал за уникальный металлорежущий станок.

Уралмаш покорило молодого рабочего своим размахом, разворотом работ, внушительными машинами, выпускаемыми для различных отраслей промышленности, ухоженностью в цехах, в пролетах. Радостно было от мысли, что ему предстоит работать в коллективе завода-гиганта, где есть чему поучиться, есть где приложить руки.

И с первых дней пребывания в цехе Михаил взял себе за правило — равняться на передовых станочников, умевших оседлать технику.

Где-то через полгода, а может, и раньше о комсомольце Попове заговорили как о квалифицированном расточнике-скоростнике. При этом успевал он и беседу провести, и в хоровом самодеятельном коллективе участвовать, и спортом подзаниматься.

Прошло еще какое-то время, и смекалистому парню предложили должность сменного мастера.

Попов попробовал отговориться:

— У меня еще и годы не те, чтобы ходить в начальниках, и опыта организаторского не подкопил.

— Годы набегут, — возразил начальник цеха, — опыт будет расти день ото дня.

Так что обе причины я считаю неосновательными. Готовые руководители не рождаются. Они вырастают в труде.

— А если я не справлюсь?

Начальник цеха нахмурился:

— А кто комсомольцу дал право не справляться с тем, что ему поручают?

Этот вопрос задел Попова за живое. Поразмыслив, он согласился принять должность мастера. Согласился, несмотря на то что мастер зарабатывал гораздо меньше, чем расточник.

И вот теперь в тревожном сентябре сорок первого молодой мастер и его бригада стали известны всему Уралмашу.

Вскоре заводская газета напечатала обращение расточников-новаторов к комсомольцам и всем молодым рабочим предприятия. Оно призывало уралмашевцев создавать бригады, работающие по-фронтному. А это значило — удвоить и утроить выпуск продукции на каждом участке.

Комитет ВЛКСМ завода одобрил призыв молодых расточников цеха и присвоил бригаде наименование первой фронтовой комсомольско-молодежной.

Почин Михаила Попова и его бригады подхватили во всех цехах Уралмаша, а затем и на других заводах Свердловска. Вскоре фронтовые комсомольско-молодежные стали создаваться и в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Челябинске, Омске, Иркутске.

Чтобы показать, каких успехов добивались эти бригады, воспользуемся одним отчетом Свердловского обкома ВЛКСМ. В отчете говорилось: «В сорок пятом цехе Уральского алюминиевого завода на механическом участке четырнадцатилетних работает 24 человека, пятнадцатилетних — 100 человек, шестнадцатилетних — 41 человек, семнадцатилетних — нет. Нормы

выработки выполняют: на двести процентов — 50 человек, на триста процентов — 100 человек, на четыреста процентов — 14 человек. Есть один тысячник».

По примеру комсомольца Попова на предприятиях Среднего Урала было создано более одиннадцати тысяч фронтовых бригад. Они объединяли полмиллиона молодых рабочих.

В июне сорок второго за образцовое выполнение заданий правительства по производству бронекорпусов для танков Президиум Верховного Совета СССР наградил коллектив Уралмашзавода орденом Трудового Красного Знамени. Соревнование машиностроителей разгорелось с новой силой. Руководители завода обратились в правительство с просьбой разрешить Уралмашу выпускать танки Т-34 с законченным циклом.

Ходатайство уральцев было удовлетворено.

Бригада Михаила Попова снова оказалась на ключевых позициях. Ей поручили обрабатывать самые ответственные узлы

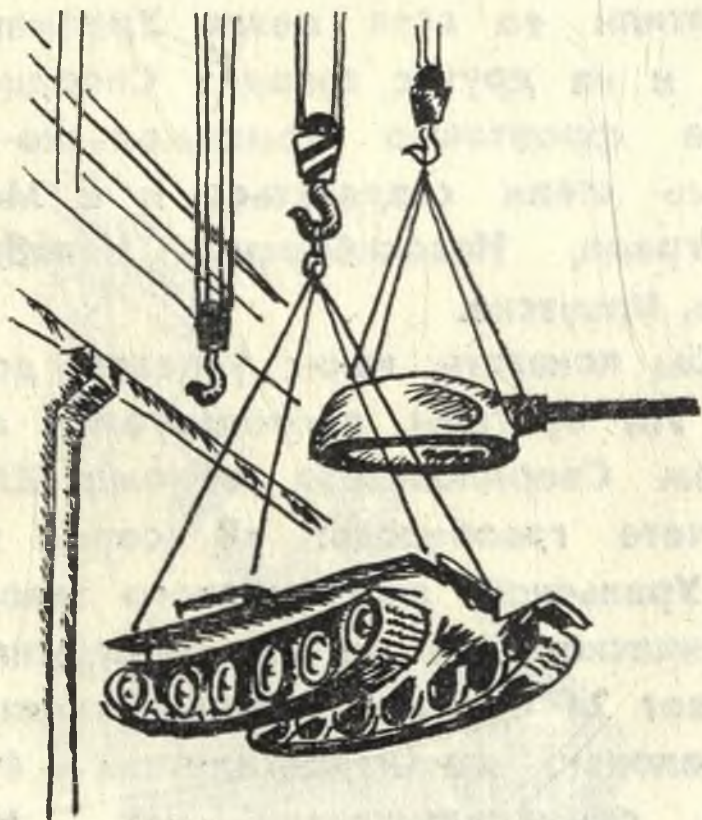
и детали. Снова так же, как в дни, когда на заводе осваивался ускоренный выпуск бронекорпусов для танков «Клим Ворошилов», расточники по суткам и больше не уходили от станков, экспериментировали, овладевали скоростным резанием металла, добивались безупречной точности в работе, «расшивали» узкие места. И все это уже через месяц позволило сжать расчеты технологов в несколько раз. На фронт дополнительными эшелонами пошли высокоманевренные и быстроходные «тридцатьчетверки» и самоходные установки.

На нелегких военных дорогах корреспондентская судьба очень часто сводила меня с танкистами — командирами экипажей, механиками-водителями, наводчиками, радистами-пулеметчиками. И за все годы войны я не слышал, чтобы кто-то из фронтовиков посетовал на тактико-технические данные танков Т-34. Ими гордились всюду: они превосходили машины и немецкие, и английские, и американские.

Из писем друзей-фронтовиков, из газетных очерков и корреспонденций Михаил Попов знал: в боевой обстановке, будь то в наступлении или в обороне, победа достается тому, кто смело идет на риск, опирается на взаимовыручку. И, считая цех фронтом, он и сам не раз рисковал и выручал друзей там, где было тяжело, где приходилось жертвовать отдыхом, забывать об усталости.

Однажды у прессы мощностью в десять тысяч тонн лопнул рабочий цилиндр. Из строя вышел незаменимый механизм, на котором прессовались детали для военных нужд.

Подобный импортный агрегат раньше имели у себя новокраматорские машиностроители. Но его в дни войны эвакуиро-

вали в глубь страны, а куда — неизвестно. Обратиться за помощью к украинцам не было возможности. Пришлось рассчитывать на собственную смекалку.

Конструкторы ознакомились с техническим паспортом пресса и выдали чертежи цилиндра. Для обработки его требовался высокий класс расточных работ.

— Выручай, Миша. Без тебя не обойдемся и на этот раз, — обратился к Попову начальник цеха.

Специалисты знали: растачивать ответственную деталь придется скоростными методами. Они определили самую жесткую норму для работы — пятьсот часов. Но Михаил Попов и его товарищи справились с заданием за сто двадцать часов.

Трудовая слава Михаила Попова росла и ширилась. О новаторской работе знатного уральского расточника рассказал в газете «Известия» писатель Федор Гладков.

«Мастер Попов Михаил Федорович, — писал он, — человек замечательный на Уралмаше. Его блестящая борьба за высшие рекорды в производстве чрезвычайно поучительна. Это — подлинный герой-патриот, это пламенный и вдохновенный боец за высшие формы стахановского труда. Он пример для очень многих мастеров и рабочих не только своего завода, но и для стахановцев других заводов нашей страны... Народ, который создал не одно поколение таких людей, не может быть побежден, сколько бы ни рвался кровавый Гитлер к захвату наших областей и городов. Такой народ умеет давать отпор, умеет драться, умеет отстаивать свою свободу, умеет чудесно жить и прекрасно умирать».

В феврале сорок третьего, в день рождения Попова, парторг завода пришел в цех, поздравил именинника, пожелал ему

новых трудовых побед, а затем, будто не зная, осторожно спросил:

— И сколько же тебе исполнилось?

— Тридцатый пошел.

— И ты все еще комсомолец?

— Комсомолец.

— А не долго ли задержался?

— Долговато, конечно. Не раз подумывал вступить в партию. Но никак не наберусь смелости...

— Смотри-ка ты. Передовой рабочий, зачинатель многих дел на заводе и вдруг — оробел. Твое место давно в рядах коммунистов. И сам сильнее будешь, и партии добавишь сил...

На партийном собрании Попову был задан вопрос:

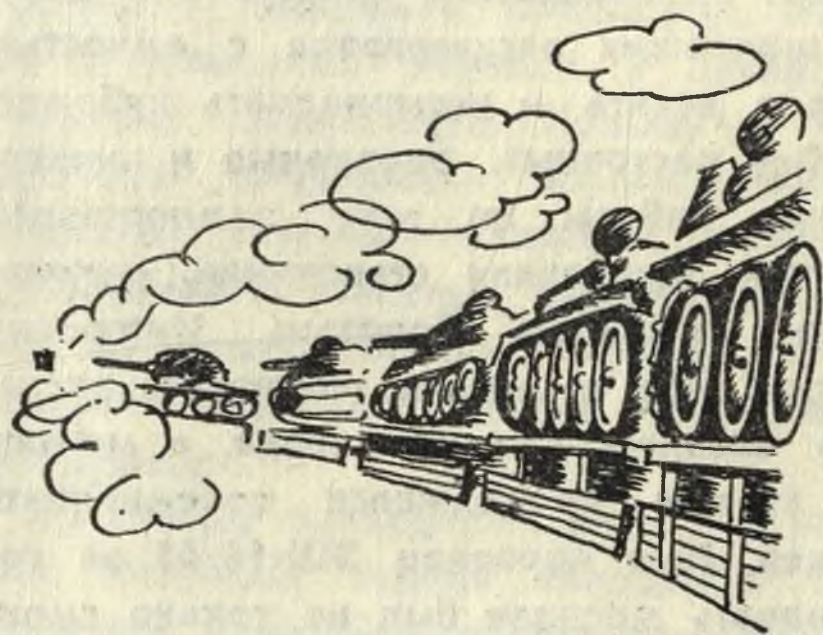
— А что тебя побудило подать заявление?

Мастер переступил с ноги на ногу, по привычке поерошил густой чуб и коротко сказал:

— Хочу стать сильнее.

— Ответ правильный, — послышался голос начальника цеха. — Но с сильного больше спроса. И если тебе завтра скажут: на фронте образовалась такая брешь, которую надо заделать, не считаясь с жизнью, — ты готов пойти на это задание?

— Готов хоть сегодня.

За прием Михаила Попова в кандидаты партии голосовали все коммунисты цеха.

Вскоре после исторической победы над гитлеровской Германией уралмашевцы установили на заводской площади гигантский монумент: артиллерийская самоходная установка, держа ствол пушки побоевому, вознеслась на покатую девяностотонную чугунную глыбу. Высеченные на постаменте слова напоминают о трудовом подвиге машиностроителей в долгие огненные годы:

Снарядами, танками,
Тоннами стали
Уральцы священную
Клятву держали.

Перед Уралмашзаводом встали новые задачи — выпускать машины, которые добывают руду, уголь, нефть, прокатывают стальные рельсы, балки, листы, трубы. От машин войны требовалось перейти к машинам мира.

Михаил Попов, теперь уже начальник смены, в эти первые послевоенные годы закончил вечерний машиностроительный техникум. Дипломный проект, посвященный повышению производительности труда на расточных станках, защитил с отличной оценкой.

И вот Уралмашзавод приступил к выпуску шагающих экскаваторов с емкостью ковша в десять и четырнадцать кубометров. Все расточные, фрезерные и шлифовальные работы по этим землеройным машинам выполняли станочники, руководимые Михаилом Поповым. Интересно отметить, что в Англии шагающий экскаватор осваивался четыре года, а монтаж его стрелы продолжался восемнадцать месяцев. Наш первенец ЭШ-14/65 за восемнадцать месяцев был не только смон-

тирован, но и вынул около двух миллионов кубометров земли на строительстве судоходного канала.

В то время машины-богатыри с маркой «УЗТМ» многим из нас казались пределом технической мысли. Но заводские конструкторы пошли дальше. И достигли того, чему даже не поверили за рубежом.

На советской промышленной выставке в Нью-Йорке свердловчане показали модель экскаватора с ковшом 25 кубометров и длиной стрелы 100 метров. Американские журналисты усмотрели здесь коммунистическую пропаганду. В журнале «Айрон эйдж» один из них заявил: уральская модель не что иное, как утопия.

— Прочитали мы размышления буржуазного «прорицателя», — рассказывал мне Михаил Федорович, — и вдосталь насмеялись. Ко дню выхода в свет американского журнала наш уникальный гигант, которому не было равных в мире, уже работал на украинском руднике имени Серго Орджоникидзе.

В послевоенные годы начал стремительно расти и мужать младший брат Уралмашзавода — Южно-Уральский машиностроительный завод. Туда, в Орск, на должность начальника механического цеха средних узлов был назначен Михаил Попов.

Кадровому уралмашевцу, для которого завод стал родным, не хотелось уезжать. В Свердловске прошли его юность и молодость, здесь он женился, здесь стал знатным человеком. Но приказ есть приказ. Его надо выполнять. И Попов поехал на новое место работы.

Когда я встретился с Михаилом Федоровичем в Орске, он первым долгом пригласил меня на завод:

— Познакомьтесь с младшим братом Уралмаша, на свежий глаз прикинете, в чем мы отстаем от свердловчан, в чем их перегоняем.

И в том, как были сказаны эти слова, чувствовалось: Южуралмашзавод стал для уралмашевца вторым родным предприятием. Попов добродушно ухмыльнулся, надел стеганую куртку и прибавил:

— В Свердловске я проработал двадцать лет, а здесь восемнадцать. Так что сейчас не определишь: среднеуральцем мне считаться или южноуральцем. В Свердловске я стал отцом троих детей, а в Орске — дедом четверых внуков.

— А сколько лет руководили цехом на Южуралмашзаводе?

— Четырнадцать. — Михаил Федорович глубоко вздохнул. — Но возраст берет свое, и я стал заместителем начальника заводского отдела технического контроля. Принимаю машины и механизмы, которые идут на экспорт.

Адреса у этой продукции самые разнообразные — Индия и Финляндия, Болгария и Румыния, Корея и Индонезия, Вьетнам и Египет, Польша и Югославия, Куба и Монголия, Алжир и Турция.

Показывая огромные светлые корпуса завода, сопоставляя теперешнее оборудование с тем, на каком приходилось работать в военное время, Михаил Федорович подвел меня к стройной шеренге расточных станков и, радуясь за отечественных станкостроителей, начал подробно объяснять:

— Теперь наши расточники работают без физического напряжения. За них действует автоматический пульт управления. А раньше почти все операции мы производили рычагами. Вручную меняли скорости резания металла, настраивали подачу шпинделя на заданный режим, пе-

ремещали колонки расточного станка. — Тут он удовлетворенно потер ладони, широко разбросил руки, показывая весь пролет цеха, и кончил так: — Была бы раньше такая техника да в таком количестве — конец войне наступил бы гораздо быстрее.

Через четверть века, в феврале 1967 года в Свердловске, во Дворце культуры Уралмашзавода, состоялся слет членов комсомольско-молодежных бригад военного времени совместно с молодыми передовиками промышленности Среднего Урала. Вместительный зал заполнили сотни молодых рабочих и работниц из разных городов и поселков и постаревшие заводские ветераны, трудом своим приблизившие победу над немецко-фашистскими захватчиками. Приехал в Свердловск и зачинатель создания комсомольско-молодежных фронтовых бригад Михаил Федорович Попов. Густая седина высеребрила его виски и чуб, на волевом лице залегли жесткие морщины. Но бывалый уралмашевец по-прежнему выглядел крепкоплечим, подвижным.

Перед началом слета в зал Дворца культуры внесли овейные боевой славой, простреленные в сражениях знамена уральских стрелковых дивизий, которые воевали за Москву и Сталинград, очищали от фашистов Украину и Закарпатье, помогали освобождать Польшу и Чехословакию, штурмовали Берлин. Рядом с боевыми стягами — памятные знамена Центрального Комитета ВЛКСМ, оставленные на вечное хранение в заводских коллективах, которые давали фронтовикам вооружение.

За столом президиума, рядом с Михаилом Поповым, сидели гвардейцы труда военного времени — прославленный сталел-

вар Верх-Исетского металлургического завода Нурулла Базетов, первая в мире женщина-горновой доменной печи тагильчанка Фаина Шарунова, руководитель первой в стране девичьей фронтовой бригады машиностроителей Анна Лопатинская...

Это о них писал поэт Алексей Сурков:

Во имя великой и радостной цели

Вы дней не считали и сил не жалели,

Для дела победы трудились и жили,

Всю душу и сердце в работу вложили.

Когда на слете дали слово Михаилу Федоровичу Попову, он, волнуясь, вспоминая свою фронтовую вахту на Уралмашзаводе, сказал:

— Вот здесь, в этом Дворце культуры, четверть века назад состоялся первый Всесоюзный слет организаторов фронтовых и гвардейских комсомольско-молодежных бригад. Время тогда было особенно дорогим, и мы длинных речей не держали. Каждый по-военному кратко докладывал: что нам дали первые фронтовые и гвардейские бригады, чего мы намечали добиться в будущем, чтобы укоротить путь к победе над врагом. Длинных речей от нас не требуется и теперь. Цель сегодняшнего слета, как я понимаю, — продолжить традиции военных годов, увлечь в большое соревнование комсомольцев и молодежь — продолжателей дела отцов.

Эту мысль Михаила Попова развил молодой сталевар Верх-Исетского завода комсорг сталеплавильного цеха Фарид Базетов — сын Нуруллы Базетова, проработавшего на ВИЗе более тридцати лет.

— Нам есть чему учиться, — сказал Фарид, — и есть у кого учиться. Мы не уроним славы отцов. Их трудовые традиции живут и будут жить.

Я слушал седых ветеранов с орденами

и медалями на груди и тех, кто только выходил на рабочую дорогу, и не раз вспомнил мудрый сказ Павла Петровича Бажова «Васина гора». В том сказе подручный-мальчуган спрашивает старика Василия:

«— Дедо, я вот что заметил: поднимется человек на нашу гору и непременно оглянется... Почему такое!»

И дед Василий ответил любопытному парню:

«— Гора-то на дороге силу людскую показывает. Иной по ровному месту, может, весь свой век пройдет, а так своей силы и не узнает. А как случится ему на гору подняться вроде нашей с гребешком, он и поймет тогда, что сделать может. Ну а учуял человек свою силу, ему и жить весело и работать легче».

На небывалую гору поднялись вместе со всем советским народом люди Урала. И с этой горы все отчетливей видна наша заветная цель — Коммунизм.

ПАРНИ ИЗ «МАДРИДА»

«Новости».

**Строчкой черной
целит в сердца петит.
Зá морем обреченно
отстреливается Мадрид.**

Чай.

**Просяная каша.
Летчики на стене.
Молодость Уралмаша.
Заросли труб в окне.**

Вечер.

**С угрюмым видом
слесарь газету мнет.
Люди зовут «Мадридом»
дом общежитский тот.**

**Парни дымят махоркой.
Могут ли знать они —
станут «тридцатьчетверкой»
траки и шестерни!**

**Только они — плечисты —
так понимают труд:
нет, не пройдут фашисты,
все-таки не пройдут!**

**Пусть тяжела обида,
та, что в сердцах горит, —
но за расстрел Мадрида
им отомстит «Мадрид»!**

**Свастика над Европой...
Пристальные глаза.
Красная книжка МОПРа.
Завтрашняя гроза.**

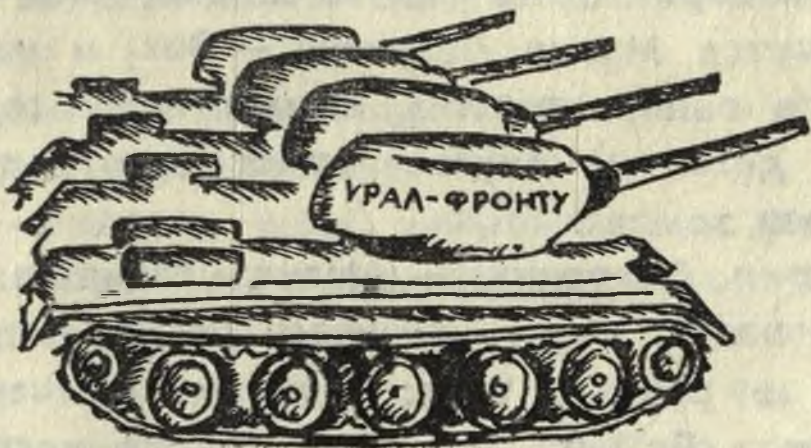
**Грохот уральских танков
помнишь ли, ветеран!..
Вместо медалей — планка,
красная, точно шрам.**

**Помнишь ребят плечистых?
Многие полегли...
Но не прошли фашисты!
Волги не перешли.**

**Жили вы здесь когда-то,
ты не забыл о том?
Вечер.
Бегут девчата
в свой общежитский дом...**

**Новости.
В заголовках —
труд, новостройки, быт...
За морем —
забастовка.
Снова кипит Мадрид!**

Юрий Левин
СВОЙ ПРИЧАЛ

Помню, было это в районе Шнейдемюля. Наши войска добивали окруженную вражескую группировку. Противник нес большие потери, но сопротивлялся отчаянно. Немцы изо всех сил пытались вырваться из кольца.

Наши войска спешили. Надо было поскорее разделаться с этой группировкой, чтобы выйти на Одер. А там и Берлин не за горами. Даже раненые солдаты донимали врачей просьбами отпустить их на передний край, «а то вот так и Берлин можно прозевать». Спешили и те воины, чья боевая техника получила «увечья». Они ремонтировали ее тут же, можно сказать, у самого огня.

Как-то однажды, шагая к передовой, я заметил у обочины дороги молчаливо работающих танкистов. Их было трое. Они возились у своей неподвижной машины. Я подошел поближе, поздоровался. Танкист, державший в руках ломик, попросил подсобить им. И я включился в работу.

Когда танк был отремонтирован, мы присели перекурить. Мимо по дороге двигались войска: кто направлялся к переднему краю, а кто и в тыл...

К нам, отделившись от пешей группы, подошел солдат с забинтованной до самого плеча правой рукой.

— Здорово, земляки! — проговорил он.

— Здоров, здоров, землячок! — ответил за нас всех командир экипажа, державший в руке увесистую козью ножку.

— Табачком не богаты? — спросил раненый.

— А тебе сколь надо? — командир вынул из кармана кисет.

— Отсыпь чуток, — солдат протянул левую руку.

Танкист не поскупился, отсыпал солдату столько махры, сколько могла вме-

стить его широкая ладонь. Но раненый не спешил уходить. Он приблизился к танку, обошел его со всех сторон, погладил здоровой рукой броню, заглянул в открытый люк механика-водителя и сказал:

— Наша работа.

— Чья ваша? — спросил командир.

— Уралмашевская, — нараспев произнес солдат.

— А ты почему знаешь, кто эту машину ладил? — поинтересовался до сих пор молчавший механик-водитель.

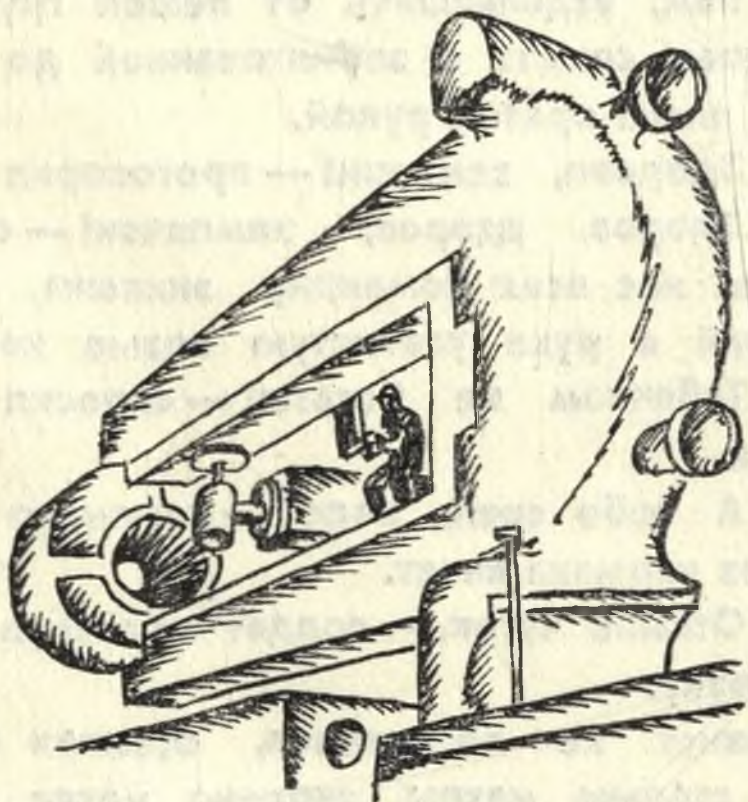
— Свою работу за версту опознаю.

— Сначала табачку попросил, а теперь танк присваиваешь, — усмехнулся командир.

— Не понял ты меня, друг-танкист. Не нужен мне твой танк. У меня своя механизация. Вот она, видишь, в сапоги обута. На этом кожаном ходу куда хошь дотопаю...

Солдат снова погладил броню и продолжал:

— Не о том разговор. Мне доводилось такие вот машины робить. Строгаль я. А с прошлого года на войну ушел. Теперь другие на моем станке вот эту броню строгают...

— Понятно, — снова подал голос механик-водитель. — Так бы сразу и сказал.

— А ежели понятно, подсыпь и ты табачку.

Мы все рассмеялись.

Эта встреча на обочине фронтовой дороги припомнилась мне недавно, когда судьба свела меня с уралмашевцем Иваном Васильевичем Мишаковым. Мы сидели в его уютной квартире, ухоженной заботливыми руками хозяйки, и вели разговор о жите-бытье.

Как-то так получилось, что первым делом разговор зашел о войне. Иван Васильевич не был на фронте — все военные годы простоял у строгального станка, как он сказал — мастерил танки. Вот тут-то я и вспомнил раненого фронтовика-уралмашевца, тоже строгаля, ставшего солдатом-автоматчиком. Теперь из уст другого уралмашевца я слушал как бы продолжение того рассказа.

— Поверьте, — чуть приглушенным голосом произнес Иван Васильевич, — ох, как хотелось мне на фронт. Стоял у станка, а мысли были там. Мою родную Брянщину топтал враг...

Война забросила Ивана Васильевича и его подругу Машу — тогда еще совсем молодых людей — в уральские края. Подружились они с Машей в сороковом году в Бежице, а семейный союз скрепили в Свердловском загсе.

— Говорят, Урал счастье людям дает, — улыбается Мария Петровна. — Вот и нам дал: в войну приютит, семью нашу создал, детей и внуков помог вырастить. Добрая земля...

Мария Петровна и Иван Васильевич признаются: когда кончилась война, потянуло в родные края. Была мысль вернуться в Бежицу. Кому не дороги места,

откуда жизнь началась, где прошло детство и юность, где знакома каждая тропинка...

О той поездке на Брянщину, о свидании с юностью они рассказывают попеременно. Лицо Ивана Васильевича озаряется каким-то особым светом, когда он вспоминает свое родное село Любыш, отцовскую избу, стоящую у самого берега речки, луг. Он любил бегать по этому лугу, валяться в его пахучей траве, слушать пение птиц, а затем, когда солнышко сильно припечет, бултыхнуться в прохладную водицу быстро бегущей Балвы.

Но детство было не беззаботным, нет. Оно очень рано сроднилось с трудом. Отец Ивана Васильевича — машинист паровоза — сам не любил безделье и пятерых своих детей с малолетства приучал к труду.

И если Ваня убегал на луг, то не для того, чтобы лодыря гонять, а для дела — за лошадью присмотреть.

Ваня рос пареньком послушным, мигом исполнял то, что старшие велели. Особенно любил ездить в ночное. Сидишь у костра и чего только не услышишь за ночь в лесу: и скрежет стволов, и шелест листьев, и всхлипы каких-то таинственных птиц, и волчий вой. Случалось, волки вплотную подбирались к лошадям, и Ваня, как и его дружки, брал в руки головешку и шел на хищников. Страшновато было, но зато потом есть о чем рассказать дома.

Доволен был отец сыном. Не раз, бывало, говорил жене:

— Ванюшу, мать, непременно в рабочий класс надо определять. В город, в Бежицу, на завод.

— Чего же так, отец! Хватит, что ты с паровозом породнился. А Ваня пускай

хлебопашествует. Вон видишь, как справно за плугом ходит, да и косу уже в руках крепко держит.

Судьба Ванюши решилась в тридцать четвертом году, когда приехала в гости к родителям старшая дочь с мужем Егором Ивановичем Фетисовым, строгальщиком Бежицкого паровозо-вагоностроительного завода. Ваня приглянулся Егору Ивановичу.

— Беру к себе в ученики, — сказал он.

Бежица поначалу испугала парня. Все тут было не по-сельски: и улиц так много, что заплутаться можно, и ходить полагается только по доскам, которые тротуарами зовутся... А завод совсем ошарашил. Гул, стук, треск, свист паровозных гудков оглушили юношу, он уже готов был бежать в родное село.

Но работа увлекла. Понравился строгальный станок. Интересно получается: заправишь огромную с шершавыми боками железную болванку, а станок ее так обстрогает да отчешет, что как в зеркало можно глядеться.

Егор Иванович очень умно и тонко вселял в сердце деревенского парня ту любовь к делу, без которой немислим рабочий человек.

— Вот видишь, Ваня, — говорил он, — к нам деталь прибыла из литейки. Какая она еще неказистая да неприглядная. Но мы с тобой ей красу наведем. А от нас она пойдет дальше...

Егор Иванович вел парня к фрезерному станку, затем к расточному и сверлильному, потом на сборку и наконец показывал то место в паровозе, где их деталь совершала ту работу, без которой не может двигаться машина.

— Без наших рабочих рук нигде не обойтись, — говорил Егор Иванович. — Они дают машинам движение...

Может, именно тогда впервые ощутил Ваня свою нужность здесь на заводе, у станка. Это сознание заряжало его, крестьянского парня, всегда охочего до работы, той горячей энергией, которая способна преодолеть любые препятствия. Уже через год Ваня Мишаков стал умелым строгальщиком.

На заводе хвалили молодого рабочего: дело знает, с дисциплиной в ладу. Егору Ивановичу лестно было слышать такое: все же родственник, а главное — ученик. Но и уже работая вполне самостоятельно, Ваня нет-нет да и шел за советом к своему учителю.

Много времени прошло с того дня, как Иван Васильевич расстался с ученическим званием, а первого наставника не забывает. Нет уже в живых Егора Ивановича — погиб на войне, — но работа его живет и в памяти, и в делах Ивана Васильевича, и всех тех, кого наставник вывел на рабочую дорогу...

В конце июня сорок первого тихая Бежица содрогнулась от взрывов бомб.

— Есть решение, — сообщил начальник цеха, — эвакуировать завод в Сибирь. Никому никуда не отлучаться. Будем демонтировать оборудование и грузить на платформы.

Работали днем и ночью. Иван Мишаков даже домой не ходил: отдохнет часок — другой в цехе — и снова за дело. С эшелонами уезжали рабочие, а его оставляли до тех пор, пока не был погружен последний станок.

— Теперь ухожу, — сказал он начальнику цеха.

— Далеко собрался?

— На фронт.

Начальник цеха огорошил: его, Ивана Мишакова, строгальщика пятого разряда, велено доставить в Красноярск, где будет

размещен Бежицкий завод. И никакие возражения не помогли.

Радовало, что Мария рядом. Она тоже ехала в Сибирь.

В Красноярске долго не задержались. Вскоре появился представитель с Уралмаша и, отобрав станочников высоких разрядов — токарей, слесарей, строгальщиков, зуборезов, — увез всех в Свердловск. В их числе был и Иван Мишаков. Тогда и началась его уральская биография.

Уралмаш по-доброму встретил мастеровых людей, с вниманием отнесся к каждому. Иван Мишаков уже был не один, и ему как человеку семейному предоставили угол с более широким топчаном.

Ну а в цехе все пошло по-боевому: сразу дали станок и велели приступать к делу. Иван посмотрел на огромную деталь, занимавшую весь стол станка, и не сразу понял, что к чему. Тут мастер появился.

— Танки делать будем, браток. Фронт нуждается... Ясно?

Мария Петровна вспоминает, каким радостным пришел муж в тот день с работы. Он был голоден, за смену порядком устал, но вел себя так, словно с прогулки вернулся. Спросила: чему рад? «Хорошо работалось, Маша, очень хорошо!» А что делал, так и не сказал: военная тайна...

Теперь всем известно, что Уралмаш в войну делал танки и самоходки. Иван Васильевич Мишаков гордится, что и он принадлежит к большой уралмашевской армии танкостроителей. Кто знает, может, и к тому танку, опознанному раненым солдатом-уральцем под Шнейдемулем, приложил свои руки строгальщик Иван Мишаков.

— Бывало, как увижу танки или само-

ходки, стоящие на платформах, готов в пляс пуститься, — вспоминает Иван Васильевич. — Казалось, что именно эти машины освободят мою Брянщину.

Жил на Урале, а сердцем был в родном краю. Чуть свободная минута — бежал к репродуктору: может, про Брянск что скажут. И виделся ему дремучие чащи, скрывавшие от врагов партизан, село Любыш, Бежица. Там мать... Что с ней? Не знал он тогда, что матери уже нет в живых. И сестры тоже... Только после войны эта горестная весть обрушилась на него. Голодали они: в доме ни корки хлеба. Мать сказала: «Собирайся-ка, доченька, пойдем в поле, может, картошки найдем». Пошли ранним утром. Только вышли за село, а вдогонку — автоматная очередь. Полицай сказал: «Чтобы никто не смел к партизанам в лес ходить...»

Трудился Иван Васильевич, как говорят, на всю катушку. За себя и еще за товарища, ушедшего на фронт. Стоял у станка столько, сколько ноги держали. Иной раз говорили ему: «Шел бы ты, Ваня, домой. Отдохни малость...» Мимо ушей пропускал.

А когда прибегал домой, опять за дело брался: Маша совсем замаялась, появился сынок Толик, сколько с ним возни. Она упрашивала:

— Ваня, я сама управлюсь. Ты ложись. Смотри, как осунулся, лица на тебе нет.

— А скажи-ка мне, Машенька, солдаты на фронте когда спят? — спрашивал он и отвечал: — После боя. А я-то своего боя еще не закончил. Так-то...

Место у строгального станка было его боевой позицией. Противник был далеко, за тысячи километров от Свердловска, а Иван Васильевич подобно тысячам других уралмашевцев действовал так, словно

враг где-то совсем рядом, может, к цеху подходит, словно станок его совсем не станок, а пулемет, который должен беспрерывно вести огонь. Оттого и не покидал он свою позицию: отстояв смену, продолжал стоять вторую.

— И где только люди силы брали, — удивляется сейчас Мария Петровна. — Все работали и работали. А питание, сами знаете, какое было... Страшно вспомнить.

Как-то получила она по карточкам хлеб и пошла домой. Но, встретив приятельницу, остановилась. Слово за слово — потекла беседа. А под ложечкой сосет: страсть как есть хочется. Рука потянулась в сумку: отломил щепотку хлеба, затем вторую, третью. Дома хватилась: боже, хлеба-то нет, весь растаял, на щепотки ушел. В голос зарыдала: чем же Ваню кормить?

Плачущей с маленьким на руках застал ее муж, когда вернулся с работы.

— Что случилось, Машенька?

Рассказала про хлеб. А он:

— Ну и на здоровье.

— А ты-то что есть будешь?

— Обойдусь. У тебя на руках кто? Сынок, твой иждивенец. Ты поела — ему больше перепадет. Вот и ладно...

Теперь это — воспоминания. Но то трудное время для Ивана Васильевича и Марии Петровны является как бы точкой отсчета при сравнении с днем сегодняшним. Живут в хорошем уралмашевском доме на улице имени 40-летия Октября, в двухкомнатной, со всеми удобствами квартире. Спасибо заводу говорят, и тут же обязательно кто-нибудь из них проговорит: «А помнишь первый наш закуток по улице Уральских рабочих...» Или, глядя с балкона на огромный массив многоэтажных зданий, Иван Васильевич, обращаясь к супруге, произнесет: «А

помнишь этот утыканный бараками пустырь...»

Как-то я вычитал в одной статье про «теоретиков» из некой страны, которые утверждают, будто достаток делает человека ленивым, безразличным к делу, к работе. Хотел бы я пригласить того умника в цех корпусных деталей Уралмашзавода. Пусть посмотрит на работу хотя бы строгальщика Ивана Мишакова, человека, живущего в достатке. Как и двадцать или тридцать лет назад, Иван Васильевич сегодня весь в кипении труда.

Утренняя смена начинается в восемь часов. Без двадцати семь Иван Васильевич покидает дом. Чего так рано? Может, до завода далеко? Нет, я шел его маршрутом. От дома до цеха пятнадцать минут хода. В чем же дело? Характер такой: никогда никуда не опаздывать, приходить заранее. Это вошло у него в привычку.

Но дело не только в характере. Для того, чтобы понять все до конца, нам лучше всего подойти к станку, на котором трудится строгальщик.

Строгальный станок Мишакова имеет уже солидный возраст: он за заводе три-

дцать лет. Но в заботливых руках умельца станок чувствует себя «юношей» и сегодня. (В скобках заметим: Иван Васильевич проработал у этого станка все три десятилетия. За эти годы станок кочевал из цеха в цех. С ним же путешествовал и Мишаков.)

Лет семнадцать назад этому заокеанскому станку довелось встретиться со своим земляком. Да, сам господин Ричард Никсон, в бытность вице-президентом Соединенных Штатов Америки посетивший Уралмашзавод, почтил его вниманием. Он остановился у станка, поддал руку Ивану Васильевичу, спросил:

— Как работает?

— Нормально, — ответил строгаль.

Никсон улыбнулся. Обошел станок со всех сторон, прочитал дату выпуска, подойдя к станочнику, еще раз пожал ему руку и сказал:

— Вы очень хороший хозяин!

Когда такое говорят Ивану Васильевичу — а подобные слова ему приходилось слышать не только от Никсона, — он спешит разъяснить: не его одного надо хвалить, нельзя забывать и сменщика Михаила Сергеевича Скотникова, с которым все годы работали на этом станке. Правда, сейчас Михаил Сергеевич уже на пенсии. Но и нынешний сменщик Александр Бережнов, по годам — ровесник станку, тоже человек хозяйственный.

Короче говоря, станок хотя и пенсионного возраста, но работает исправно. В цехе уже много оборудования обновили, но мишаковский строгальный продолжает жить.

Итак, Иван Васильевич прибыл в цех ровно в семь. До начала смены еще час. Чем же он будет заниматься эти шестьдесят минут? Посмотрим.

Заходит в бытовую комнату, переоде-

вается в рабочий комбинезон. Теперь он ищет кого-нибудь из своей профгруппы, он ведь уже двадцать семь лет ее возглавляет. Хочет посоветоваться. А дело вот в чем. Тане Кузнецовой, маркировщице, на днях исполнится восемнадцать. Хорошая девчонка, исполнительная, честная. Живет в общежитии. Есть предложение: сделать ей от профгруппы подарок.

Иван Васильевич поговорил с одним, с другим — все согласны: Танюша вполне заслужила.

Теперь он идет к станку. Во всю длину стола лежит огромная пятитонная деталь. Это гусеничная рама к экскаватору. Она укреплена, прилажена. Осталось поставить нужный резец и пустить станок. Кто же подготовил деталь к работе? Сменщик Александр Бережнов.

Такой метод работы стал правилом на мишаковском строгальном станке. Закончил смену — готовь деталь товарищу. Это экономит уйму времени.

Иван Васильевич осмотрел гусеничную раму, разобрался, что и где ему придется строгать, установил резец и ровно в восемь нажал кнопку пуска. Работа началась.

Как видите, ни минуты времени не потеряно. А это очень важно. Чтобы выполнить, да еще и перевыполнить пятилетний план, нужно основательно думать, соображать. Не только на станок давить надо, он хотя и железный — предел имеет. Можно, скажем, увеличить скорость движения стола при чистовой обработке детали или увеличить глубину резания. Делается это осторожно, с расчетом, чтобы не было беды. Таким образом работа несколько ускоряется. Но надо работать еще быстрее. Вот если бы у стола не было холостого хода! А то при движении в одну сторону резец строгают деталь, а

в другую — бездействует. Говорят, у нас уже имеются новые станки без холостого хода. А этот не так устроен... Значит, нужно искать другие пути ускорения темпов. И Иван Васильевич и его сменщик стараются, чтобы каждая секунда трудилась на план. Работая сквозной бригадой, готовя друг другу деталь, они значительно обгоняют время и дают дополнительную продукцию.

Все ли так работают? Большинство. Но не все.

На часах уже пятнадцать минут девятого. У станка Мишакова все больше стружки, а вон вдали, у самого входа в цех, стоят молодые парни и, жестикулируя, о чем-то весело толкуют. Тоже станочники. Почему не работают?

— Это наша боль, — вздыхает Иван Васильевич. — Стыдим, разъясняем, втолковываем... Поговорите с ними: удивляются — подумаешь, стоит ли о минутах сокрушаться. Словно не знают, что из минут складываются часы, дни, недели. Все успокаивают: мол, не волнуйтесь, наведем. Наверстывают, конечно, под конец месяца так работают, аж чубы мокрые. А каково это для оборудования!.. Но все равно рано или поздно искореним расхлябанность, — заключает Иван Васильевич.

Верится, что так оно и будет. Было же время, когда участок лихорадили прогулы. Кто-то, кажется, Николай Иванович Маргорин, заместитель начальника цеха, предложил отвечать друг за друга: прогулял кто-либо из рабочих участка или смены — спрос со всех. Словом — один за всех, все за одного.

Не всем понравилось предложение. Пополз шепоток: не круто ли берем, кто прогулял — пусть сам и отдувается. Иван Васильевич собрал профгруппу. Шумели

долго, спорили до хрипоты. И все-таки порешили принять предложение.

Помогло. Вот уже два года участок не знает, что такое прогул.

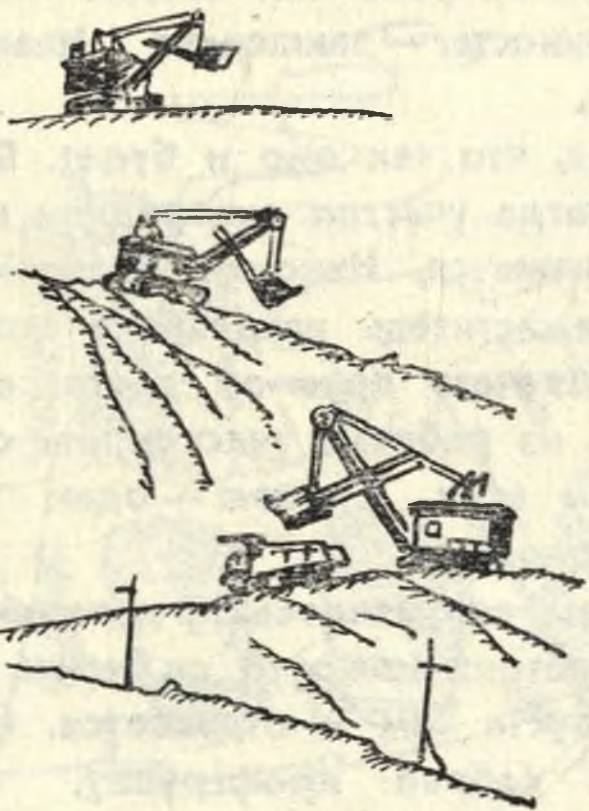
— Каждый понял, — говорит Иван Васильевич, — что в нашем деле прогул — штука страшная. Скажем, я прогулял, не отстрогал деталь, значит, будут простаивать фрезеровщик, расточник, сверлильщик. Вот оно как!

За свою длинную рабочую жизнь Иван Васильевич воспитал не один десяток строгалей. Из его учеников можно, пожалуй, сформировать доброе подразделение.

— Что вы можете сказать о своем учителе! — спросил я одного рабочего, которому уже перевалило за сорок.

— Ивану Васильевичу я обязан тем, что человеком стал, — ответил он.

И я услышал рассказ-исповедь. Пришел мой собеседник когда-то в цех пареньком разболтанным: не любил дисциплину, никому не хотел подчиняться, жил по принципу «шалей-валяй». А уж когда получку клал в карман — первым делом бежал за бутылочкой. Начальство готово

было уже избавиться от него. Но взялся за парня Иван Васильевич.

— Как же он вас воспитывал?

— Нотаций не читал. Голоса не повышал. Меня бы после загула следовало хорошенько поколотить, а он какими-то тихими словами такое скажет, что сердце кольнет. Или я что-нибудь напортачу, ну, думаю, отчитает меня и погонит, так нет, еще успокаивает и новое поручение дает... Интересный человек. Редко видел я его без улыбки. Мне кажется, что его улыбка и доброта сильнее всего действуют. Он и от бутылочки меня отучил...

Не называю фамилии этого рабочего: старые грехи не должны бросать тень на его нынешнее доброе имя. Теперь он сам в наставниках ходит.

— Соревнуемся мы со сменой мастера Леонида Петровича Остапенко, — говорит Иван Васильевич. — И если у них дело не ладится, мы не подтруниваем над ними, а помогаем. Нам теперь не годится пословица: «Моя хата с краю...» Продукция Уралмаша идет за моря и океаны. Только экскаватор ЭКГ-4-6Б, над которым трудится сейчас наш цех, идет в шестнадцать стран. Значит, машины должны быть сработаны на совесть, чтобы любой заграничный человек понял, что такое уралмашевская марка.

Сработано на совесть. Это принцип, по которому живет строгальщик Мишаков. Из его рук выходит продукция только отличного качества. Он себе и не представляет, как можно выдавать брак. Говорит о бракоделах с негодованием.

Сам Иван Васильевич имеет персональное клеймо: сработанные им детали сдаются без ОТК. Такое доверие завоевывается только самым добросовестным трудом. Каждодневым! Не раз Мишакову присваивали звание лучшего рабочего по

профессии. Его имя занесено в Книгу почета Свердловска.

Успешно завершил Иван Васильевич девятую пятилетку: еще в июле семьдесят пятого начал трудиться в счет десятой, за что отмечен в специальном приказе директора производственного объединения. За ударный труд ему вручили именные часы.

— По ним и буду сверять время в новой пятилетке, — улыбается Иван Васильевич.

Этот человек влюблен в свой завод. Он может часами рассказывать об уралмашевской продукции, о ее значении, о том, куда она идет, кто конструировал ту или иную машину.

А в доме Мишаковых покой и согласие. Мария Петровна довольна своей судьбой. Муж заботливый, внимательный. Голоса никогда не повысит. Иван Васильевич считает, что порядок и покой исходят от жены. И самая большая радость для них обоих, когда приходят в гости сыновья — Анатолий и Иван с невестками да внуками — Оксанкой и Олегом.

Если зайдет речь о спорте, Иван Васильевич не преминет сказать, что его семья имеет к нему прямое отношение. Младший сын Ваня уже много лет играет в уралмашевской баскетбольной команде. Мастер спорта.

— На каждую игру всей семьей ходим, — говорит Иван Васильевич. — Не скрою, проигрыши огорчают. Особенно Марию Петровну: после неудачной игры, бывает, за сердце держится. Ну а если победа, право дело, веселее и живется и работается.

Живой человек. И походка у него не вразвалку, а в темпе. Так часто ходят люди невысокого роста. («Ростом для гвардии не подхожу, зато в космонавты

сгодился бы», — шутит Иван Васильевич.) Если идешь с ним рядом — поспешай, иначе отстанешь.

...Бегут дни. Время мчит. Кажется, совсем недавно пришел Ваня Мишаков на Бежицкий паровозо-вагоностроительный завод, а уже более сорока лет минуло с того дня. Бежица — его рабочая колыбель — с ним всегда. Как услышит по радио песню «Шумел сурово Брянский лес», сердце защежит. Но Урал стал второй родиной. Выражаясь морским языком, здесь Мишаковы нашли свой причал. Уралмаш стал для Ивана Васильевича той школой, которая поднимает рабочего человека до вершин мастерства.

Без Урала, Свердловска, Уралмаша Мишаковы не представляют свою жизнь. После войны съездили в Бежицу — и вернулись. Родные и знакомые упрашивали, мол, останьтесь, Урал суров, холода там свирепые, а они — Иван Васильевич и Мария Петровна — были несговорчивы. Теперь ничуть не жалеют, что навсегда породнились с Уралом. Глубоко пустили корни на уральской земле: здесь дети взрослыми стали, растут внуки, здесь их прошлое, настоящее и будущее.

Юрий Трифонов

В ЗАВОДСКОМ МУЗЕЕ

Машины самой лучшей марки,
Стрела с объемистым ковшом,
А рядом — грубые грабарки,
Свещец, сработанный ножом.

Две разноликие эпохи
В музейной комнате сошлись:
Глухая темень и сполохи,
Первоначальный шаг и высь!

Но на свидетельства былого
Могу ли я поднять перо?
Все это раньше было ново,
Хотя сегодня и старо.

В грабарке,
 тачке,
 лесотаске
Я вижу с нынешних вершин
Начало воплощенья сказки
В металл невиданных машин.

Дерзанье, труд — всему основа,
Предметы связаны в одно...
Не выбросить из песни слова,
Не вынуть из цепи звено.

КОНСТРУКТОРЫ

Конструктору В. М. Нисковских

Казалось бы, вычерчивай детали,
Укладывайся в нормы и живи.
А их влекут немыслимые дали,
И непокой пульсирует в крови.
У кульманов стоят они прямые,
От ватмана в бюро еще светлей.
Их творчество, лишенное стихии,
Достойно человека наших дней.
Они на веру слов не принимают,
Они умеют драться за мечту.
И, сами намечая высоту,
Самых себя к ней круто поднимают!

ТРИ ДИАЛОГА

Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей — архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове...

К. Маркс

О гигантском шагающем экскаваторе Уралмашзавода его главный конструктор Борис Иванович Сатовский сказал недавно такие слова:

— Хотя вес каждого экскаватора составляет тысячи тонн, машины эти ходят по земле почти как балерины. Под их гидравлическими ногами, обутыми в широкие стальные башмаки, при передвижении возникает давление не больше, чем на сцене театра под ногами танцоров... Один из таких экскаваторов Уралмаша, перебираясь с одного места на другое, прошел по степи пятьдесят километров, не примяв ни одного куста или дерева и не оставив за собой никаких безобразных следов.

Чтобы прочувствовать всю глубину звучания этих удивительных сравнений, нужно представить себе, о какой грандиозной машине идет речь. Потрясают не только широко известные цифры сказочной производительности шагающего экскаватора-драглайна: пять-восемь миллионов кубометров грунта или угля в год. Поражают сила и смелость конструкторской мысли. Не только весь экскаватор не мог быть представлен, собран на заводе. Даже отдельные его «детали» невозможно было здесь собрать, увидеть, рассмотреть. Опорная рама, поворотная платформа заняли бы площадь в несколько сот квадратных метров. Длина стрелы — семьдесят, восемьдесят, девяносто метров... Все это сложнейшее оборудо-

вание создавалось разрозненно, в разных цехах — а в голове конструктора, в его сознании представлялось уже цельной, единой грандиозной машиной, высотой с десятиэтажный дом, многотонной, но легкой на ходу, «как балерина», свершающей труд тысяч людей и подвластной человеку, как легковой автомобиль...

Нужно ли более яркое подтверждение прекрасных Марксовых слов о пчеле и архитекторе, о творческой мысли труда свободного и созидательного!

Да, смелая техническая мысль уралмашевцев, подобно зодчим, о которых писал Маркс, умеет задолго до воплощения в металле зримо видеть сложнейшие задумки и творения конструкторов — в собранном виде, в действии. И не только видеть, но и совершенствовать — совершенствовать, без предела...

Бурный стремительный взлет к вершинам технического прогресса в наши дни имеет свои истоки. Многие стало уже историей. Тем более не должна быть она предана забвению.

В этой связи памятен интересный диалог с Борисом Ивановичем Сатовским, имевший место четверть века назад. Сохранились пожелтевшие страницы «Стенограммы беседы с главным конструктором Уралмашзавода Б. И. Сатовским». Зафиксирована дата: 20 апреля 1951 года...

В памяти встает незабываемый вечер, который мне довелось однажды провести с интереснейшим человеком.

Было так.

Уралмашевцы только что создали первый шагающий экскаватор. Невиданная машина уверенно начала свой путь на стройке Волго-Донского канала, и о ней заговорил весь мир. Надо было подробно рассказать об этом в печати. Договори-

лись с Борисом Ивановичем побеседовать обо всем, что должно явиться содержанием будущей статьи, собраться с мыслями, вспомнить наиболее значительные факты, события... Я предложил беседу эту вести под стенограмму — думалось, что ее текст, передающий живые обороты речи конструктора, его стиль помогут написать интересную статью.

Так оно и получилось. Запись беседы с Б. И. Сатовским во многом явилась основой большой статьи «Уральский шагающий», вошедшей в книгу «Великим строителям коммунизма» (М., Профиздат, 1952), а сама стенограмма является ныне своеобразным и уникальным документом¹. На 23 страницах запечатлен доподлинный подробный рассказ главного конструктора экскаваторостроения Уралмашзавода не только о том, как рождалась знаменитая машина, но и о тех, кто участвовал в ее создании (В. Р. Кубачек, Т. Е. Исаев, Д. А. Яснев, Х. А. Винокурский и другие); о рабочих — мастерах сборки грандиозного ЭШ-14/65, о его работе на Волго-Доне... Не менее интересно читать сегодня, через двадцать пять лет, как отвечал Б. И. Сатовский на вопросы о самом себе, как представлялось ему будущее...

Листаешь пожелтевшие страницы стенограммы, и вспоминается поздний вечер в большой редакционной комнате. В открытые окна заглядывает светлая уральская летняя ночь, слегка дрожит и вибрирует пол — под нами типография, на высоких скоростях с характерным приглушенным жужжанием вращаются там стальные барабаны печатных машин...

— Как в кабине нашего шагаю-

¹ Стенограмма передана в музей истории Уралмашзавода.

щего, — улыбается Борис Иванович Сатовский, оглядываясь вокруг. Небольшого роста, с черными, зачесанными назад волосами, с густыми бровями, весь легкий и подвижный, он явно непривычно чувствует себя в глубоком старом кресле. Часто поднимается, прохаживается по комнате, останавливается у окна, снова садится и встает. Но ни на миг не теряет нити разговора.

— Начнем с характеристики Уралмаш-завода. Что можно о нем сказать в самом широком плане?

Живыми образными штрихами рисует Сатовский облик Уралмаша — завода заводов, машины которого пролагают путь к будущему — «длина лишь одного созданного здесь рельсобалочного стана в полтора раза больше первой коробки нашего самого большого цеха».

Белая ночь за окнами не гасла, но в комнате сгустились сумерки, и пришлось зажечь настольные лампы. Печатные машины под нами остановили свой бег. Наступившую тишину нарушал лишь скрип пера стенографистки. Борис Иванович перешел к рассказу о главном — о рождении Первого Шагающего.

Немало было уже написано к тому времени об уникальной машине и о ведущей роли в ее создании талантливого главного конструктора, сидевшего здесь, против меня. Но он упорно и в то же время легко и естественно уходил от всех вопросов о себе. С увлечением рассказывал о том, что технический проект Первого Шагающего разрабатывался «сразу в пяти конструкторских бюро завода», и о них-то, о своих коллегах из кранового бюро, бюро привода, бюро горного оборудования, бюро сварных конструкций, бюро электропривода, о том, как разрабатывалось восемь вариантов стрелы и как

смело, остроумно и оригинально создавался свой гидравлический механизм шагания, — обо всем этом и многом ином, а главное о тех, кто творил все это, Борис Иванович готов был говорить до утра...

И все же Сатовского удалось вызвать и на личный разговор, хотя использовать эту часть беседы в статье не представилось возможным. Тем более он интересен сегодня, этот единственный в своем роде рассказ главного конструктора Уралмаша о самом себе, никогда не публиковавшийся. Вот как отражен он в стенограмме.

«Редакция: Теперь, Борис Иванович, мы сделаем некоторое отступление. Расскажите кое-что о Вас лично. Это тоже очень важно. Просто, если можно, короткий биографический рассказ.

Сатовский: Ну что ж. Если это нужно... Начну со студенческих времен.

Учился я в Новочеркасске, в институте водного хозяйства и мелиорации. Кстати, это недалеко от родных мест: я родился и вырос на Северном Кавказе. Под Новочеркасском мы жили.

Редакция: Уточните, пожалуйста.

Сатовский: Я сын агронома. Родился в 1908 году... Земля, тяжелый труд на земляных работах близки мне с детства, и мечты о какой-либо сказочной механической лопате тоже помнятся с давних пор. Но то, что, можно сказать, определило мою дальнейшую судьбу, ведет начало с первой студенческой практики. Никогда не забуду приазовские и прикубанские плавни, заболоченные поймы и труднейшие мелиоративные работы по их осушению. Одни лопаты были бы тут бессильны, и здесь-то я впервые в жизни увидел экскаватор... Несколько небольших стареньких американских пыхтелок

с ковшем всего в полкубометра и стрелой в десять-одиннадцать метров казались нам тогда могучими машинами!.. Во всяком случае, на меня первый увиденный в работе экскаватор произвел неотразимое впечатление. Я часами следил, как легко выполнял он тяжелейшее дело землекопов, и мне представилось, как колонны таких механических лопат по воле человека стремительно преобразуют землю — осушают непроходимые болота, дают воду пустыням... Словом, я тут же разузнал, что и в СССР начинают создавать свои отечественные экскаваторы, и прямо с прикубанских плавней направился в Ленинград. В молодые годы, а особенно в романтические годы первой пятилетки, все сбывалось. Я поступил на работу в Первую Всесоюзную проектную контору экскаваторостроения (тогда все почти было — первым!). И тут мне повезло: проектной конторой руководил известный ученый профессор Домбровский, здесь прсектировались первые советские экскаваторы.

Редакция: Как же Вы оказались на Уралмаше?

Сатовский: Четыре года проработал я в проектной конторе в Ленинграде, но меня влекло туда, где непосредственно создается машина. А первый советский электрический экскаватор — модель М-IV-Э — поручалось освоить Уралмашу. Я уехал на Урал и стал работать в экскаваторном бюро Уралмашзавода. Было это в 1936 году, и с той поры вся моя жизнь — экскаваторы и Уралмаш...

Пришла война, главным в жизни был для всех фронт, и я стал технологом по сборке корпусов танков. Много написано и рассказано об этих трудных и незабвенных годах. Никогда не изгладятся из памяти тревожные и вдохновенные дни

и ночи военных лет... После победы вернулся к своему излюбленному делу, работал начальником заводского конструкторского бюро и руководил проектом СЭ-3 — трехкубового экскаватора...»

СЭ-3 стал на многие годы одной из лучших и популярнейших машин. «С» в ее марке — первая буква фамилии конструктора Сатовского, что, как известно, в технике — свидетельство самого высокого признания творца.

Борис Иванович медленно ходил по комнате. Легкий гул и снова едва ощутимая вибрация пола означали, что после передышки печатные машины под нами продолжали свой бег.

Это нисколько не мешало разговору, если даже не способствовало ему, создавая обстановку, близкую к заводской.

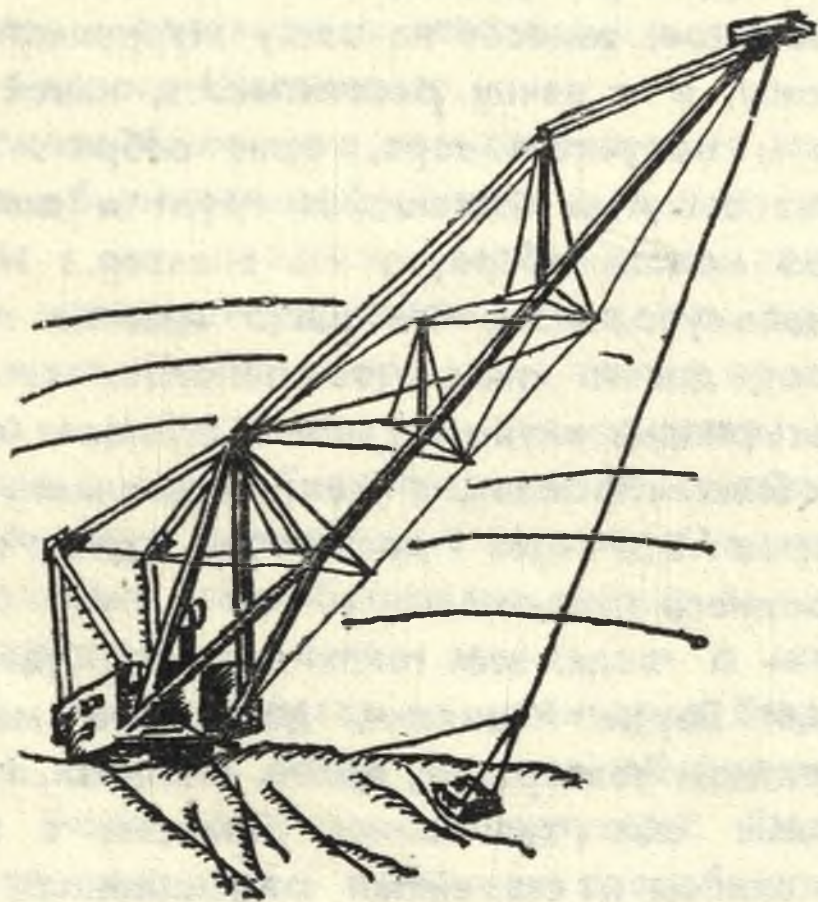
«— Я получаю письма от товарищей из разных мест страны, из других стран, где они осваивают наши машины. И нередко по разным поводам старые друзья вспоминают те первые годы советского экскаваторостроения, и, глядя на наш Шагающий, невольно сравниваешь... — главный конструктор улыбнулся: — Сейчас меня, наверное, занесет на вашу журналистскую тропу, и я начну рассчитывать, какой высоты получится гора, если собрать весь уже вынутый Шагающим грунт и сколько раз можно обернуть им экватор... И мы снова упомянем, что наша машина заменяет десять тысяч землекопов, что ее четырнадцатикубовый ковш вмещает автомобиль «Победа», а мощность электромоторов ЭШ-14/65 достаточна для нужд среднего города...

— А ведь это тоже неплохо, уважаемый Борис Иванович, даже при многократном повторении, право, неплохо...»

Мы оба засмеялись. Вместе с нами смеялась и старейшая редакционная сте-

нографистка Зейнаб Мухамедовна, записавшая на своем веку, наверное, уже не сотни, а тысячи бесед с самыми разными людьми, в том числе с Джавахарлалом Неру и Леонидом Утесовым, чем она почему-то особенно гордилась... Многоопытная Зейнаб не выпускала при этом своего пера и с интересом фиксировала каждое слово рассказа Сатовского, ибо хотя мощные габариты Шагающего были действительно прямо пропорциональны написанному о нем журналистами, но Борис Иванович говорил так много нового, говорил так своеобразно... И, наконец, это был самый, самый — первоисточник!

Листаю страницы старой стенограммы, и волнует, волнует сегодня этот давний диалог!.. Сожалею, что тогда не вошел еще в обиход магнитофон, — не знаю, как донести до читателя, например, непередаваемую интонацию рассказа главного конструктора о том, как был собран Первый Шагающий в пустынных еще степях между Волгой и Доном, куда узлы гиганта были доставлены специальным составом — около ста вагонов.

Перо бессильно передать то глубочайшее волнение и какую-то скрытую вдохновенную силу каждого слова Бориса Ивановича:

«— Только здесь, на Волго-Доне, мы сами впервые получили полное представление о том, что сумел создать наш коллектив! Когда монтаж был закончен, мы, не поворачивая стрелы, зачерпнули ковш донской земли... сначала потихоньку, потом побыстрее повернули стрелу несколько раз, зацепили ковшом какой-то сарай, а потом — НАЧАЛИ ШАГАТЬ...»

Никогда не забыть того до предела насыщенного внутреннего звучания долгой паузы, наступившей после этих слов Сатовского, — паузы воспоминаний!

Мне тоже довелось быть в те дни на Волго-Доне и видеть все то, о чем рассказывал в этот вечер Борис Иванович. И, наверное, нам обоим вспомнились заснеженная искрящаяся, сверкающая под зимним солнцем бескрайняя степь, чернеющие, оголенные задонскими ветрами вершинки курганов и чуть видимые в прозрачном тумане далекие высокие холмы водораздела между Волгой и Доном — его-то и должен был разгрызть Уральский Шагающий!

Сборка шла месяцы — так строят крупный заводской цех... И вот настал день, когда все было завершено. И словно гигантское доброе чудище из народных сказок, он поднял вдруг переднюю лапу и осторожно, как бы боясь продавить землю насквозь, медленно выбирал место, куда ее поставить. Лапа плавно опустилась, сделав неуловимое движение вперед, и тут же поднялась вторая... Чудище двинулось, и сразу стало очевидным, что это не персонаж старых сказок, а сверхсовременный робот, фантастически могучая умная машина, созданная Сатов-

ским и его друзьями и беспрекословно подчиненная воле человека — ее первого водителя, теперь уже легендарного героя труда Анатолия Ускова.

Уральская чудо-машина уверенно шагла по донской степи, хрустел сухой камыш, исчезали курганы и сусличы лабиринты, и сотни, тысячи, миллионы кубометров вынутой четырнадцатикубовым ковшом земли создавали будущий канал. И пусть не посетует дорогой Борис Иванович на «журналистскую тропу» — нельзя было, видя его гигантскую машину в действии, не вспомнить чьих-то расчетов: если бы те три миллиона кубометров земли, которые предстояло поднять за короткое время Шагающему, его экипаж, состоящий из семнадцати человек, попытался перелопатить вручную, ему понадобилось бы для этого труда пятьсот лет!..

Последние страницы стенограммы воссоздают интересный рассказ главного конструктора о новых замыслах его коллектива, о будущих экскаваторах, которые станут еще мощнее и эффективнее Первого Шагающего, о перспективах технического прогресса и о многом ином.

Здесь я должен сделать небольшое авторское отступление, которое явится и естественным заключением всего рассказа о старой стенограмме. Через два десятилетия после разговора под стенограмму мне довелось снова беседовать с Борисом Ивановичем. Мы как бы продолжили диалог, начатый весной 1951 года.

Я напомнил Сатовскому последние строки музейной уже стенограммы:

«— Что можно сказать лично о Вас в будущем? Не собираетесь ли Вы научно оформить свой опыт, предположим, диссертацию написать?

— Нет, я этим пока не собираюсь заниматься. Мне хватит конструкторской работы — страна требует создания целого семейства экскаваторов, гаммы экскаваторов различных размеров. Есть и планы модернизации существующей трехкубовой машины. Всей этой работы хватит лет на пять, по крайней мере...»

Мы засмеялись... Жизнь значительно расширила водораздел личных планов конструктора. Я невольно вспомнил давние слова: «Мы шагаем...»

Борис Иванович Сатовский — ныне доктор технических наук — является главным конструктором Уралмашзавода по горнорудным машинам, что включает не только экскаваторы, но и доменные оборудование, и дробилки, и многое иное.

А что касается Шагающих, они уже много лет уверенно шагают по просторам нашей Родины. И непрерывно совершенствуются.

Самый первый Шагающий, как об этом рассказано выше, атаковал водораздел между Волгой и Доном зубастым ковшом четырнадцатикубовой емкости. Давно превышена эта емкость вдвое. А сейчас главный конструктор руководит уже созданием новой сверхмощной машины с ковшом в восемьдесят кубометров...

Наша беседа завершается цифрами. Они звучат как строки фантастики, но они реальны и убедительны.

— На Уралмаше, — говорит Борис Иванович, — изготавливается шагающий экскаватор ЭШ-80/100 с ковшом емкостью 100 кубометров.

Значение первой такой машины не только в ее огромной производительности. По расчетам ученых на перспективу до 2000 года, добыча угля в стране самым дешевым открытым способом возрастет до 1150—1300 миллионов тонн в

год. Это в два раза больше, чем дала вся наша угольная промышленность в 1970 году. Значит, за 1972—2000 годы потребуется изготовить в числе других машин больше сотни экскаваторов с ковшом от 40 до 120 кубометров и 3—4 гиганта с ковшом 150—200 кубометров. Родоначальником этого нового семейства машин-великанов и должен стать первенец Уралмашзавода ЭШ-80/100...

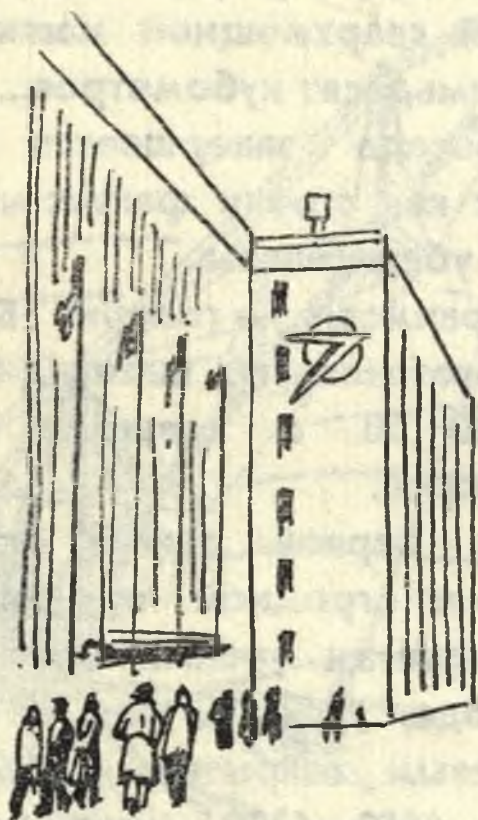
Со всех концов страны идут вести:

«На комбинате «Фосфорит» прошли промышленные испытания шагающего экскаватора с маркой «УЗТМ». Его стрела — 90 метров. Емкость ковша 15 кубометров».

«На площадке Северо-Восточного разреза комбината Дальвостокуголь завершён монтаж и сделал первые шаги уралмашевский экскаватор со стрелой 90 метров и емкостью ковша — 15 кубометров. Это — СОТЫЙ ШАГАЮЩИЙ УЗТМ.

Сто Шагающих — в строю! Это событие явилось темой третьего диалога с конструкторами Уралмашзавода — в канун двадцать пятого съезда партии.

Кабинет Дмитрия Николаевича Орлова —

заместителя главного конструктора — расположен в многоэтажном здании НИИ-тяжмаша, примыкающем к заводу. НИИтяжмаш — это научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения. Институт — заводской, его неотрывная часть, и то, что конструкторы Уралмаша творят здесь — естественно и закономерно: создание современной машины — это во многом — научный поиск, научное исследование. Также естественно, что и сам Орлов пришел сюда из заводского цеха. Всей своей жизнью он как бы олицетворяет союз труда и науки...

Более трех десятилетий назад пришел он на Уралмаш подростком, в трудную военную пору. Работал учеником слесаря, слесарем, токарем. После войны потребность в глубоких знаниях стала очевидной. Нелегко работать и учиться, но Дмитрий Орлов, как и многие его сверстники, успешно заканчивает вечерний машиностроительный техникум. Он уже технолог и еще больше ощущает, как много надо знать, чтобы творчески участвовать в создании новой машины. Технолог становится студентом вечернего отделения Уральского политехнического института. На заводе знают, как труден путь в инженеры без отрыва от нелегкой работы, и диплом Орлова — тоже частица заводских побед. И число таких дипломов множится из года в год.

И вот Дмитрий Николаевич — конструктор тех машин, детали которых недавно создавал в цехе своими руками. Вот он заместитель главного конструктора Бориса Ивановича Сатовского, и, когда речь заходит о работе, он прежде всего скажет о том, что сконструировать, создать такую машину, как экскаватор, одному человеку — невозможно. Она — творение коллектива.

И, прежде всего, он скажет о своих сверстниках — о людях второго поколения уралмашевских конструкторов, которым сейчас за сорок. Все они заводские, много лет на Уралмаше, все они выученики Уральского политехнического. Конечно же, речь прежде всего идет об энтузиастах-экскаваторщиках — о старшем инженере прсекта карьерного экскаватора Владимире Николаевиче Цветкове, о начальнике конструкторской группы Авенире Леонидовиче Мельникове, об одном из ведущих конструкторов нового гидравлического экскаватора Льве Сергеевиче Скобелеве. Об энтузиастах Шагающего: Маргарите Александровне Казариновой, Веньямине Львовиче Раскине и многих других...

На их счету не только прославленные машины, но и тонны сэкономленного металла, авторские свидетельства изобретателей, их портреты на заводских Досках почета, а в просторном вестибюле конструкторского бюро среди «молний» и всевозможных наглядных показателей мы увидели и своеобразное поздравление Маргарите Николаевне Казариновой по поводу присвоения ей особого звания: «Лучшая женщина-рационализатор завода».

Диалог с Дмитрием Николаевичем Орловым можно бы озаглавить одним словом: совершенствование.

Разговор идет о серийных машинах — карьерных экскаваторах ЭКГ-4-6Б. Завод выпускает несколько сот таких машин ежегодно. Машина удостоена Знака качества, — где только ни грызет грунт «уралмашевец» — по всей нашей стране и в разных зарубежных краях.

— В общем, хорошая машина, а когда присматриваешься к ней в работе, видишь, что можно и улучшать.

Беседу прерывает телефонный звонок. Орлова просят подготовиться к заседанию парткома — доложить о том, как выполняются заказы для Вьетнама...

— Хочется, чтобы легче, приятнее был труд водителя нашего экскаватора, — возвращается Дмитрий Николаевич к разговору. — Вибрация, шум, звукоизоляция, термоизоляция, удобство обслуживания — над этим и многим иным думают конструкторы... Сделаем, покажем водителям, а тогда и представим машину на повторную переаттестацию. Знак качества будет весомее!

— ЭКГ-4-6Б выпускается уже больше пяти лет!

— Около семи лет. Но машина морально не устарела. Однако в новой пятилетке будут освоены и совершенно новые экскаваторы этого типа. Будет большой карьерный с ковшом в 20 кубометров, пойдут скальные карьерные — для коксующихся углей, загремят на новых месторождениях огромные карьерные самосвалы, может быть, грузоподъемностью до двухсот тонн — в несколько раз мощнее нынешних великанов — БелАЗов... О таких машинах мечтают на БАМе...

— А Шагающие?

— Шагающие шагают своим чередом. Совершенствуем «среднюю» машину с пятнадцатикубовым ковшом и девяностометровой стрелой. Ковши будут и пятидесятикубовые... Изменяется конструкция стрелы... Вступят в строй Шагающие 40×85, 65×85... Машины становятся все мощнее и экономичнее. Огромный ковш свершает свой рабочий цикл — от одного зачерпывания земли до другого — меньше чем за минуту...

...Сидишь в конструкторском бюро Уралмаша, слушаешь спокойные уверен-

ные слова тех, кто замышляет и создает грандиозные машины — чудо технического прогресса! — и зримо ощущаешь, как стираются грани между мечтой и действительностью, между самым смелым замыслом и свершением.

Лет двадцать назад Борис Иванович Сатовский, побывав на Балхаше и посмотрев с самолета на котлован Коунрадского рудника, написал такие слова:

«С самолета котлован представился огромной чашей. Внутри ее, словно муравьи, копошились экскаваторы. Они разворачивались в забоях, наполняя вереницы железнодорожных платформ медной рудой. Бросилась в глаза одна машина какой-то странной конструкции. Да ведь это довоенный экскаватор М-IV-Э! Несмотря на свою дряхлость, «старик» бодрился и с какой-то трогательной лихостью прокладывал себе путь сквозь скалы. Казалось, он соревновался со своим молодым, но сильным собратом СЭ-3,

старался если уж не обогнать, то идти хотя бы в одном боевом эшелоне. Видимо, это не удавалось. Ну, что ж, не беда, он многое сделал на своем веку. С понятной симпатией глядел я на нашего первенца. Он напоминал нашу кипучую молодость, наши первые шаги в работе над созданием своих отечественных экскаваторов!..

Мы стали старше, зато и опытнее. Конструкторы с прежним огоньком работают над созданием новых, еще более совершенных машин. Наша мечта — спроектировать сверхмощный шагающий экскаватор с ковшем емкостью 50 кубометров и стрелой 100 или 125 метров. И верится, что эта мечта станет былью».

Статья Сатовского, написанная в 1958 году, называлась «Дерзание конструктора». А сегодня на просторах Сибири уже монтируется советский шагающий экскаватор ЭШ-100/100: стометровая стрела и стокубовый ковш! Пока трудно представить такую машину, конструкторы ищут убедительные сравнения. Одно из них такое: в стометровый ковш Шагающего сможет заехать его младший брат — обычный колесный экскаватор, развернется и, как лилипут, почистит великана... И еще одно самое убедительное сравнение: первый шагающий на Волго-Доне (его называли тогда Большой Шагающий) за год работы выбирал полтора миллиона кубометров грунта. Нынешние Шагающие (их уже скромно называют «средние», хотя они значительно больше «Волго-Донского») «перелопачивают» четыре-пять миллионов кубометров. Годовая производительность ЭШ-100/100 будет двадцать миллионов кубометров! Гора грунта или угля! Гора!..

Этот новый экскаватор сегодня по праву называют самым крупным Советским Шагающим.

А завтра!..

ЗАВОД ЗАВОДОВ

Еще гремели взрывы на Амуре,
Еще Магнитка дыбилась в лесах,
Когда Урал,
Глаза в улыбке щуря,
Завод заводов
Поднял
На плечах!
И с той поры шагают по планет
Его машины —
Множество систем.
Едва ли сыщешь уголок на свете,
Где бы не знали букв «УЗТМ»!
Они внушают веру в день грядущий.
В них светится уральская душа,
Соединив полет стрелы могучей
С надежной весомостью ковша.

УРАЛМАШЕВСКОЕ УТРО

Как устье уличных потоков,
Близ уралмашевских ворот
Плечо в плечо
И локоть в локоть
Бурлит
Людской водоворот.
Свет гонит с лиц
Ночную ретушь.
Идет рабочий гордый люд.
Здесь смену,
Словно эстафету,
Отцы
сынам
передают!

Борис Шигайкин

СИЛА МАСТЕРА

После улицы, насквозь продутой студенным январским ветром, было как-то особенно хорошо оказаться в давно устоявшемся тепле и уюте просторной квартиры. И увидеть улыбающееся лицо ее хозяина, человека немолодого, но стройного, с мягкими и округлыми движениями рук.

— Раздевайся, дорогой, проходи. — Это у него привычка называть дорогим каждого знакомого.

А потом, как полагается, пошли в ход последние новости.

— Ездил в Рязань к сыну погостить. Великолепный город. И люди замечательные. Я за этот отпуск около двадцати предприятий там обошел. С рабочими встречался. Об Уралмаше им рассказывал. Ты бы видел, как слушали. И сколько вопросов задавали. Э, брат, завод наш везде знают. Уралмаш — это, понимаешь... — он не нашел нужного слова и закончил скороговоркой: — В общем, замечательные люди эти рязанцы. И город у них замечательный.

«Замечательный» — это тоже его любимое слово. Так он именует очень многих, кого узнал за свою немалую жизнь. Как будто не видит ни в ком ничего дурного.

Показал мне книгу о Рязани, подаренную ему тамошним отделением общества «Знание». С надписью: «Слесарю-лекальщику Уралмашзавода Анатолию Михайловичу Чугунову».

— Подождите, — говорю ему, — вы же заместитель начальника цеха. А слесарь — это когда уж было...

Он смутился, свежее, совсем не старческое лицо чуть покраснело. Оглянулся на дверь, за которой, на кухне, управлялась его жена — Людмила Ивановна, и полушепотом, как тайну, поведал:

— Неловко было, знаешь, говорить,

что в начальниках хожу. С рабочими по-рабочему и говорил. Отлично понимали друг друга. А вообще-то руки по станку тоскуют, к верстаку тянутся. Да уж терплю, раз говорят, что на этом месте нужнее.

На том разговор об отпуске закончился. Только маленькое добавление к нему. Анатолий Михайлович не просто встречался с рязанскими рабочими и рассказывал им о своем заводе, на котором трудится уже тридцать семь лет. Он раскрывал им все новое в ремесле лекальщика и от них набирался того, чего сам не знал. Короче говоря, к обоюдной пользе все вышло. А заодно, как он утверждает, и отдохнул сполна.

Не торопись судить о всей реке, если увидел только ее устье. Проплыви до ее изначальных истоков, и откроются тебе причины водного обилия или оскудения при выходе в море. Полезно узнать и о человеческой жизни в порядке, обратном ее хронологическому строю. Чтобы точнее выверить ее сегодняшний день.

Итак, 1956 год. В Вене проходила Международная профсоюзная конференция металлургов и работников машиностроения. В составе советской делегации были именитые мастера своего дела из крупных промышленных городов страны, приехал в Австрию и Анатолий Михайлович Чугунов. Все было так, как полагается на подобных конференциях: совещания, доклады, поездки по городу. Бывали на предприятиях, встречались с рабочими. Австрийцы к нашим товарищам относились уважительно. В общем, все складывалось хорошо.

Однажды приехали на завод, который исчислял свою историю тремя столетиями. Австрийцы-рабочие заметно гордились

этим. На заводе делали сейфы. И, судя по всему, делали хорошо.

Профессия слесаря-лекальщика, связанная с величайшей точностью в обработке металла, была здесь в особом почете. Естественно, что имя Чугунова, к тому времени широко известное среди его коллег в нашей стране, знали и австрийские мастера. И удивляло их не то, что он может работать с точностью до микрона (для лекальщика это еще куда ни шло), но что при всем этом умудряется давать по 300—400 процентов нормы. Это в иностранных головах не укладывалось и рождало сомнения: а не занижены ли в Советском Союзе эти самые нормы?

Вежливо, но убежденно Анатолию Михайловичу сказали:

— Господин Чугунов, перевыполнять задания в три-четыре раза в нашем деле невозможно.

И намекнули, что в чугуновской славе, видимо, есть доля рекламы.

Говоря старомодными словесами, перчатка была брошена. Анатолий Михайлович вынужден был отстаивать свою честь и вызов принял.

Дали заказ — сделать пять пройм сложной конфигурации для изготовления ключей к банковским сейфам. По австрийским нормам на все это отводилось 54 часа. Точно такое же задание получил и лучший лекальщик фирмы.

Соревнование началось. Поначалу работа не клеилась у Чугунова. Он был артистом своего дела, художником. А какому художнику понравится, что из-за его плеча кто-то внимательно и недоверчиво следит за тем, как создается картина. Может, и есть такие, но Чугунов к их числу не относился. Не любил работать под чужими взглядами. Чтобы не отвлекаться, не терять в мыслях последователь-

ность движений и постоянно видеть перед собой конечный образ изделия.

А желающих посмотреть, как работает русский мастер, набралось уж слишком много. И не прогонишь ведь, не дома. Чертыхнулся в сердцах про себя Чугунов и постарался забыть о болельщиках.

Задание он завершил через двенадцать с немногим часов. Посмотрел на соседа, уже седоватого, солидного австрийца, понял, что далеко ушел от него, взял да еще и притер до блеска наружные поверхности пройм. Так сказать, презент фирме от себя сделал.

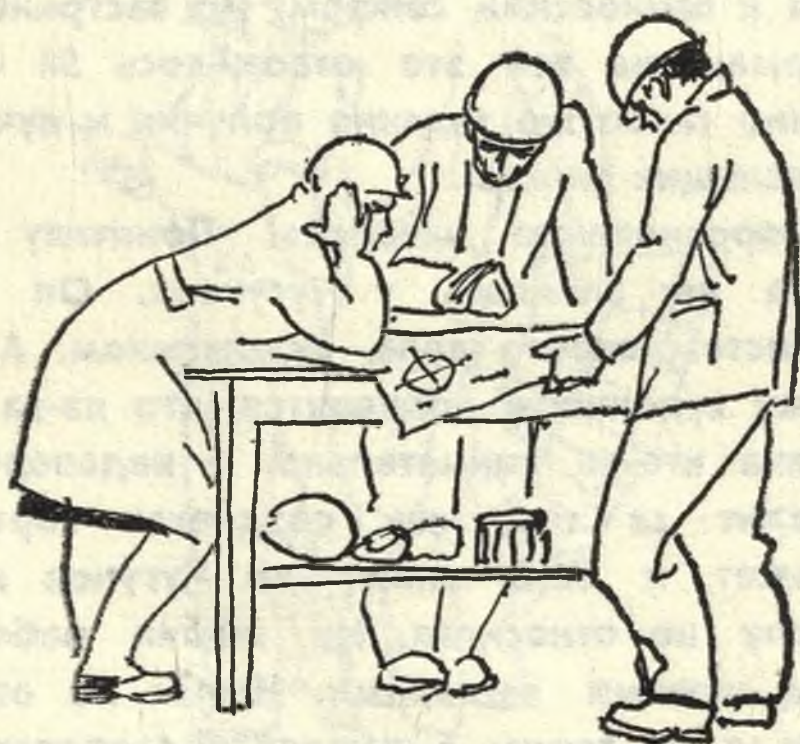
Работники технического контроля вынесли заключение: заказ выполнен отлично. Директор фирмы выразил искреннее восхищение мастерством советского рабочего и подарил ему именные часы. Потом подошел лекальщик, поздравил с победой, но серьезно и с участием сказал:

— Господин Чугунов, но так работать постоянно нельзя, так быстро наступит старость.

Чугунов улыбнулся. Правда, незаметно для собеседника. Обязывал этикет.

А усмехнулся он вот почему.

1941 год. «Вставай, страна огромная...» Из Москвы в Свердловск пришел приказ

начать срочный выпуск танков для фронта. Перестроить такой индустриальный гигант, как Уралмашзавод, с мирного на военный лад — задача по силам только героям. Они и были героями, уралмашевцы, которых не отпускали на фронт.

В модельном, литейных, кузнечных цехах, в механических и сборочных, во всех производственных «коробках» и в заводоуправлении люди, казалось, прописались на долгое жительство. Сместились и переиначились в ту пору многие устоявшиеся понятия. Восьмичасовая рабочая смена, выходные дни — все это казалось далекой и милой сказкой. Да и сказку эту вспоминали редко. Некогда было.

Дни и ночи уже не сменяли друг друга, как это определено природой, а без всякого разграничения сливались в единое рабочее время. Трудится человек, пока ноги держат и руки слушаются. Потом приткнется где-нибудь тут же, в цехе, отретится от всего в бездонном сне, но часа через три уже снова зовут его жизнь и необходимое дело. С трудом человек покинет свое блаженное забытие и опять на рабочее место. Потому что знает — за него никто не сделает.

Чугунов жил близко от завода. Только выйти из проходной и площадь перейти. Но так, кажется, ни разу и не удалось ему в первые годы войны увидеть, как бегают и смеются дети — сын и дочка. Если он когда и появлялся дома, они уже спали, а уходил — они еще не просыпались.

Танк — машина большая. Но, оказывается, и в этой машине достаточно всяких соединений, где как раз и необходима микронная точность.

К тому времени Чугунов, бригадир лекальщиков инструментального цеха, уже славился на весь завод. Было известно,

что он еще комсомольцем потряс, казалось бы, незыблемые устои старых мастеров-лекальщиков, считавших себя белой косточкой среди всех остальных рабочих. Он не только с сокрушительной скоростью догнал этих мастеров по квалификации, получив высший разряд, но и доказал, что можно работать и точнее, и быстрее. Старики, по старорежимной привычке своей скупые на раскрытие профессиональных секретов, привыкшие держаться обособленно, таким кланом, порой недовольно ворча, все же вынуждены были тянуться за такими, как Чугунов, в веселом и стремительном ритме тридцатых годов.

Еще до войны, в двадцать семь лет, Анатолий Михайлович, имевший всего четыре класса образования, но талантом своим и трудолюбием поднявшийся на высшую ступень мастерства, был награжден орденом «Знак Почета». Дирекция премировала его отдельной квартирой в одном из первых благоустроенных домов юного уралмашевского соцгорода.

Вот таким вполне сложившимся мастером, притом мастером совершенно нового, поистине советского склада, встретил Анатолий Михайлович Великую Отечественную войну. И в несказанно трудные и героические будни первых ее месяцев руководители с надеждой посматривали на него, хотя ничего определенного подсказать не могли. Чугунов сам нашел путь к своему подвигу.

В областной газете «Уральский рабочий» появилось сообщение, что тагильский фрезеровщик Дмитрий Босый выполнил сменное задание на 1150 процентов. Анатолий Михайлович места себе не находил: а возможно ли такое в лекальном деле? Уловит ли он при такой скорости свои микроны?

Долго высчитывал что-то, расчлняя технологию всей операции на маленькие звенья. И везде находил возможность сократить время. И вот тогда появились на его верстаке часы, которые ныне стали домашней реликвией и которые неплохо бы поместить в музей боевой и трудовой славы Уралмашзавода, где на почетном месте выставлены лапти и двухколесная грабарка первых строителей завода и действующая модель шагающего экскаватора — детище разума его нынешних конструкторов.

Часы отстукивали время, Чугунов работал по заранее сделанным расчетам. Пятьсот, шестьсот, восемьсот процентов. Новые расчеты и новые побежденные проценты. И наконец — 1200!

Заводская многотиражка обратилась к уралмашевцам с призывом штурмовать по примеру Чугунова тысячный рубеж. Рабочие различных профессий как бы новыми глазами посмотрели на свой труд. Многие из того, что было привычно и вне сомнения, отбросили напрочь, и каждый своим путем пошел к заветной отметке с единицей и тремя нулями.

Через три месяца у Анатолия Михайловича было уже 350 последователей. Каждый работал за себя и еще за десятерых товарищей, которые сражались с фашизмом.

И это было только одно из многих проявлений животворной связи уральского тыла с фронтом. Тогда же, например, начали сколачиваться первые фронтовые бригады.

А Анатолий Михайлович тем временем связался с Ленинградским фронтом и вызвал на соревнование воина-гвардейца Александра Потапова. Невозможно, конечно, привести к одному знаменателю убитого в бою гитлеровца и проценты вы-

работки в тылу. Но соревнование это помогало отлично делать свое дело и фронтовику, и рабочему. И оба они из него вышли победителями. А еще остались письма двух мужественных людей — документы, свидетельствующие о стойкости и героизме наших соотечественников и их неизбывной вере в свою победу.

В 1942 году Анатолий Михайлович за выдающиеся трудовые заслуги был награжден орденом Ленина. Тогда же стал коммунистом. Считал, что теперь достоин этого звания. И еще два ордена появилось на его груди в 1943 г. и 1944-м — Красной Звезды и Трудового Красного Знамени. Три такие награды за три года войны — это встретишь нечасто.

Уж, кажется, так было трудно, как и не может быть. Дорабатывался до истощения, до обморока. Но жила в нем неистребимая совесть рабочего человека. И если бы ее можно было измерить с точностью до микрона, не нашлось бы там, думается, и минимального допуска на сладкое, греющее душу сочувствие самому себе. В пору огненного лихолетья он отдавал всего себя и свой талант мастера народу и отчей земле.

...И не состарился. Потому что у подвига — свои законы. Этого не понимал тот австрийский лекальщик из Вены. И когда после его слов о скорой старости Анатолий Михайлович улыбнулся про себя, это означало: «Посмотрел бы ты, как мы работали в войну...»

У меня в руках четыре нетолстые книжки. На обложках имя автора — А. Чугунов. Одна из них «С точностью до микрона», изданная в Свердловске в 1962 году, — рассказ о собственной жизни. Три другие — пособия для слесарей-лекальщиков. Мне, неспециалисту, не-

возможно судить, насколько ценны эти пособия. Но сведущие люди утверждают, что книги действительно очень нужные.

Я уже говорил, что перед войной, несмотря на высший класс мастерства, у Чугунова было всего четыре класса образования. Но время шло, лекальное дело двигалось вперед, из ручного, почти кустарного ремесла все больше превращалось в механизированную отрасль производства. Анатолий Михайлович понял, что может отстать от своей профессии. И ему стало тревожно, потому что он любил это дело всей душой и не мыслил себя без него. Подумал — и пошел учиться. А ведь уже и дети подросли, забот прибавилось. Закончил 7 классов в школе рабочей молодежи. Потом поступил на вечернее отделение Свердловского машиностроительного техникума. В 46 лет закончил его с отличием. Защитил диплом на тему: «Механизация лекальных работ». Вскоре этот труд издали отдельной книгой. Ее перевели почти на все языки социалистических стран. Позже написал Чугунов еще две специальные работы.

Тем, что уже в поздние годы учился сам, не гордится. Зато любит рассказывать о своих учениках. А за время работы на Уралмашзаводе Анатолий Михайлович обучил своей, все еще довольно редкой профессии около ста человек. Многие из них теперь и сами стали опытными мастерами.

С какой-то особой нежностью он говорит о любимом воспитаннике — Владимире Куликове, который сейчас работает в экспериментальном цехе заводского научно-исследовательского института тяжелого машиностроения. Анатолий Михайлович несколько лет был заместителем начальника этого цеха (кстати, когда ему после

окончания техникума предложили руководящую должность, он долго отказывался, хотел остаться на рабочем месте). Как-то мы встретились с ним там, в экспериментальном, — и Анатолий Михайлович первым делом показал мне стенд «Мастера — золотые руки». Здесь фотографии самых квалифицированных рабочих, «корифеев», как их полушутя называют. И первой помещена фотография Куликова.

Вспоминает Анатолий Михайлович и других своих одаренных учеников — Германа Шапурова, ныне кадрового уралмашевца, Вениамина Кузнецова, который в должности догнал своего воспитателя, тоже стал заместителем начальника одного из цехов. Многих вспоминает мастер.

Иногда мне кажется, что в этом человеке не один, а по крайней мере два таланта. Второй — педагогический. Другого в его возрасте и тягачом с места не сдвинешь. А он все где-то выступает, куда-то его постоянно приглашают. К солдатам в гарнизон едет, к школьникам идет, к студентам. Тема его бесед — одна: о высокой чести быть рабочим человеком. Он бурно возмущается, когда слышит, как иные родители говорят своим недорослям: «Будешь плохо учиться — к станку пойдешь». Ну, родители еще туда-сюда. А вот учителя же такие есть!

Однажды я встретил его злым, потемневшим.

— Как так, — почти задыхаясь, начал он, — позвонили, пригласили выступить перед старшеклассниками. Хорошо, я пришел. А в школе, оказывается, переиграли это дело. Ребят в театр отправили. Театр — это хорошо. Но ведь школьников заранее предупредили, что к ним придет ветеран Уралмаша, расскажет о заводе, о своем труде. Непонятно мне это и обидно стало. Я высказал свое мнение, а

директор этак небрежно завучу говорит: «Отметьте ему путевку, пусть свое получит». Я не сразу и понял, что речь о деньгах идет. Да на кой черт мне их деньги! Нам с женой и без того хватает. Я не к директору этому пришел, а к ребятам. Поговорить, растолковать, что хороший станочник или тот же слесарь иному дипломированному инженеру — который без любви, а из-за звания только инженером стал, — десять очков вперед даст. Вот и посуди: какая у ребят может быть любовь к рабочему ремеслу, если их главный педагог так относится к ветерану труда?

Мне было горько и обидно за мастера, оскорбленного в лучших своих чувствах. И потому еще горько, что таких «снобствующих» педагогов мне тоже приходилось встречать.

Лесковскому Левше крупно повезло в наших газетных писаниях. Во всех шести падежах его склоняют. И Анатолия Михайловича тоже в газете с Левшой сравнивали. Только ведь он, пожалуй, покрупнее Левши оказался. Во-первых, по мастерству не уступит, а во-вторых — профессиональными секретами и приемами до сих пор щедро делится. У себя в цехе в свое время организовал школу для начинающих лекальщиков.

Настоящий мастер никогда не кончается. Бывшие ученики Чугунова уже давно сами учат других, те, надо думать, тоже в долгу не останутся. В этом, наверное, и есть подлинная сила мастерства — в вневременном его обновлении и росте.

Выйдя на пенсию, Анатолий Михайлович три года возглавлял заводской кабинет профориентации. Да и сейчас еще часто выступает там перед школьниками.

Да, настоящий мастер никогда не кончается!

УРАЛМАШУ

Я в тебя входил,
как входят в чудо,
неусыпно думая о том,
что и я когда-нибудь
да буду
нужен в вечном
подвиге твоём.

И с моих ладоней жар
не сходит,
и не остывает хватка рук,
оттого что
занятым в работе
прохлаждаться
нынче недосуг.

Уралмаш!
В завидные
начала
ты вступал, прославившись трудом,
и все то, что
музыкой звучало,
становилось
доблестью потом.

И какой ее измерить
мерой!
Плавя высшей прочности
металл,
ты в Победу
неотступной верой
веру в нас,
воюющих, всеял.

И пылила
танками дорога...
Где огнем метелица мела,
там тебе молились,
а не богу
те, которых
пуля не брала.

РАБОТЯГА

Движеньям рук хозяйских внемя,
под тяжестью едва дыша,
он перемалывает землю
и поднимает не спеша.
В потуге, издавая гулы,
зажав до боли черный рот,
как динозавр — смыкает скулы
и ношу в воздухе несет.
Потом, стрелою чуть пружиня,
педалей ощущая власть,
добычу отдает машинам,
открыв надраенную пасть...
И, оставляя след глубокий,
отфыркавшись, грузовики,
из-под него ползут со стройки
как спичечные коробки.

РАБОЧИЙ ГОРОД

Люблю
в шестом часу проснуться
и раньше солнца
самого
в зарю,
 как в речку, окунуться
и стать
бодрее оттого.
И слушать каждый
малый шорох...
И, распахнув
 в рассвет окно,
увидеть свой
 любимый город,
уже проснувшийся давно
Люблю,
когда заря в накрапах
меня встречает на пути,
ржаного хлеба
вкусный запах
с собой из дома унести.
Не изменив былой сноровке,

люблю
как будто невзначай
я сесть
на шумной остановке
на уралмашевский трамвай.
И ехать с заводскими вместе
в начало
будущего дня,
где каждый пятый или третий —
твоя рабочая родня.
Мой город
радостью заполнит
тебя,

когда у проходных
его рабочие ладони
уже касаются твоих.
И я за новой славой следом,
в ее поверив торжество,
иду —

в преддверии победы —
в сердцебиение его.

Люблю,
желания не спрятав,
всегда к заветному идти...
Как хорошо тебе,
когда ты
с рабочим

городом в пути!

И. Давыдов

ВЗГЛЯД

— ...У одного молодого поэта вычитал я: «Все ждем, что кто-то нас заметит, и все наладится потом». Когда мы оставались в армейских кадрах после войны, в общем-то, понимали, что «замечать» нас будут не очень-то, что громкой славы нам это не сулит. Оставались, чтобы спокойно, упорно, день за днем строить самую современную армию, которой не страшны никакие случайности. Выбирали это вполне сознательно. И на это вроде бы незаметное, можно сказать — тихое служение делу ушло уже тридцать лет. По существу — вся жизнь. Я об этом так же не жалею, как и о том, что на фронте иногда драл глотку. Там это порой решало исход боя. Но ведь всему свое время!..

Мы ходили по тихой вечерней улице, почти пустой, по мокрому от тающего снега асфальту и говорили «за жизнь». Это был неторопливый и, в общем-то, случайный разговор с подполковником, давним и добрым моим знакомым, который когда-то ушел на фронт прямо с выпускного школьного бала, в первый же день войны, вернулся с фронта с четырьмя полосками разноцветных орденских планок, а теперь собирался в запас. Впрочем, уходить он собирался не на «покой». Его уже ждала работа, гораздо более хлопотная, чем в армии, и гораздо менее денежная.

И этот случайный вечерний разговор как-то неожиданно и по-новому осветил мне всю жизнь уралмашевского сталевара, про которого собирался я писать очерк, да все не знал, как начать. Выпирали из привычного очеркового строя какие-то нетипичные факты. Даже ломали весь строй. А теперь они быстро и послушно встали в общую шеренгу.

ПОРТРЕТ У ПРОХОДНОЙ

...Давно я его заприметил. Войдешь на территорию завода — и прямо упираешься в целую галерею больших, отличных портретов почетных уралмашевцев. Чем-то останавливал меня его взгляд — прямой, затаенно — не напоказ — счастливый, сдержанно ироничный. Словно бы говорил он: «Вот ты все суетишься, суетишься, а счастье-то — не в суете. Когда-нибудь поймешь. Хотя, может, и не скоро...»

Чувствовалась в этом взгляде какая-то загадка, которую хотелось разгадать. Мне вообще нравится разгадывать человека. Но не всякого хочется разгадывать. Иной первыми же взглядами, первыми же фразами убивает всякий интерес к себе. Услышит от кого-нибудь что-то новое, свежее, неизбитое, чуть ли не сегодня утром случившееся, презрительно перекосит губы и процедит: «Сто лет уже я это знаю!» И не захочешь больше рассказывать ему новое и слушать его не захочешь. Одной фразой прилепнул интерес к себе.

А во взгляде сталевара Журавлева, почетного уралмашевца, ясно чувствовалась какая-то человеческая многослойность. Такой и таиться вроде бы от тебя не станет и не раскроется сразу. Может, еще тебя самого раньше раскроет, чем ты его. Хоть и не психолог — сталевар... Почему-то интересовало не то, как он варит сталь — наверняка хорошо варит, если уж здесь появился его портрет. Интересовало, как он живет. Как относится к людям? Откуда это затаенное, глубинное счастье в глазах? В чем крупно повезло ему — в работе! в любви! в детях! в товарищах! Или просто в характере — а к нему уже все и прикладывалось! Но, может, вооб-

ще, я неправильно читаю этот взгляд? Может, совсем другая загадка в нем и совсем другая ирония?

Много позже, когда уже заканчивался этот очерк, прошли мы мимо портрета Журавлева с молодым парторгом сталеплавильного цеха Геннадием Прокудиным. И, кивнув на портрет, Прокудин сказал:

— Посмотрите, какой у него взгляд! Прямо улыбка Монны Лизы.

А я-то наивно думал — мне одному кажется!...

Если кто-нибудь ждет, что в этом очерке будет полная разгадка журавлевского взгляда — ошибется! Не будет. Полную я пока не нашел. Может, когда-нибудь потом, в каком-нибудь случайном вечернем разговоре, скажет мне сталевар Журавлев что-то такое, что по-новому осветит его жизнь, поможет понять в ней еще что-то очень важное. Ведь для полной разгадки надо все знать о человеке. А разве может кто-то знать о другом все! Даже о самом близком!.. Уже давно и очень точно сказал по этому поводу Евтушенко: «И про отца родного своего мы, зная все, не знаем ничего!»

«ПОРАБОТАЕТЕ —
ПОГЛЯДИМ!»

Ефим Журавлев не воевал. И вообще в армии не служил. Хотя вполне здоров. Мартен так и не пустил его в армию.

Когда началась война, Ефим был пятиклассником. И жил на станции Хребет Уральский, на старинной Горнозаводской ветке, что соединяет Пермь через Чусовой и Гороблагодатскую с Нижним Тагилом.

Невелик был тогда Хребет Уральский — рядовой поселочек лесозаготовителей, на 40 дворов, с одним магазинчиком да на-

чальной школой. В пятый класс Ефим уже ездил на станцию Бисер, в интернат. И дома объявлялся только по выходным.

Отец — Лазарь Потапович Журавлев — был бригадиром путейцев. Мать — Афия Акиловна — пласталась дома с детьми и с хозяйством. Детей — полный десяток. И Ефим — третий спереди. Потому и работать пошел рано. Окончил на Бисере седьмой класс — и в бригаду к отцу. Менять рельсы да шпалы, забивать костыли.

Когда в темпе приколотят новый рельс и с ближней станции тронется ждавший этого момента состав, отец присядет на пенек передохнуть, свернет сигарку с махрой, тихо скажет...

— Учиться бы тебе, сынок, надо. Но... война...

А вот уж когда она кончится, война, отец скажет по-другому:

— Езжай, сынок, учись. Теперь без тебя выдюжим.

И поедет Ефим Журавлев в 1945 году в Кушву — учиться на сталевара. И спустя два года, окончив металлургическое училище, получит направление на Уралмаш. А еще через год то же самое Кушвинское училище окончит ирбитский деревенский паренек Валерий Кузеванов. И никому в то время не будет ведомо, что спустя долгие годы встретятся эти давние знакомые в одном цехе, на одном мартене, и станут сменщиками, вполне достойными друг друга.

Откуда, вообще, берутся хорошие сталевары?

Знаю я про один далекий от наших краев завод, где рассуждают примерно так: «Хорошие сталевары берутся с других, старых заводов. Им предлагается отличная квартира — такая, о какой они мечтают, — и сталевары в эту квартиру

едут. Ибо давно подсчитано, что хорошая квартира обходится куда дешевле, чем подготовка хорошего сталевара».

Однако ни на Уралмаше, ни на Нижнетагильском металлургическом, где часто и подолгу доводилось мне бывать, подобных рассуждений не услышишь. Здесь терпеливо и настойчиво делают хорошими сталеварами глазастых и смекалистых уральских пареньков, что приходят к мартенам из местных училищ.

В Нижнем Тагиле вот так когда-то терпеливо делали хорошего сталевара из длинноногого и тощего режевского паренька, который окончил Нижнесалдинское металлургическое училище. Получился знаменитый ныне сталевар Виктор Иванович Ипатов, кавалер ордена Ленина, делегат партийного съезда, депутат Верховного Совета СССР. Гордость почти полумиллионного Нижнего Тагила.

На Уралмаше так же терпеливо делали хорошего сталевара из невысокого и щуплого смолоду Ефима Журавлева.

Этот процесс идет не без отсева. Вместе с Журавлевым когда-то приехали на Уралмаш еще восемь кушвинских выпускников. А сейчас на уралмашевских мартенах изо всей этой группы — один Ефим Лазаревич.

И Виктор Ипатов когда-то приехал в Нижний Тагил не в одиночку, а с целым выпуском. Но сегодня Тагил из этого выпуска знает только Ипатова. Кто-то «горячей» работы не выдержал. Кого-то просторными квартирами сманили...

Кушвинское металлургическое училище присвоило Ефиму Журавлеву 14-й рабочий разряд. А Степан Павлович Замотаев, тогдашний начальник уралмашевского мартеновского цеха, увидав диплом, за голову схватился.

— У нас и разрядов-то таких нет! —

сказал он. — Мы ведь машиностроители, не металлурги. У нас совсем другая разрядная сетка.

Журавлев испугался.

— Как же я теперь?..

— Вот поработаете — поглядим. Пока оформляйтесь по четвертому.

Заместитель Замотаева, Макс Яковлевич Бройде, смотрел на Журавлева с откровенным сожалением. Не сталеварской внешности был паренек. И, похоже, не сталеварского характера. Мало того, что невысокий да худенький, еще и застенчивый. «Он и до ложного порога в мартене не дотянется», — подумал Бройде. По себе знал этот ленинградский инженер, в войну попавший на Уралмаш да так и оставшийся здесь, как мешает у мартенов маленький рост.

— Может, к Чеснову его направить? — тихо предложил Бройде.

Замотаев почесал переносицу, подумал, еще раз окинул взглядом переминавшегося с ноги на ногу Журавлева и согласился:

— А что — пожалуй, верно! В самый раз придется!

«Глядели» на застенчивого паренька всего полгода. И затем сразу дали седьмой разряд.

М. Я. Бройде, ныне инженер отдела главного металлурга, вспоминает:

— Ефим Журавлев приехал в наш цех с одной из первых групп молодых рабочих-металлургов, подготовленных профессионально. Это был вообще новый тип рабочего. Раньше сталеваров мы готовили прямо в цехе, и на это уходило порой полтора десятка лет. А тут сразу получили, так сказать, полуфабрикат. То есть ребят, которые кое-что уже умели. И знали теорию. Но и среди этих неплохо подготовленных парней Ефим Журавлев сразу

выделился, я бы сказал, суммой практических навыков. Он был пытливый, работоспособный, внимательный, цепкий и, как губка, впитывал знания. Но вперед не лез...

РОТОРЫ ДЛЯ АНГЛИИ

Уралмашевский мартеновский цех небольшой. Всего четыре печи. И мартены эти неодинаковы по объему, по характеру и по назначению. Для уралмашевских металлургов главное — точное соответствие свойств выплавленной стали конкретным нуждам заводского производства.

В трудовой биографии Ефима Лазаревича Журавлева был, например, такой эпизод.

Варил он сталь для роторов паровых турбин, заказанных одной английской фирмой. Требования к металлу были очень жесткими — предел по углероду 0,02 процента, по хрому — 0,2. Сталевары говорят — «две сотки» и «двадцать соток». Даже малейшее отклонение состава стали по углероду или хрому делало ее непригодной для этих роторов. Отличнейшая, высокосортная сталь, которую у металлургического завода, как говорят, «с руками оторвали бы», — здесь, на Уралмаше, пошла бы в брак.

Англичане вообще не верили, что на Уралмаше сварят такую жестко ограниченную сталь. Они сделали этот заказ неохотно — только, так сказать, на основе взаимности. Главный металлург фирмы мистер Джонсон и двое его помощников приехали в Свердловск с надеждой, что уралмашевцы сами откажутся.

Надев гостевые каски, мистер Джонсон и его помощники обошли мартеновский и прессовый цехи, побывали в централь-

ной заводской лаборатории и наконец задали свой главный вопрос:

— Так вы уверены, что справитесь с нашими требованиями?

— А зачем бы иначе терять время на переговоры?

Видимо, мистер Джонсон понял, что ему ответили так же, как он спросил. Потому что больше подобных вопросов не было.

А роторы англичанам понравились. Они приняли первую пару, заказали еще одну. Потом еще... Четыре пары были сделаны. И один ротор непарный. Сталь для четырех роторов из девяти варил Ефим Журавлев.

Впрочем, он варил эту сталь уж опытным сталеваром. А вот как он стал опытным!..

ВОСПИТАНИЕ ХОРОШЕГО СТАЛЕВАРА

Для начала его послали на третью печь — самую маленькую, объемом всего 30 тонн. И, как предлагал Бройде, включили в бригаду ленинградца Дмитрия Исаевича Чеснова. Еще в войну вместе с эвакуированным Ижорским заводом Дмитрий Исаевич приехал на Уралмаш. Да так и не уехал. Работал до пенсии и здесь же умер в конце пятидесятих годов.

Был Чеснов малограмотен. Рассчитать шихту для плавки не умел. А Ефима еще в Кушве этому учили. Но режим печи и ход плавки Чеснов чувствовал удивительно, просто как-то необъяснимо. Словно печь сама ему до тонкостей все докладывала. Видимо, это необъяснимое умение чувствовать, понимать печь и сделало Чеснова еще до войны самым удачливым скоростником Ижорского завода. Скорост-

ные плавки Чеснова позволяли ему на Ижоре неизменно выводить свою бригаду на первое место. Когда-то и молодой инженер Бройде, выпускник Московского института стали, тоже учился у Чеснова вести скоростные плавки. И всю жизнь относился к нему как к учителю. Навсегда остался Чеснов образцом первого учителя и для Ефима Журавлева.

Третий уралмашевский мартен не только самый маленький, но и самый капризный. При одном и том же тепловом режиме эта печь плавит металл то горячо, то холодно. При одной и той же шихте она дает в стали то полтора процента углерода, то намного меньше. Сколько ни реконструировали эту печь — сохранялся у нее все тот же взбалмошный характер. Как у норовистого коня, которого надо непременно держать на вожжах. Чуть только отпустил вожжи — каверза!

Эта печь неумолимо требовала характера и от сталевара. Бесхарактерному с нею не справиться. И Чеснов учил своего нового подручного проявлять характер, не бояться быстрых решений. Быть не

менее стремительным, чем печь. Усмирять капризы мартена в процессе плавки, пока они не выплеснулись испорченной сталью.

И характер у Ефима Журавлева прорезался. Собственно, он и раньше был — просто получил возможность для проявления. Трудная печь, словно проявитель на фотопленке, обнаружила характер новичка. Он не боялся мартена. И не боялся решений.

Старший мастер Николай Александрович Морозов присмотрелся к новому подручному, посоветовался с Чесновым и уже через год поставил Журавлева сталеваром на этой же печи, в другую смену. А Ефим и не ждал такого быстрого успеха. Он знал, что сталевары старшего поколения работали подручными по 10—15 лет.

Капризная печь быстро почувствовала твердую руку вроде бы неторопливого и улыбчивого паренька. И, хоть изменить ее характер Журавлев не мог, — «взбрыкивания» третьего мартена все реже становились поводом для разговоров на сталеварских планерках. Все чаще Журавлеву удавалось усмирять их на своей рабочей площадке, только своими силами, незаметно для остальных.

Когда самому себе Журавлев решился признаться, что с этим мартеном он уже вроде бы уверенно может разговаривать на «ты», его перевели сталеваром на первую печь.

Первый уралмашевский мартен намного спокойней и покладистей третьего. Но и вдвое больше. Если третий требовал непрерывного напряжения нервов, то первый требует непрерывного напряжения ума. На третьем рискуешь тридцатью тоннами стали. На первом — шестьдесятю четырьмя.

И все же Ефиму Журавлеву «договориться» с новым мартеном было куда проще, чем с прежним. Как легче договориться о самой тяжелой работе с человеком уравновешенным, чем о самой легкой — с тем, у кого семь пятниц на неделе.

Сталевар и печь быстро поняли друг друга, и десять лет их совместной работы пролетели — теперь уже кажется — как десять дней.

Значительно способствовало этому соседство, а затем и совместная работа с Григорием Диановым, который был в это время сталеваром на аналогичном, втором мартене. Коренной уралец, спокойный, рассудительный, Дианов сумел передать Журавлеву немало навыков, выработанных уральской школой сталеварения, издавна нацеленной на самое высокое качество металла.

Теперь уже Журавлев многое умел: ижорский опыт соединился у него с тем, что тут родилось — по-уральски раздумчивым и основательным.

В Журавлеве усмотрели «твердый кадр» и начали готовить его всерьез, возить по другим заводам. Потому что у хорошего сталевара должен быть широкий кругозор. Он просто не имеет права замыкаться на одной своей печке. Ограниченность кругозора сегодня, вообще, ни в одном деле положительных результатов дать не может. А уж тем более в таком, всем миром развиваемом, как сталеварение.

Ефим Журавлев знакомился с мартенами Тагила и Кушвы, с печами ВИЗа, ходил по громадному мартеновскому цеху Донецка. Невысокого, теперь уже плотного, набравшего тело, неторопливого уралмашевского сталевара видели в Москве, на «Серпе и молоте», и под Москвой, на «Электростали». Съездил он и в Ле-

нинград, на тот самый Ижорский завод, что дал Уралмашу много замечательных работников, и в том числе Чеснова — журавлевского учителя. Был Ефим Лазаревич и в Волгограде, в мартеновском цехе завода «Баррикады», разрушенного войною дотла и восстановленного не без активной помощи уральцев. Вместе со старшим мастером Владимиром Ивановичем Афанасьевым ездил Журавлев смотреть мартены Челябинска и Златоуста.

Это не были случайные, беспорядочные поездки, как поначалу казалось даже самому Журавлеву. Это было целенаправленное воспитание хорошего сталевара.

— Порой буквально виски тер от растерянности — не знал, что делать! — вспоминает сегодня Макс Яковлевич Бройде. — Конец года, надо план давать, а мы срываем с печи отличного сталевара и на семь-десять дней посылаем его «гулять»... Безо всякой отдачи ближнему плану. Но ведь не одним сегодняшним днем жив человек! Надо глядеть и в будущее... Посылали!

В какой-то степени эти командировки были ответом цехового начальства на тихое, но упорное нежелание Журавлева поступать в техникум. Ему не раз намекали, а он все отделялся улыбочками.

Кстати — это первый из тех фактов, которые для меня ломали привычный строй очерка. Положительный герой — и такое очевидное нежелание получить диплом. Может, и нетипично, но вот существует... И ведь дело свое Журавлев любит, уходить с него не собирается, в своем деле он сегодня профессор. Хотя и без диплома...

Старший мастер Афанасьев знал Журавлева давно, работал с ним и вроде бы уже не искал в нем ничего нового. Но все же в той поездке что-то новое на-

шел. И, наверное, особенно понравилось старшему мастеру то, что не ходил Журавлев по чужим мартеновским цехам, как по музею, где подряд висят таблички «Руками не трогать!» Журавлев всюду искал — искал то, что можно применить дома. Те небольшие и вроде бы незаметные с первого взгляда усовершенствования, которые экономят время и силы сталеваров, позволяют давать стали больше и лучшего качества и про которые ни в одной книге не прочтешь. Потому что сами сталевары про это не напишут, а те, кто пишет, про это не узнают. Или не заметят, или не поймут.

Надо сказать, что русские сталевары — невероятно щедрый народ! Они не патентуют свои бесчисленные и порой весьма хитроумные находки, всегда покажут и объяснят их до тонкостей. Бери да пользуйся!

Ефим Журавлев не стеснялся спрашивать. И не стеснялся применять дома то, что узнает. И крепко помнил всякие каверзные случаи не только из своей практики, но и из чужой. Больше того — выспрашивал их, охотился за ними. Ибо такая память во многом определяет общий опыт сталевара и позволяет принимать быстрые и правильные, уже опробованные на других печах решения.

В конце челябинской поездки Афанасьев спросил Журавлева:

— Как ты относишься к четвертому мартену?

— С уважением.

— Освобождается там место. Акутин собирается на пенсию. Ты бы туда пошел?

Журавлев даже не ответил, только улыбнулся. На четвертом уралмашевском мартене — самая тонкая, самая сложная сталеварская работа. Там уже не мастерство — искусство. Кто же откажется!..

Три первых уралмашевских мартена — основные. Четвертый — кислый. Его пустили перед самой войной и предназначили для особых сортов стали.

Собственно, изобретение мартенов началось с кислых печей, и кислыми их назвали потому, что процесс плавки идет в кислой среде. В нем участвует песок. А песок — это кислота.

Когда-то из песка изготовил Пьер Мартен подину [дно] своей первой печи. А динасовый — из размельченного кварцита — огнеупорный кирпич, который Мартен применил для свода и стенок, — до сих пор применяется в кислых мартеновских печах.

Но и серьезная слабость есть у особого режима кислых мартеновских печей — при всех их достоинствах. Они не могут перевести из металла в шлак серу и фосфор, попадающие в сталь из чугуна, а в чугун — из руды. Эта слабость и породила когда-то основные печи, изобретенные англичанином Сидни Томасом. И основной, так называемый томасовский процесс, позволивший очищать металл от серы и фосфора, ввел в обращение просто неисчислимы рудные богатства. А очищать металл от серы и фосфора необходимо — они придают стали хрупкость, ломкость на холоде. Треснувшие на морозе балки, лопнувшие рельсы — это давние грехи тех сталеваров, которые в своих печах не удалили из металла серу и фосфор.

Поэтому в кислую печь валят металлолом, содержащий самое минимальное количество серы и фосфора. Как говорят сталевары, «чистый по сере и фосфору». Поэтому в кислую печь льют жидкую сталь, уже прошедшую в основных печах очищение от этих вредных примесей. Основные уралмашевские печи очень

часто дают всего лишь полуфабрикат для кислой. А уж кислый мартен дает окончательную продукцию — тот особый металл, что нужен производству для валков «холодных» прокатных станов, для роторов турбин, для некоторых химических агрегатов. Ибо единственная на Среднем Урале кислая мартеновская печь поставляет отливки не только Уралмашу, но и Уралхиммашу.

Этого особого металла требуется не так уж и много. Поэтому кислые мартены в стране можно пересчитать по пальцам. И почти все эти печи связаны с машиностроительными заводами. А основных советских мартенов — сотни.

Обычного уровня знаний сталевару здесь не хватает. Поэтому перевод Журавлева на 4-й мартен совпал с обязательными трехмесячными курсами повышения квалификации. Там сталевара основательно «подковали» в теории. Ну а практическую науку он осваивал уже на печи. И осваивал не механически, а творчески.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Самый последний химический процесс плавки — раскисление. Сталь уже готова, доведена до заданного состава, нагрета до необходимой температуры, и остается теперь только перевести в шлак излишний кислород. Избавиться от него. Потому что, если он останется в металле, сделает сталь ломкой и преждевременно стареющей.

В раскислении особенно отчетливо проявляется сталеварское искусство. Это называется «засечь плавку». М. Я. Бройде говорит об этом так:

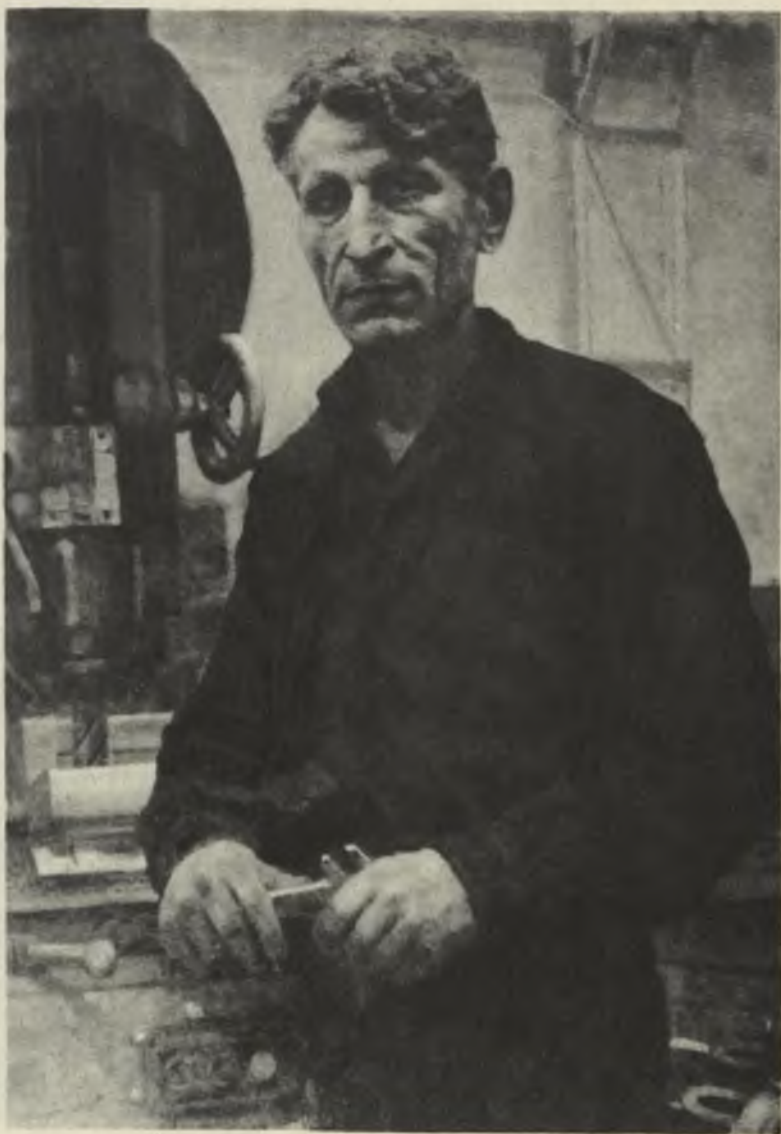
— Щелк — и плавка в твоих руках!

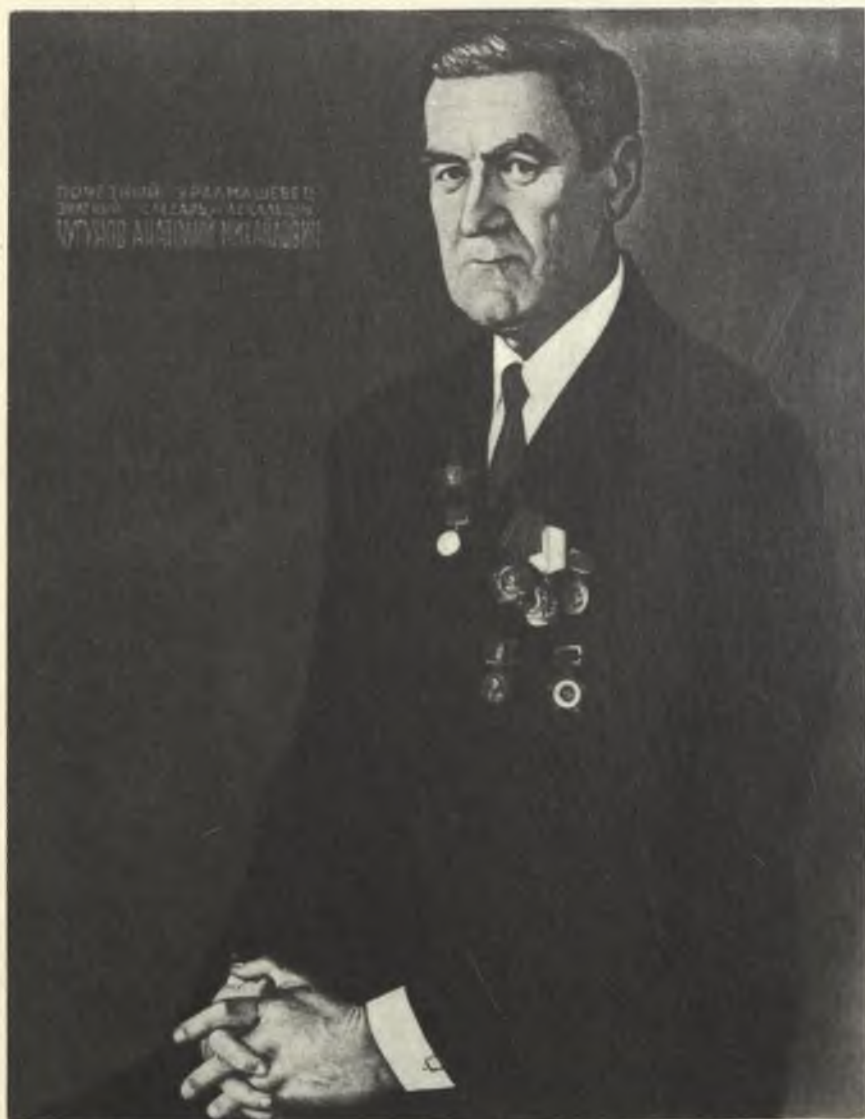
ЗЮМБИЛОВ С. Н. Герой Социалистического Труда А. И. Храмцов.

ЗИНОВ В. С. Знатный зуборезчик К. Я. Маслий.

ЗИНОВ В. С. Герой Социалистического Труда А. А. Дурнышев.

МОСИН Г. С. Почетный уралмашевец А. М. Чугунов.

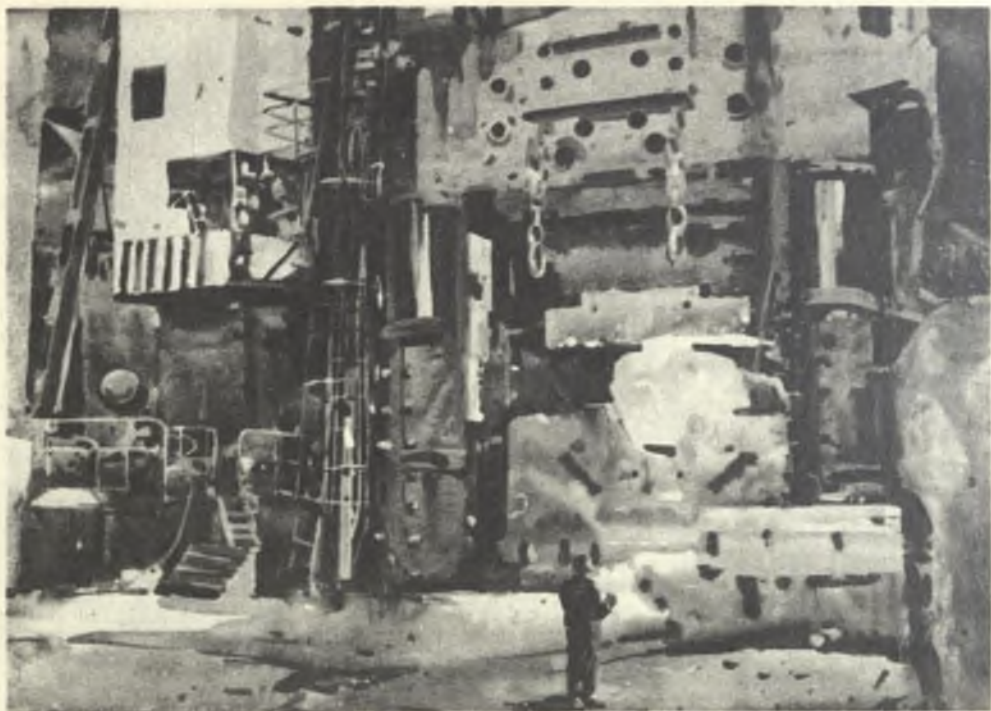
СИМОНОВ И. И. Мои герои.

БУРАК А. Ф. Уралмашевский коридор.

КОСТИНА Н. В. Уралмашевцы.

ИОНИН Д. М. В кузнечно-прессовом цехе.

КИПРИН С. С. Минута отдыха.

ИОНИН Д. М. Мирная весна .

ЕГОРОВ В. Е. Уралмашевцы.

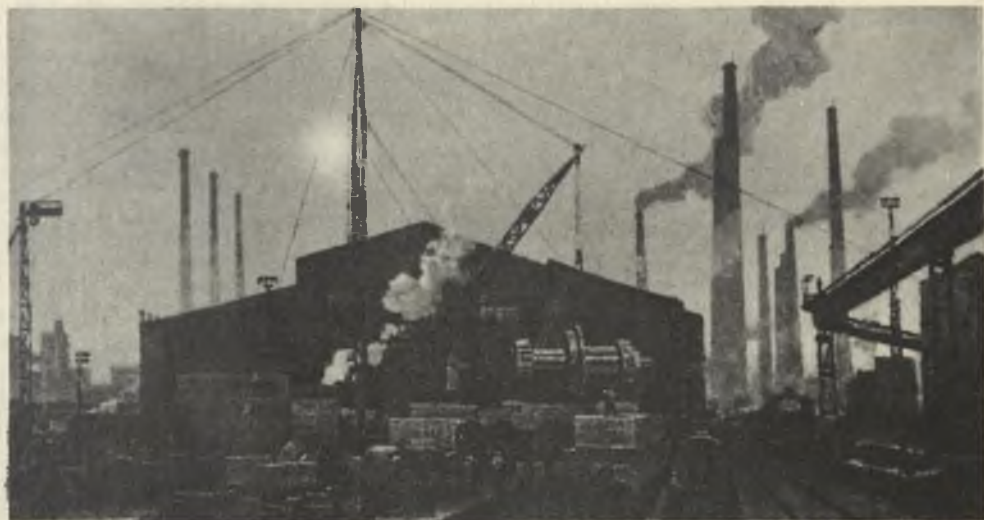
СЕМЁНОВ Б. А. Смена кончилась.

СЕМЁНОВ Б. А. Уралмашевские силуэты.

СИМОНОВ И. И. Литейщики.

БУРАК А. Ф. Продукция Уралмаша.

КИПРИН С. С. Плавка идет.

Вот это «щелк!» — раскисление.

На разных печах, даже для разных сталей на одной печи, раскисление проводится по-разному. В Нижнем Тагиле, например, я видел, как сталевары раскисляют уже выпущенный из мартена жидкий металл прямо в бурлящем ковше, бросая в него слитки алюминия до тех пор, пока струя стали не заполнит ковш до середины.

На кислом уралмашевском мартене раскисление проводят добавкой в сталь ферромарганца или феррохрома еще в процессе плавки. После этого берется химический анализ, и, если все в порядке, — сталь выпускают.

Так было на четвертом мартене до тех пор, пока над этим процессом не задумался Журавлев. Его не устраивало, что приходится по 15—20 минут ждать результатов химанализа, передерживать в печи уже готовую сталь. Это удлиняло общее время плавки, бесцельно сжигало огнеупоры свода и подины. А следовательно, сокращало общий срок работы печи между холодными ремонтами.

Хорошо помнил Журавлев и чисто теоретическое положение: выдержка в мартене уже раскисленной стали неизбежно приводит к вторичному ее окислению. Поэтому почти все теоретики рекомендовали раскислять как можно позже.

Да и химанализ мог потребовать доводки стали по углероду, хрому, марганцу, никелю, но уж никак не по кислороду!.. Однако всю доводку можно сделать и до раскисления...

Журавлев посоветовался со своими подручными, с мастером, объяснил им ход своих мыслей:

— Сами себе не доверяем. Сами от себя перестраховываемся.

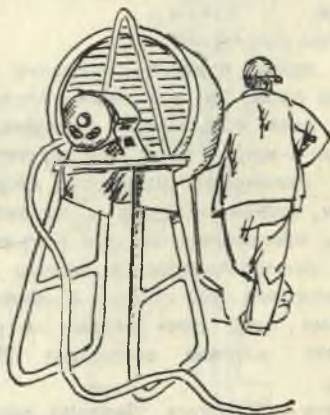
Он дал им время подумать, переварить

сказанное, ибо знал, что нельзя торопить людей с серьезными решениями, — и однажды предложил:

— Ну, что — рискнем!

И бригада Журавлева стала брать анализ ПЕРЕД раскислением. И перед ним же доводилась плавка, если анализ требовал этой доводки. А уж после раскисления, через 20—30 минут, сталь выпускали безо всяких анализов.

Результат пошел длинной цепной реакцией. Металл выходил теперь даже более точным по составу, не перегревался. В металле стало меньше кислорода. И больше стало самого металла, ибо сократилось время плавки. Меньше сгорала подина печи, и это позволило увеличить промежутки между ее подварками с 18—22 плавов до 30—40. Подварка — это трехкратная засыпка на подину инертных материалов, которые, размягчаясь в пламени, заполняют выемки, выгоревшие в огнеупоре. В общем — ремонт подины. На четвертом мартене подварка продолжается 6 часов — примерная продолжительность средней плавки. А раз меньше подварок — опять же больше стали.

Сокращение общего количества подварок, которые производятся в пустой, но горячей, наполненной ревущим огнем печи, между выпуском плавки и новой завалкой, натолкнуло Журавлева еще на одну мысль. Ему показалось, что печь вообще слишком долго готовят к завалке. Обычно она «стоит» два часа. А в пустой печи, в неистовом мазутном пламени, огнеупор сгорает быстрее, чем в полной.

Журавлев стал «наступать» на это «пустое» время, отрывая от него минуту за минутой. Сегодняшний успех становился завтрашней нормой. И вот сегодня печь готовят к завалке уже полтора часа вместо двух. И у этих полутора часов сталевары неумолимо отрывают все новые и новые минутки.

А сталеварская минутка стоит дорого! И становится все дороже. В 1973 году сталевары нашей страны выплавляли за минуту 250 тонн стали. В 1975 году они выплавили за минуту почти 280 тонн.

— В крайнем случае, — говорит Журавлев, — мы теперь уже можем подготовить печь к завалке и за час. Но пока это еще крайний случай. А когда-нибудь станет нормой.

Каковы следствия?

Есть такое понятие — кампания мартеновской печи. Это количество плавов, которые дает печь между холодными ремонтами — когда гасят ее нестерпимое пламя, охлаждают, разбирают сгоревшие участки стенок и свода и заменяют их свежим огнеупором. Так вот раньше кампания четвертого уралмашевского мартена составляла 200 плавов. К концу этой кампании свод печи сгорал. А теперь кампания мартена составляет 320—340 плавов.

Короче — Журавлев бережет печь, как

хороший хозяин. И она щедро отблагодарила за это.

Во-первых, получилась громадная экономия средств, которые тратятся на ремонты, обходящиеся очень дорого. А во-вторых, только за годы девятой пятилетки бригада Журавлева смогла дать 1591 тонну стали сверх плана, бригада его сменщика Валерия Кузеванова — 2304 сверхплановые тонны. А на печи работают еще две бригады. И они кое-что дали. И все это результат творческого подхода к общему режиму печи. Бригады делают одно дело. И не подводят друг друга. Ведь беда на печи — всегда общая беда. А если кто-то добьется успеха — успех этот тоже механически становится общим.

И даже то обстоятельство, что, пользуясь методом Журавлева, его сменщик Кузеванов сумел дать сверхплановой стали больше, чем сам Журавлев, — для меня, например, делает Журавлева ближе, роднее, понятнее. Ибо лучше всяких слов показывает его щедрость, доброту, широту души.

РАССКАЗ ПАРТОРГА

Парторг мартеновского цеха Геннадий Александрович Прокудин, инженер-сталеплавильщик, рассказал о таком интересном эпизоде:

— Многие у нас в цехе считали: Журавлев хорошо работает только потому, что у него громадный опыт. А теоретическими знаниями он не богат. Дипломчика-то нету...

В 1973 году проводилась у нас переквалификация рабочих цеха. Задавать при этом Журавлеву вопросы, входящие в компетенцию сталевара, было бы смешно.

Один из лучших сталеваров Уралмаша!.. И потому спросили его о деле, почти не связанном со сталеварскими обязанностями.

— Расскажите, — попросили, — для чего нужно вакуумирование стали, как оно проводится и от чего зависит содержание водорода в стали.

Должен вам сказать, что водород в стали — не бóльшая радость, чем кислород. Пузырьки его выделяются из разлагающейся влаги и образуют в металле «флокены», то есть мельчайшие пустоты, которые сильно снижают качество металла. Попасть в мартен влага может с шихтой, с металлоломом. Но если, предположим, металлолом замочило дождичком, пока его везли в цех на платформе, — шихтовики просто не имеют права сразу подать его сталевару. А шихту и шлакообразующие — песок, шпат, боксит — вообще прокаливают перед тем как везти к мартену. Всяко берегутся от водорода! Но делают это не сталевары. Это забота шихтового двора, его рабочих и инженеров... Это другая рабочая специальность. Однако Журавлев тогда подробно обо всем этом рассказал и еще отметил особенность наших, уралмашевских печей. У нас пламя мазутное, не газовое. С ним тоже может попасть в печь влага. И от сталевара это не зависит. Есть специальное мазутное хозяйство.

Добиться полного отсутствия водорода в стали пока не удастся. Но уменьшить его содержание почти вдвое позволяет вот это самое вакуумирование. Это переливка стали из обычного ковша в ковш, находящийся в вакууме. Струя стали при этом распыляется и освобождается от растворенных в ней газов. Для роторной стали, например, это процесс обязательный. Ибо незамеченный «флокен» в рото-

ре турбины может разорвать при работе не только саму турбину...

Однако вакуумирование стали опять же проводят не сталевары. Это делается в соседнем, разливочном отделении цеха. Или, как говорят у нас, на канаве. Там, как и на шихтовом дворе, — свои рабочие, свои инженеры. И в обязанности сталевара не входит знание работы разливочного отделения. Тем более такой тонкой работы. Это инженер-металлург должен знать все тонкости производства.

Так вот Журавлев рассказал нашей комиссии о вакуумировании стали на уровне инженера-металлурга. И все по-журавлевски спокойненько, с улыбочкой, без запинок и всякого натужного вспоминания. Он, видимо, давно знал все это и практически и теоретически. Где прочитал, когда увидел, кого расспрашивал — не объяснил. Но знал на самом современном уровне.

Заместитель начальника цеха Виктор Иванович Тараскин просто восхитился тогда обстоятельным, совершенно инженерским ответом Журавлева.

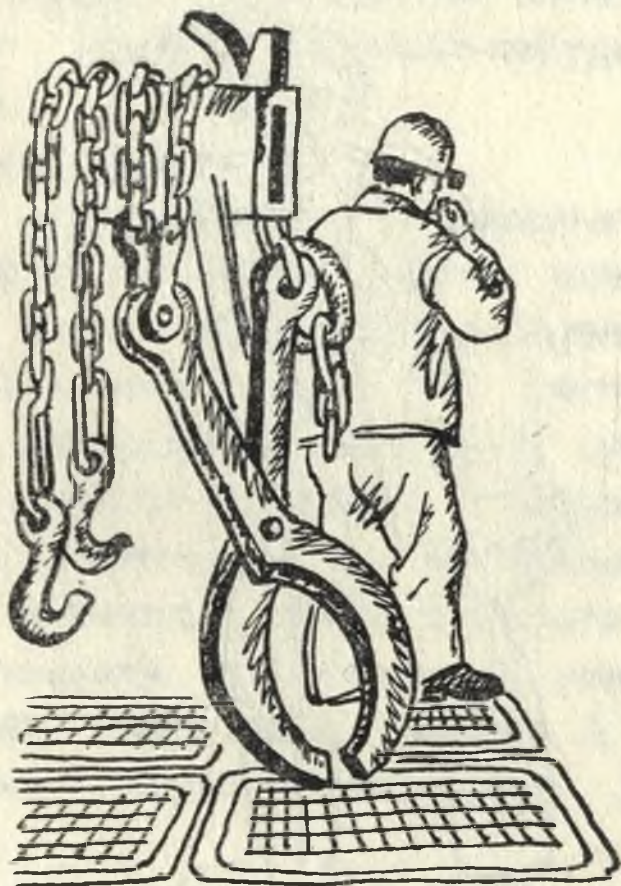

И, знаете, после такого его ответа как-то даже неловко стало заговаривать с ним о необходимости техникумовского диплома. Уровень знаний у Журавлева высок. Но вот демонстрирует он его только при самой крайней необходимости.

НЕТИПИЧНАЯ ТИПИЧНОСТЬ

В мартеновском цехе мне выписали пять рационализаторских предложений, которые внес Ефим Лазаревич за пять лет — с 1967 по 1971-й. Это чисто практические усовершенствования рабочего места и орудий труда, которые позволяют сталеварам работать быстрее и легче. То изменение режима печи, о котором рассказывалось выше и которое позволило получать тысячи сверхплановых тонн стали, нигде не зарегистрировано.

Не осуществлено пока последнее предложение Журавлева, принятое и одобренное еще в 1971 году. О нем стоит сказать особо.

После каждой завалки, в минуты относительной передышки, один из подручных забирается на свод ревущего и пышущего жаром мартена и сжатым воздухом сдувает с него пыль. Пыли много: мартеновский цех — это не аптека. Свод горячий — сквозь любую обувь он жжет подошвы. И дышать там почти нечем.

Однако сдувать со свода пыль — необходимость. Пыль создает лишнюю теплоизоляцию. Из-за нее свод меньше охлаждается окружающим воздухом и раньше разрушается. По существу, сдувание пыли — это тоже борьба за увеличение кампании мартена, это хозяйское, бережливое отношение к печке.

А вот в Волгограде, на «Баррикадах», на свод горячего мартена никто не лазит. Подручный там просто откручивает вентиль, сжатый воздух бьет струями из специально проложенных труб с отверстиями и уносит пыль. Быстро, удобно, легко.

Журавлев заметил это в Волгограде и предложил то же самое сделать на своей печи. Предложение записали, похвалили, одобрили и заказали по нему всю оснастку в одном из цехов. Говорят, она и сейчас где-то там валяется готовая. Но... не доходят руки найти ее и установить. Уже четыре с лишним года «не доходят»...

Спрашиваю Журавлева:

— Были после этого у вас усовершенствования?

Усмехается:

— Конечно!

— И вы их не регистрировали?

Пожимает плечами.

Может быть, это и есть в чистейшем виде то «тихое служение», о котором говорил на вечерней улице знакомый подполковник? Делать свое дело и не ждать, что заметят да похвалят...

Это, кстати, второй из тех фактов, ко-

торые ломали в моем представлении привычный строй очерка. Положительный герой — но не борется за очень нужное, очень полезное рацпредложение. Не требует, не пробивает, не стучит кулаком по столу. Терпеливо, спокойно ждет и занимается своим делом. Ждет, что поймут. Вроде бы не вяжется с типичным обликом положительного героя...

Ну а если Журавлев не типичный? Если он из тех людей, про которых говорил мой знакомый подполковник? Их ведь тоже очень много — этих «нетипичных», на совесть делающих свое дело, а держаться предпочитающих не на виду. По существу, они тоже давно стали типичными. Просто по-другому. Другой тип.

Чтоб разглядеть его да понять, надо остановиться да задуматься. На бегу же разглядишь и не осмыслишь. На бегу можно лишь запнуться случайно о загадочный взгляд такого человека, как запнулся я однажды возле проходных Уралмаша о взгляд сталевара Журавлева.

И — чтоб уж подряд! — третий факт, выбивший меня из привычного очеркового русла. Не выкинешь слова из песни — просить у цехового начальства комнату для молодой семьи ходила беременная уже жена Журавлева — Галина. А он не ходил. Сказал в цехе, что женился, написал заявление — и ждал. И жили они с Галей несколько месяцев по разным общежитиям. Маялись.

Журавлев рассуждал примерно так: «Я все объяснил, написал — чего еще напоминать? Сами должны помнить. Хорошая память для руководителя — свойство обязательное. Нет памяти — не лезь в начальство! Ну а раз комнату все-таки не дают — значит, либо нечего давать, либо я не заслужил. В любом случае напоминать бессмысленно».

Галя, его молодая жена, рассуждала иначе: «Ефим у меня тихий. А тихим — все в последнюю очередь. Понадеяться на него — куда потом денемся с малышом!..»

Многие семьи от такого испытания разлетаются — как ротор турбины, в теле которого затаился коварный «флокен».

Их семья выдержала.

ДЕВЧОНКА ИЗ «МАДРИДА»

Когда выйдет книга, для которой предназначен этот очерк, Журавлевы уже отпразднуют серебряную свадьбу. А поглядишь на них, когда они вдвоем, без детей, ни за что этого не подумаешь. Молодо выглядят!

Все мы ищем любовь на целую жизнь. Даже те, кто на словах ни в какую любовь не верит и повсеместно заменяет ее современным словом «секс». А втайне и он ждет, ищет, надеется на настоящее! Скажем прямо — везет не слишком многим.

Журавлевым повезло!

Их познакомил и подружил Уралмаш. Галя работала токарем в 103-м цехе. Она тоже была из нового, профессионально подготовленного рабочего пополнения. После окончания школы ФЗО в Кировской области ее направили на Уралмаш, и она оставила в маленьком городке Белая Холуница братьев, сестер и родителей. Жила Галя в уралмашевском «Мадриде». Ни на одной вывеске, ни в одном справочнике нет этого названия. Оно существует только в устной речи свердловчан.

Когда-то, теперь уже в легендарные годы гражданской войны в Испании, лучшее уралмашевское здание предназначали под гостиницу, которую решили на-

звать «Мадрид». Но гостиница так и не открылась. В этом здании давно уже женское общежитие. А название, неофициальное и нигде не обозначенное, осталось — «Мадрид»! Как боевой клич. Как символ той неизменной симпатии народов, которую вот уже почти сорок лет не могут задуть ни расстояния, ни надолго поработивший Испанию фашизм.

Девчонка из «Мадрида». Да еще красивая! Да еще умная! Да еще тихая и нежная! Вот уж тут ничего не скажешь — повезло Ефиму Журавлеву! С первого вечера, когда целой группой пошли в кино и села рядом какая-то длинная и шумливая, а чуть подальше — тихая Галочка. Но гляделось именно на нее и хотелось, чтоб именно она была поближе. И вот до сегодняшнего дня — рядом!.. И дело тут не только в том, что все понимающая, преданная и прелестная встретила девчонка, но и в том, что сам он оказался достойным этой девчонки, ее любви, удержал эту любовь и пронес через всю жизнь. Ведь первый сполох любви — это сплошной аванс! Тут все дается под будущее, щедро, без оглядки. А потом нужно отрабатывать этот аванс каждый день и всю жизнь! Каждый день заботиться о том, чтобы любовь не угасла и стала еще сильнее. А не будешь — проживешь аванс и останешься нищим — уйдет любовь. Не твоя — к тебе. И никто виноват не будет, кроме тебя самого.

...Добилась Галя комнаты! Хотя и маленькая, на первом этаже засыпного барака — да жить можно. Потом были другие комнаты — получше, побольше. Но не хватало детских садов, и «выбивать» в них места Ефим Журавлев по-прежнему не умел. А на заводе ситуацию не поняли — не свели воедино интересы разных цехов. И потому навсегда потеряли

хорошего токаря. Десять лет Галина Георгиевна сидела с двумя сыновьями дома. Лишь когда младший стал школьником, пошла она работать администратором в ближнее кафе.

Незадолго до того, как старшему сыну, Юрию, идти в армию, — получили Журавлевы хорошую двухкомнатную квартиру. И впервые зажили просторно. Но вернулся из армии Юрий, поступил на Уралмаш токарем, привел домой жену Таню, медсестру, подарил внука — Алексея. А потом и второй сын, Виктор, отслужил в армии, стал оператором на заводе минеральной ваты и тоже привел жену — Соню, формовщицу Уралмаша, и тоже подарил внуку — Елену.

О семейных радостях и новостях Журавлева — этого сравнительно молодого деда, о прочных связях младшего поколения его семьи с родным заводом — в цехе знали. И догадывались, что уже нет прежнего простора в журавлевской квартире. Но Ефим Лазаревич не ходил, не просил, не добивался.

И все-таки в конечном итоге счастье зависит не столько от домашнего простора, сколько от той жизни, которую даже в тесноте умеет организовать бывшая девчонка из «Мадрида», а ныне совсем молодая, привлекательная, энергичная бабушка. Впрочем, сейчас Виктор и Соня получили от завода комнату.

ТОВАРИЩИ
«ПО ДУШЕ»

О каждом члене журавлевской бригады можно написать отдельный очерк.

Если Ефим Журавлев работает на Уралмаше уже 29 лет, то его первый подручный, Михаил Петрович Новиков, тридцать один год. Еще за несколько месяцев до

того, как отец отпустил Ефима Журавлева в Кушвинское училище, 16-летний Миша Новиков прибыл на Уралмаш по трудовой мобилизации из отбитых у врага, разоренных западных районов Орловской области. Уезжал — дома слезами умывались: увозят мальчишку черт-те куда... А приехал — накормили, одели, устроили и приспособили к работе, о которой мог только мечтать парнишка, переживший оккупацию, страх, голод и холод. Его быстро выучили на сварщика, и он старательно варил корпуса уралмашевских танков и самоходок. Спешил — война явно шла к концу, а он хотел, чтоб ЕГО танки успели на фронт, чтоб успели отомстить фашистам, еще недавно зверствовавшим в его деревне.

Потом, уже в пятидесятых годах, Новиков попросился на мартен. Во многих бригадах побывал, а журавлевская больше всех пришлась. Потому что работаешь спокойно, без нервотрепки и знаешь на работе одну только работу. И в бригадир своего веришь почти так же, как покойная бабка верила в бога: все услышит да поймет, не продаст и не выдаст... Это удача — попасть в такую бригаду!

«Серебряную» свою свадьбу Михаил Петрович отпразднует чуть пораньше Журавлева — месяца на два. Жена его — Антонина Ильинична — стерженщица в уралмашевском литейном. И здесь же, на Уралмаше, крановщицами в разных цехах две дочери — Валя да Галя. Рабочая династия! Одна из 1700 уралмашевских династий. И не подумаешь, что начиналась она со слез, что по основателю этой династии, белобрысому, веснушчатому, растерянному орловскому парнишке, увозимому на Урал, голосили когда-то, как по покойнику...

Второй подручный Журавлева — Алексей

Шишканов — появился возле уралмашевских мартенов после службы на Тихоокеанском флоте. И долго ходил по рабочей площадке вразвалку — как по палубе корабля. Порой и сейчас еще забудется да так пройдет... Понимание у Алексея Шишканова с бригадиром всегда было полным. Было, потому что совсем недавно, когда эта книга уже готовилась к изданию, Алексея перевели первым подручным в бригаду Валерия Кузеванова.

Да, жизнь не стоит на месте. Вот и третий подручный Журавлева Василий Елькин перешел в первые подручные на соседнюю печь. Елькин — совсем еще худенький, светловолосый парнишка. На первый взгляд — типичный десятиклассник. Но десятый класс у него — далеко позади! Он успел уже отслужить свой срок старшим матросом на сторожевом корабле Северного флота, успел окончить машиностроительный техникум и успел жениться на уралмашевской крановщице Тане. Он многое успел за свои немногие годы. И еще большее намерен успеть. Он, правда, не уверен, что задержится у мартенов на всю жизнь.

Но в том, что горячая мартеновская заковка в жизни пригодится и очень многое в ней определит, Василий Елькин не сомневается.

Журавлев погрустил, почесал затылок, сказал Новикову:

— Пошли парни на повышение. Ты-то, Миша, хоть со мной останешься?

— Останусь! — успокоил Михаил Петрович.

Ждали двух новых подручных. Но пришел пока один — Анатолий Здерев.

— Когда ждать второго? — поинтересовался Журавлев у начальства.

— Не скоро, — ответили ему. — Людей не хватает. Поработайте пока так...

Ну, что ж — работают так. Реже и короче перекуривают. Стали дают не меньше.

В 1975 году неожиданно заболел мастер Бармасов, без которого журавлевскую бригаду, кажется, и представить невозможно. Сроднились. Как говорится, пришли друг другу. И характерами, и отношением к работе, и умением делать ее спокойно, на совесть, без суеты и нервозности.

Альберта Петровича даже к операции не успели подготовить — положили на стол с сильнейшим внутренним кровотечением. Целый месяц после этого он лежал в реанимации. Кровотечение долго не удавалось остановить, и в больного вливали столько же крови, сколько вытекало. Тридцать мартеновцев ходили в больницу сдавать свою кровь для Бармасова. В день по человеку. Спасли!

Сейчас Альберт Петрович Бармасов снова на четвертой печи.

Уральский политехнический окончил он в 1955 году. И попал в отдел главного металлурга Уралмаша. Конструировал оснастку изложниц. А хотелось лить в эти изложницы жидкую сталь. Хотелось живого дела. Не раз Бармасов высказывался в таком духе и просился в цех. Но его упорно не слышали.

Только через директора удалось ему пробиться в цех, на канаву.

Мартеновцы пригляделись к спокойному, рассудительному, высокому и светловолосому мастеру, перевели его на основные печи, затем — на кислую. Он попал сюда почти одновременно с Журавлевым. И быстро они почувствовали друг друга, поняли и как бы притерлись — мастер, сталевар и мартен. Их характеры совпадали.

Есть и еще один формально не член бригады Журавлева, а фактически — член.

Крановщик завалочной машины Петр Семенович Пузаков.

Петр Пузаков стал крановщиком мартеновского цеха в 1942 году в Нижних Сергах. И было ему тогда 16 лет. Он даже не успел как следует обучиться, а его уже заставили самостоятельно возить по канаве, над людскими головами, громадный ковш с расплавленной сталью. Больше некому было — те, кто постарше, ушли на фронт. Пузаков боялся, у него прыгало и замирало от страха сердце, в невыносимом чаду и жаре холодели и синели от напряжения пальцы, одно неточное движение которых могло бы остановить цех и погубить десятки душ. Однако ковш Пузаков возил.

А потом привык. И пальцы уже не холодели, и сердце не прыгало. Понял — может! Не хуже других...

После войны Петр Пузаков женился на своей землячке Анне, а она уже работала в Свердловске, домой только погостить приезжала, и увезла она молодого мужа с собой.

Начальник уралмашевского мартеновского цеха принял Петра Пузакова очень охотно.

— Нижнесергинские умеют работать, — сказал он.

И повез Петр Пузаков ковши с расплавленной сталью уже над уралмашевской канавой. Тридцать четыре года мартеновской работы у него за плечами. А поглядишь, в каком бешеном темпе крутится его машина — подумаешь: молодой крутит! Да еще с лихим характером. Но ведь и то сказать — стремительный темп работы Пузакова во многом обеспечивает нормальный, спокойный режим труда всей журавлевской бригады.

А возле Журавлева — всегда спокойно. — Шесть лет я знаю Журавлева, — го-

ворит парторг цеха Геннадий Прокудин. — И за все шесть лет ни разу не видел его злым. Понимаете — ни разу!

Эта бригада дружно работает и дружно живет. Конечно, у ревущего мартена не просто поговорить по душам. Здесь чаще всего объясняются жестами, свистом, ударом лома по рельсу. Рев мазутного пламени, бешеный темп завалки шихты и выпуска стали не предрасполагают к неторопливой беседе. Но они же и отсеивают все лишнее, мелкое, несущественное и учат понимать все главное.

Однако и неторопливые беседы случаются. И во время холодного ремонта можно поговорить, даже если помогаешь ремонтникам. И под душем после смены. И на рыбалках, до коих не только Журавлев охоч, но и Новиков с Пузаковым. Нередко вместе ездят...

Когда работают так удачливо, творчески и несуетливо, как работает Журавлев, работа — радость. Даже если она и тяжелая. Ведь вот вроде и не рвался к сталеварскому верху — сама работа вынесла. На одной из самых тонких в стране печей плавит самые сложные марки стали — с выдумкой, весело, ненатужно. И тихо.

Так, может, от работы затаенное счастье в его взгляде? В работе-то Ефим Журавлев явно счастлив. Стоит даже просто поглядеть, как спокойно, свободно, по-домашнему, будто в тапочках, двигается он возле своего ревущего мартена — все станет ясно. С работой...

Но, может, и не только от работы? Ведь стоит поглядеть на них с женой, — когда они рядом, да еще дома, — и тоже все станет ясно. Они, конечно, об этом не скажут. Счастливые люди обычно не

говорят о своем счастье. Но это можно увидеть и понять.

И стоит еще поглядеть на сталевара Журавлева среди его товарищей, когда закончена трудная завалка, отъехала в сторону и затихла завалочная машина, соскочил с нее Петр Семенович Пузаков, вздохнул, снял каску, когда уже убрана, чисто подметена площадка перед печью и выдался небольшой перерывчик до подготовки к выпуску плавки... И вот улыбнется Журавлев, вытрет пот со лба и щек, и вспыхнет ненадолго разговор — веселый, с шутками, подковырками и порой непонятными для постороннего намеками. И чувствуешь, что здесь с полуслова, с полужеста, чуть ли не с полувзгляда понимают друг друга, полностью доверяют друг другу, спокойно опираются друг на друга.

А чего еще и надо от товарищей!

В общем, поглядишь со стороны — вроде бы кругом повезло. А задумаешься — и поймешь, что все это везенье — от неустанного, многолетнего, творческого и кристально честного труда, от доброты, широты и чистоты душевной, от настоящего, глубокого понимания людей, от максимальной отдачи им и полного, самого искреннего нежелания хоть как-то над ними возвыситься. И, может, еще от редкостного умения ждать, пока люди все поймут сами. Не торопить их с решениями, не подгонять, не требовать, чтоб все и всё понимали так же быстро, как ты сам. Не давить на людей — они ведь не виноваты, что по-разному думают и понимают... Терпеливо и спокойно ждать.

Может быть, в этом и таится главная загадка журавлевского взгляда?

Не ищи здесь готового ответа, читатель! Я его и сам еще не знаю.

Лев Сорокин

СТИХИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ХРАМЦОВЕ

Автограф

Огни Кремлевские сверкали,
Смешались Дон,
Сибирь,
Урал.

И космонавт
В гудящем зале
Свои автографы давал.

Как будто звездных трасс кусочек
На память каждый брал с собой.
И тут раскрыл блокнот рабочий,
Сверкнув Звездой Золотой.

— Автограф звездного пилота
Иметь хотел бы Уралмаш...
Стер космонавт росинку пота:
— И мне автограф нужен ваш.

— Зачем автограф не поэта,
Не чемпиона, не певца!..
— Дают движение ракетам
Рабочих руки и сердца.
Весь мир — от спутников до
пашен —

Хранит рабочих рук тепло.
А тут автограф с Уралмаша,
Да мне же просто повезло!..

Они стояли, словно братья,
Наговориться не могли,
И было их рукопожатье
Слияньем Неба и Земли.

Огни Кремлевские сверкали.
Век взял космический разбег.
Автографы в гудящем зале
Давал рабочий человек.

Цех

Снег износился до асфальта,
К весне спешит
Людской поток,
Хотя пурга тройное сальто
С утра крутила вдоль дорог.

И снова цех. Родные лица,
Тебя увидеть
Каждый рад:
«Ну как работалось в столице»,
«Про съезд расскажешь, делегат!»

Но в цехе,
С юных лет знакомом,
Стоять труднее у станка,
Когда ты член бюро обкома
И член партийного ЦК.

Нельзя и в малом ошибиться,
Когда скрестились взгляды всех, —
Глядит Урал,
Глядит столица,
И смотрит пристальнее цех.

Тот цех, куда пришел подростком,
Умелым, но учеником.
Тот цех, что видел,
Как непросто
Сродниться парню со станком.

Но было цеху сил не жалко,
Чтоб парня слушался металл, —
Он сердцу юному закалку
Свою,
Рабочую
Давал.

Вы этот цех не покидали
Порой неделями в войну,
Не просто танки создавали,
А ту, Победную весну.

И следом блюминг, экскаватор —
Растут в работе мастера,
И цех увидел: в депутаты
Храмцова выдвинуть пора.

Труд все распахивает двери,
Вся жизнь трудом озарена.
И только тем,
Кто цеху верен,
Вся доверяется страна.

Нет выше чести год за годом
Здесь, в цехе,
Представлять ЦК,
А там, в ЦК, —
Завод заводов,
Его гремящие цеха.

Как хорошо
В кипенье века
Принять у сменщика станок
И вдруг увидеть:
Из-под снега
Пробился робкий ручеек.

И пусть еще сереют ветки
Среди подтаявших снегов —
Весну десятой пятилетки
Мы слышим в рокоте станков.

Март 1976

УРАЛМАШЕВСКИЕ ЗОРИ

Стихотворный репортаж

*Посвящается всем, чей труд
вложен в десятиmillionную тонну
уралмашевской стали,
выплавленную 27 декабря 1975 года*

В мартеновском цехе

Небо залито облачной пеной,
Декабрем приморожен Урал,

Но кипящие зори в мартенах
Превращаются в жаркий металл.

Не небесные зори —
Земные,
И дано их увидеть не всем,
В них рождаются буквы стальные,
Незакатные — УЗТМ!

Вижу в зорях — прокатные станы,
Экскаватор шагающий наш,
Вижу все, что в далекие страны
Эшелонами шлет Уралмаш.
Вижу в зорях —
рабочие лица.

Вот стоит человек у станка,
А неделю спустя он в столице
Заседает в партийном ЦК.
Эти зори в мартенах —
Начало
Уралмашевских судеб и дел.
На рабочее пламя Урала
Я бы век неотрывно глядел.

Но сейчас у мартенов знакомых
Незнакомо торжественный вид.
В группе членов парткома, завкома
Генеральный директор стоит,

И стоят ветераны седые
В ярко-праздничном блеске наград,
И у них две Звезды Золотые,
Словно искорки стали,
Горят.

И фотограф застыл напряженно,
И мартен красноглазо глядит:
Десяти-

миллионная

тонна

Уралмашевской стали
Бурлит.
Десяти-

Не зря в Череповец его послали
На плавку Дружбы
Представлять Урал,
И он работал там, как на Урале,
Когда сверх плана плавку выдавал.

Не зря пошел в отставшую бригаду,
Теперь она —
Уже в передовых,
А встретили...
Он помнит эти взгляды
Неверящих подручных молодых.

Поверили! —
На совесть он работал,
Мол, грош цена, коль не умеешь
сам,
Хотя стекали капельками пота
Тяжелые минуты по щекам.
О сроках плавки — узнает по жару,
Металл определяет он на глаз, —
Зовется
Бородатым сталеваром,
Хоть бороды не носит и сейчас.

Сдана
Бригаде Журавлева
Смена,
Но долго не уходит сталевар.
Теперь я знаю:
К пламени мартена
Еще сердечный
Добавляют
Жар!

*Почетный уралмашевец
сталевар Ефим Лазаревич
Журавлев*

Искры — огненной порошею!
В гуле цеха — не слышу слов,
Только вижу, как по-хорошему
Улыбается Журавлев.

Без рекордов да и с рекордами
Сколько выдано этих тонн!
И гудит его печь четвертая,
Печь, с которой сроднился он.

Ковш к печи уже приближается,
Ковш

к разливу стали

готов.

И бригада вся улыбается
По-хорошему,
Как Журавлев.

Что задумано —
Все сбывается,
Блещут сталью
Слитки годов.
Зорям огненным улыбается
Сталевар
Ефим
Журавлев.

*Бригадир подготовителей
сталеразливочных канав
Александр Федорович Гильдин*

Где-то далеко от Уралмаша,
Полноводно веснами журча,
Протекает меж лугов и пашен
Речка неприметная —
Сюлча.
Помнится,
Под крыльями заката
Старшие рассказывали,
Как
Важный барин проиграл когда-то
Дюжину охотничьих собак.

Но они породы были редкой,
Барин плакал в псарне: «Не хочу!..»
Вместо псов он
Гильдинского предка
Отослал с семьей на Сюлчу.

Только годы грозами прольются,
Все припомнит гневное село...
Вихрями Октябрьской революции
За границу
Всяких бар
Смело,
Чтобы жизни гильдинской начало
Не заглохло в зелени лугов,
Чтоб босое детство повстречало
Грохот самых первых тракторов.

Только если в прошлое взглядеться,
Опалит вас заново войной,
Вырвала война его из детства,
Повела его за бороной.

Ну а позже — кушвинские стужи —
Коченеют руки на ветру!
И ремень, затянутый потуже,
С буквами сияющими «РУ».

Он навек друзей запомнил старших,
Что ему открыли мастерство,
И давным-давно
На Уралмаше
Сделали канавщиком его.

Не прожить мартену без канавы.
Сталь сливать
Прикажете куда?
Полыхает в сталеварской славе
Слава и канавщиков
Всегда.

Все готовь —
Изложницы,
Поддоны,
Слитки в них кузнечные зальют.
Фейерверк от юбилейной тонны —
Это и канавщикам салют.

А потоки стали
Льются,

Льются,
Вот они сгустились, погляди! —
В ордене Октябрьской Революции
Светятся на гильдинской груди.

*Комсомольский секретарь
Александр Харин*

Бурлит заря,
Кипит заря,
Гудит заря
В мартенах.
Комсорга Харина не зря
Любая знает смена.

Его рабочие года —
Все десять —
С Уралмашем.

Его привел отец сюда:
— Вот счастье наше,
Саша.

А счастье все-таки видней,
Когда пройдешь сквозь беды,
Сквозь пепел выгоревших дней
До праздника Победы!

Не раз отец
Вставал в огне,
В атаки шел бесстрашен.
Он стал партийцем — на войне,
А сын —
На Уралмаше.

Кто поручился?
Комсомол.
А с ним — известный строгаль.
Но из мехцеха сын ушел,
Свою нашел дорогу.

Отец промолвил: «Не виню...»
Бушует пламя яро.

Встал Александр лицом к огню
Подручным сталевара.

Повелевать огнем дано
Уменью и отваге.
Огонь приносит беды,
Но
Огонь приносит
Благо!

Горит заря в разгаре дня,
Бежит потоком стали,
Комсоргом
Мастера огня
Его не зря избрали.

Минуты плавки горячи.
Гудит мартен знакомо.
Он здесь со всеми у печи,
Но мыслью — у роддома.

На пряди огненных седин
Глядит светло и зорко.
В день юбилейной плавки сын
Родился у комсорга!

Бей в честь всего,
Что свято нам,
Стальной салют искристо, —
Здесь миллионы тонн,
А там —
Три килограмма триста...

Живой спеленатый комок
Мир оглашает криком,
Чтоб распахнул он сто дорог
К свершениям великим.

Уже мальчишку своего
Комсорг назвал
Максимом...
И будет день:
Придут к Серго

Максим
С отцом любимым.

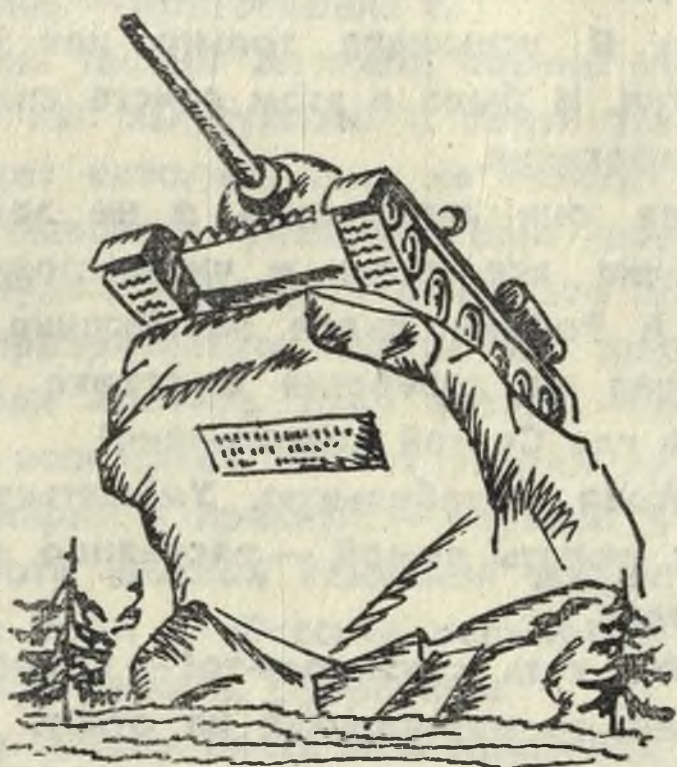
Отец не скажет о любви
К громаде Уралмаша,
А скажет:
— Пропуск предъяви
Для входа
В счастье наше!

*Участникам плавки —
бригадам сталеваров
Ф. Д. Зерзева, В. П. Балтина,
А. М. Серебрякова, ковшевым
бригады Н. П. Серова,
шихтовщикам бригады
Г. С. Гулецкого
и другим*

Любой из участников плавки достоин
Статьи,
И стихов,
И поэм.
И в буднях рождаются тоже герои
На нашем УЗТМ!
Но только не путайте с будничным будни,
Они напряженья полны,
И радость, как сталь,
Выплавляется трудно,
Но радость нужна для страны.
Она озаряет рабочие лица,
Ты с радостью, Время, не спорь!
И в зорях, что ярко горят над столицей,
Есть свет уралмашевских зорь.

Евгения Долинова

РАБОЧИЕ ЛЮДИ

Иду через проходную Уралмаша с пропуском в руках. Внешне как будто мало что изменилось. Там, подходя к заводу, я пересекла площадь, и здесь, на заводской территории, тоже что-то вроде площади. Там шла бойкая торговля с лотков фруктами, яйцами, пирогами, курицами, и здесь женщины в белых халатах продают тот же товар: удобно после работы купить все необходимое — и домой. Там в разные стороны тянулись улицы с высокими домами — и здесь передо мной будто проспекты с огромными зданиями, с грузовыми и легковыми машинами...

Все очень похоже, но, перешагнув порог проходной, я чувствую перемену в настроении, в восприятии окружающего. Охватывает удивительное ощущение надежности, незыблемости, прочности.

На постаменте передо мной знаменитая самоходка, а вокруг нее высокие, чуть не в человеческий рост, алые джунгли сальвий. Никто не проходит мимо, не взглянув на этот удивительный ансамбль — оружие и цветы. Пожилой рабочий, не останавливаясь, не сгибаясь, протянул руку и коснулся пальцами алых вершинок. Цветы чуть шелохнулись, — тесным, плотным, дружным был их строй.

— Кто вырастил их такими? — спрашиваю рабочего.

Ответил охотно:

— Есть у нас на заводе специальный цех, — растит цветы, ухаживает за ними. Ну и мы, конечно, бережем. — И закончил убежденно: — В городе таких цветов ни в одном газоне не увидите.

— Вы давно на заводе?

— О-о-о, — улыбнулся. — Я строил его.

Попрощался и пошел вдоль железнодорожной линии. А я направилась в двадцать девятый цех.

...Лучи солнца бьют в потолочные стекла, от этого светло и празднично в цехе. Плывущие вверх краны кажутся ярко-оранжевыми, радужно сверкает в ящиках возле станков медно-золотая, сизая, синяя стружка.

Инстинктивно пригибаю голову. Кран тащит тяжелую болванку. А совсем близко пересекает мне дорогу здоровенный знак вопроса, подвешенный вниз головой. Такой же крюк — «вопросительный знак» — лежит неподалеку уже на полу.

Да, наверняка у меня здесь будет тьма всяких неясностей и вопросов.

Расточник Козлов стоит на ступенях металлической лестницы и что-то рассматривает вверху станочной колонны. Честно говоря, я представляла его, кадрового рабочего, не таким. Уж больно въелось навязчивое — обязательно большие руки, перепачканные в мазуте, крупное лицо, может быть, даже с въевшейся черной копотью. А Козлов вполне походит и на учителя, и на врача — только темный халат надо сменить на белый, — а больше всего, пожалуй, на скульптора-монументалиста в мастерской. Черный берет. Очки в тонкой оправе. Вот он осматривает свое произведение — громаду расточного станка с высокой колонной и деталь, установленную на нем. Взгляд сосредоточен. И явно не нравится что-то художнику в этой скульптурной группе...

Наверно, я пришла не вовремя: Козлов озабочен. Спустившись, подошел к шкафику, вытянул из ветоши белую тряпку, вытер свои (небольшие, между прочим) руки. Мне кивнул.

— Сергей Анатольевич, может быть, мы побеседуем с вами не сейчас? И не здесь? Тут очень шумно.

Он ответил без особого энтузиазма:

— Хорошо. Приходите ко мне часов в шесть.

Сообщил адрес и отошел. А я стала ждать Рафаила Акманаева — сменщика Сергея Анатольевича и его бывшего ученика.

Рассматриваю деталь, укрепленную на станке. Большая, массивная. Много круглых отверстий. На столе изрядно потрепанный чертеж. Читаю: «Деталь установки для непрерывной разливки стали».

Рафаил вышел откуда-то сбоку. Не очень высокий, в желтой клетчатой рубашке. Длинные пышные волосы челкой упали на лоб, спустились на уши. Ладонь левой руки паренек положил на правое плечо и чуть морщился, видимо, от боли. Увидев меня, хотел подойти, но тут появился Сергей Анатольевич и отозвал его к станку, возле которого, облокотившись, стоял молоденький подручный и увлеченно читал «Крокодил». Он рассеянно, не отрывая глаз от страницы, посторонился, пропуская Козлова и Акманаева к лестнице.

Я приблизилась, чтобы послушать, о чем пойдет разговор, но Сергей Анатольевич говорил явно лишь для него, своего сменщика. И что-то показывал ему на детали. Я услышала только, как Рафаил свистнул. И было в этом свисте сплошное разочарование.

Когда они простились, я не заметила. У станка все стоял и читал подручный Витя. А Рафаил сидел на лесенке и поглядывал на отверстия в стенке детали.

— А где Сергей Анатольевич?

— Ушел в табельную. Умываться, одеваться, топать домой, — рассеянно ответил Акманаев.

— Что хоть случилось-то? — спросила я, не очень-то рассчитывая на ответ.

— В прошлую смену я напортачил, —

сосредоточенно думая о своем, сказал Рафаил. Помолчал. — Можно, конечно, спустить это дело на тормозах... Подмазать, подчистить... и тэ дэ и тэ пэ, — размышлял он вслух. — «И никто не узнает, где могилка моя», — вдруг пропел тихонько. — Но это, конечно, шуточка.

И неожиданно ушел. И очень быстро вернулся. А с ним еще трое. Стали совещаться. В цехе шумно, разобрать что-либо было невозможно.

Я посмотрела на Акманаева. Он стоял внизу, одна рука на плече, большой палец другой прикусил зубами, как мальчишка, и ждал, что решит начальство. Отложив журнал, обеспокоенно смотрел вверх и Витя-подручный.

Я поняла одно: оказалось возможным исправить допущенную оплошность, для этого решено обратиться за помощью в другой цех.

— Пронесло... — выдохнул Рафаил, когда мастера и технолог скрылись за соседними станками. И улыбнулся. Улыбка у него неожиданная, «из ничего». Раз — и все тридцать два зуба на виду, будто зубной врач попросил его показать их.

— Теперь понятно, почему Сергей Анатольевич, можно сказать, «отшивал» меня от станка, — проговорила я.

Парень так же шутливо, весело ответил:

— А как вы думали? С какой же стати он будет наводить тень на своего любимого бывшего ученика? Еще напишете что-нибудь... И потом — разве это брак? — чуть презрительно кивнул на деталь. — Вот года полтора тому назад... — прищурился, вспоминая, но тут увидел идущего мимо парня и крикнул: — Слушай! У меня в субботу юбилей семейной жизни. Приходи к семи в «Русские пельмени»!

Махнул рукой и сморщился.

— Ту смену почти всю пришлось рабо-

тать так, — отвесно поднял руку. — Болит...

— А я думала, ты еще совсем мальчишка.

— Пф-ф! — откинул голову. — Двадцать три стукнуло. — Отмерил ладонями пространство на чертежном столе, по-рыбацки то увеличивая, то уменьшая его. — Юлька уже вот такая! Женщина!

Мне пора было идти к Козлову. Рафик немного проводил меня по цеху. А цех гудел, шумел разноголосом. Вдруг в этот гул ворвался неожиданный тревожный звук. Рафик приостановился. Прислушавшись, сказал:

— Нарушил.

— Кто?

— Расточник.

Через минуту звук исчез.

— Исправил, — удовлетворенно кивнул Рафаил и пошел к своему станку. Но я остановила его:

— Оглянись-ка.

Над всем этим гулом, высоко на мостике станка, упершись локтями в колени, ладонями в щеки, сидел Витя и читал теперь уже какую-то толстую книгу.

Рафик рассмеялся:

— Мой подручный Витек очень уважает литературу!

У Сергея Анатольевича Козлова — просторная трехкомнатная квартира. Высокие потолки, много света. И очень много книг — даже в коридоре. Из столовой просматривался кабинет — полированный письменный стол, кресло, книжный шкаф. На столе — раскрытый журнал.

— Здесь у нас сын, Саша.

«А здесь кто?» — подумала, но не спросила я.

В столовой, у дверей в кабинет Саши, на самом видном месте, по соседству с сервантом и другими красивыми вещами,

стояла узенькая кровать, заправленная светлым покрывалом, белоснежной оборчатой накидушкой, широким кружевным, таким «древним» сейчас, подзором. Она не притулилась робко, не стеснялась своей неприхотливой красоты, не боялась «испортить» современный вид квартиры. Стояла уютно и доверчиво.

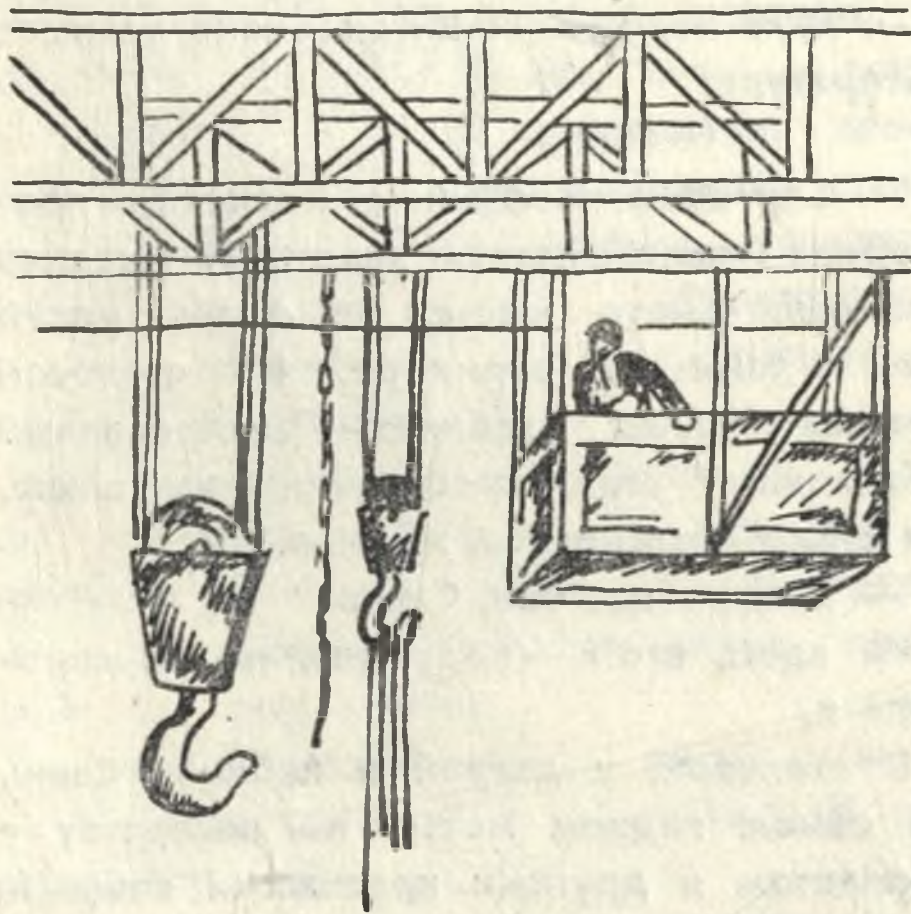
Ничего еще не зная о людях, которые тут живут, я подумала: «Пять — ноль в твою пользу, Саша. И в вашу, конечно, Сергей Анатольевич».

Мы уже довольно долго сидели за столом. Но настоящего разговора не получалось.

— Рафику-то брак не записали, — вспомнила я. — Сказали, можно исправить.

— Да! — сразу оживился он.

Ожила и наша беседа — о своем бывшем ученике Козлов рассказывал куда охотнее, чем о себе. Я узнала, как отец Рафика, строгальщик из их же цеха, привел к опытному расточнику своего сына, окончившего десятилетку, и попросил — учи, Сергей Анатольевич. Парень оказался

старательным, смышленным. И общительным.

— Недолюбливаю молчунов. Как-то не поймешь у них, о чем думают, что любят, чего хотят от жизни. А у этого — все на лице написано. И язык хорошо подвешен, не соскучишься с ним.

— Давно он стал вашим сменщиком?

— Да с весны уж. Между прочим, мог бы на полгода раньше начать работать самостоятельно, если бы не одна оказия...

Козлов уехал тогда в отпуск. Рафаил остался за него. На станке была укреплена вилка к большой машине. Она уже стоила заводу 11 тысяч рублей. И вот «запорол» ее Рафик, снял металла на одну десятую миллиметра больше. А размеры жесткие. Это уже брак. И серьезный...

— Начальником участка был у нас тогда Ногин Федор Ильич, — рассказывал Сергей Анатольевич. — Он и попридержал Рафика в подручных: «Вот сплавим этот твой памятник, тогда и подумаем, что делать с тобой».

В конце концов нашли выход. Увезли вилку в другой цех, на хромирование, долго возились с ней. Но сделали. Сдали. И вскоре Рафаила перевели из подручных в расточники. Стал сменщиком Козлова.

— С тех пор, — продолжал Сергей Анатольевич, — он четыре такие дорогостоящие вилки благополучно обработал. Не рассказывал про тот случай с «памятником»?

— Намекал, — вспомнила я.

— Он все о себе выложит, не утаит, — произнес Козлов и неожиданно попросил: — Вы не можете достать ему билеты на «Песняров»? Любит их до ужаса, а билеты уже проданы.

— Обязательно достану, — пообещала я

и поинтересовалась: — А как живет Рафаил? Где, с кем?

— Тесно живет. У тещи. После армии вскоре женился, дочка Юля родилась. Все хлопочет парень — то ему в молочную кухню надо, то туда, то сюда... Не учится вот, — покачал головой. — А жалко. Учеба давалась бы ему.

В комнату вошла высокая старая женщина. Крупные черты лица, волосы собраны на затылке в аккуратную прическу. Большие темные глаза. Сергей Анатольевич быстро поднялся и придвинул к столу еще один стул.

— Управилась на кухне — дай, думаю, послушаю, о чем вы тут беседуете, — под села она к нам.

— Мама моя, Ольга Афанасьевна, — представил Сергей Анатольевич. — Трех сыновей одна подняла.

— И слава богу, ни одного дурака не вырастила, — улыбнулась мать. — И внук вон в Москву уехал... на этот... Опять уж забыла. — Сунула руку в карман фартука, достала бумажку, прочитала: — Сим-пози-ум, — и рассмеялась. — Никак не упомя. Саша уж написал мне, чтобы не коверкала.

— Сыновей, конечно, не смогла до этого. Прямо посмотрела на меня, вздохнула: доучить. Трудное время было...

И перенеслись мы из комнаты на просторную деревенскую улицу, и оваяло нас полынным ароматом, дымком из труб, запахом влажного, до белизны выскобленного и вымытого деревянного пола.

— Вышла я к своему жениху босая, коса через плечо. И согласилась стать его женой, перейти к нему в избу, на ту сторону улицы. Был он у меня народным учителем. Только-только начал работать в школе. Мало пожили. Третьего уже без

него родила — ушел муж на гражданскую и не вернулся.

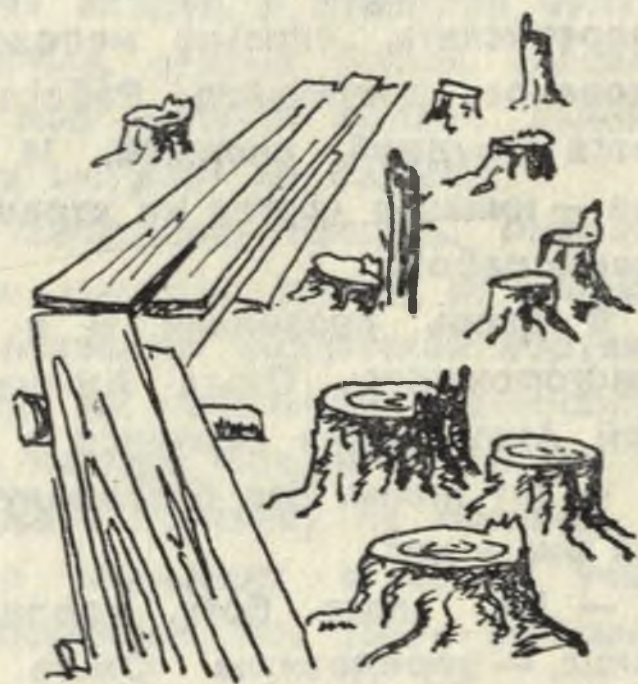
Лился и лился рассказ о жизни... Росли сыновья, учились. Из Березовского переехали в Свердловск, поселились в домике в Пионерском поселке.

Сергей Анатольевич вставал, уходил куда-то, приносил по просьбе матери старые фотографии, потом по ее настоянию принес небольшую коробочку.

— Сорок лет на одном заводе, в одном цехе, — бережно перебирала мать награды сына. — Вот они — значки, медали... Ведь еще пенечки в цеху-то были, когда Сережа мальчишкой пришел туда из училища. За три месяца на расточника выучился!

Мы сидели, разговаривали и все что-то подсчитывали. Сергей Анатольевич, например, высчитал — нынешний начальник цеха — восемнадцатый на его «рабочем веку».

— А оборудование за мою бытность трижды сменилось. Только строгальные станки да фрезерный довоенные остались. Кранов добавилось. Тогда они были итальянские, а сейчас свои, уралмашевские.

Пока мы с Ольгой Афанасьевной считали, сколько хороших артистов «забрали» из Свердловска в другие города (она осуждающе относится к этому факту), Сергей Анатольевич сделал на листке бумаги еще один несколько странный подсчет:

— Восемнадцать месяцев ночных смен осталось мне работать на заводе...

Мать сразу поняла сына.

— Ох, трудны они, эти ночные смены. Хоть для молодых, хоть для старых.

— Вам будет грустно уходить?

— Конечно, — кивнул Сергей Анатольевич. — Ну, да еще не так скоро. Это же я только ночным сменам итог подвел, — улыбнулся он.

Стали считать его учеников — сбились. Некоторых уже на заводе нет. Один, например, конструктором стал... Другой в научно-исследовательском институте в Тольятти работает...

— А я вот был расточником, им и остался, — констатировал Козлов. — Не надолго уходил в мастера, был технологом и обратно — на станок. И не жалею нисколько.

— А не трудно вот так... Сорок лет! На одном станке? — спросила я. — Все одно и то же, одно и то же...

— Наоборот, все разное и разное. Не перечислить, сколько непохожих деталей довелось растачивать. Работа наша считается трудной, сложной. И если освоил ее — никакая другая не страшна. Я люблю свою работу.

В дверь позвонили, и я увидела, как насторожилась Ольга Афанасьевна. Сергей Анатольевич вернулся с телеграммой.

— От жены. Все благополучно. В отпуске она у нас.

— Ну, слава богу, хорошо добралась Зина, — передохнула Ольга Афанасьевна

и, улыбнувшись, призналась: — Боюсь всяких звонков да стуков...

Рассказала. Давно это было, ребята еще в школу бегали. Прибралась она как-то в своем доме, села чинить носки. В дверь стукнули, вошел милиционер.

— Я обмерла вся, к месту приросла. Затрясло меня. Он спрашивает: «Чего это вы!» — «Боюсь!» — «Кого!!» — «Вас...» Он обиделся, попросил домовую книгу и сел у стола ее проверять. Потом записал в нее что-то и пошел. В дверях обернулся: «Я не волк. Нечего меня бояться». Потом уж я прочитала, чего он там написал: «Козлова Ольга Афанасьевна вся в порядке».

Рассказывая, она смеялась до слез. И мы с Сергеем Анатольевичем смеялись, зараженные ее весельем.

— Принеси, Сережа, ту толстую книгу, — попросила мать.

Сергей Анатольевич ушел в кабинет, задержался там у шкафа.

— Книг у вас очень много, — сказала я.

— Много, — согласилась Ольга Афанасьевна. — И выписывают, и в магазинах покупают. Все читаем. Я уж сейчас только те, которые Саша велит. Выберет он какую-нибудь книжку и скажет: «Это тебе, бабушка, интересно будет». Я прочитаю — и правда интересно.

Сергей Анатольевич вернулся с солидным изданием.

— Найдите 263-ю страницу, — попросила Ольга Афанасьевна. — Там статья Сашина.

Листаю толстую книгу, читаю название статьи: «Народные массы в конфликте Аспара и Льва».

— Византиец он, с детства историей увлекался, — слышу голос Сергея Анатольевича. — Скоро диссертацию защищать должен.

А я думаю о другом. До «степени»

при старании и желании может дотянуться в наше время, наверное, любой образованный человек. Этим сегодня не удивишь. А вот каждый ли образованный, преуспевающий будет выбирать на полках своей библиотеки книгу для бабушки? И ставить ее «немодную» кровать в парадном месте! Для этого, увы, имеются в иных больших квартирах темные закутки...

Много думала я, возвращаясь в тот вечер с Уралмаша, о своих новых знакомых. Козлов и Акманаев. Два рабочих человека. Один достиг вершин мастерства, другой пока еще на старте. У старшего позади годы трудного детства, лишений. Молодой рос в другое время, все ему доставалось куда легче. Но я верю: Козлов передает трудовую эстафету в надежные руки.

— Сегодня обедать не пойдем, — заявил Рафик, когда в одну из смен я подошла к его станку.

— Почему?

— А потому, что эта каверза не прокормит, — похлопал он ладонью по большой детали-траверсе, укрепленной на станковом столе. — С ней едва норму выполнишь.

Понятно, что насчет обеда — очередная шутка Рафаила, но в шутке этой что-то есть. Расспрашивать сейчас было неудобно, станок гудел, фреза трудилась, от соприкосновения ее с металлом струился легкий дым.

Но Рафаил был настроен поболтать.

— В ту смену я такую хорошую «халтурку» затащил на свой станок! — кричал он мне, и я поднялась на мостик, чтобы лучше слышать. — Но сваял дурака, не закрепил ее. И вон, пожалуйста, — кивнул

в глубь цеха, — утянули... Даже Сергей Анатольевич пожалел.

Хоть стой, хоть падай с этого мостика! Ничего себе разговор, — «затащил», «утянули»... Будто положил Рафаил на станок какую-то вещь, а кто-то без спросу прихватил ее для своей надобности. Но ведь речь-то шла об огромной детали — без крана ее и с места не сдвинешь... Больше всего меня покорило слово «халтурка». Конечно, я понимала, что сказано это полушутливо, не всерьез — просто этаким ироническим выверт, — но все равно было неприятно...

Рафаил закончил с одним пазом и передвинул колонну. Показалось, что идет она трудно.

— Вить!

Подручный наверху отложил книгу, откинул белую прямую челку, спустился по лесенке. Рафаил кивнул на длинноносую масленку. Витя взял посудину и начал щедро поливать две блестящие направляющие, вырисовывая на них разные зигзаги и загогулины, будто расписывался маслом на металле. Рафаил двинул колонну, она пошла мягко, легко.

— Не подмажешь — не поедешь, — прокомментировал он и решительно нацелил фрезу на следующий паз.

— Витя, воздух!

Тот «поддал» воздух, и пушистая челка Рафаила взлетела, открыв белый, совсем незагорелый лоб («Из-за Юльки нынче даже купаться ни разу не ездил»).

Потом мы собрались обедать. Рафаил промыл руки маслом, достал из ящика тряпку. Это оказалась солдатская портянка (чего только ни попадает в ветоши!). Протерев ею пальцы, сел на ступеньку и начал наматывать портянку на ботинок.

— Обратите внимание: в армии учат наматывать портянки вот так, — показал,

как, — а солдаты наматывают их вот так, — и тоже показал.

— Такие поперешные солдаты? — рассмеялась я.

— Нет. Просто жизнь вносит свои поправки. Так удобнее.

Мы не говорили подробно об армейской его жизни, но вот так же, к слову, к случаю, Рафаил нередко рассказывал что-нибудь. «А у нас в армии...» Или: «Когда я служил...» И всякий раз я отмечала, что вспоминает он об этом по-хорошему.

— Тебе понравилось в армии?

— Нормально, — ответил он очень современным, необычайно «емким» словом, в смысл которого многие молодые люди втискивают буквально все, что только пожелается.

Когда мы шли в столовую, я попросила:

— Покажи мне ту, что «утянули»...

Он указал на большую деталь на одном из станков.

— Но почему ты назвал ее «халтуркой»?

— Да это так я, для словца... Просто на ее обработку дается сорок часов, а мы можем сделать за две, а то и за одну смену.

— А траверсу?

— А с каверзой мы все трое намаемся, а получим ерунду.

— Но почему же так?

Он пожал плечами.

— Видимо, не просто произвести точные расчеты, все обосновать, ну... там... во времени, в суммах... Ну, и делают немножко с потолка, чтобы «так на так» получалось.

— Молодец, популярно разъяснил.

Он рассмеялся.

— А сколько я ее устанавливал, эту траверсу-каверзу. Крепил упорами, бегал по цеху, искал подходящие болванки, под-

тыкал ей под бока. А она все трясется! Жидкая какая-то.

— Кстати, Рафик. Я заметила: ты все в основном делаешь сам, а Виктору только командуешь: дай молоток, дай зубило, дай ломик. Почему?

— Потому, что Витек, — гордо откинул голову Рафаил, — моя операционная сестра... Не могу же я, профессор в своем деле...

— Нет, давай без шуток!

— Ну, — начал Рафаил, — скажем, послать его заточить резец — не решаюсь.

— Почему? Ведь он же выпущен из училища с третьим разрядом.

— А я, например, не уверен, что даже сейчас Сергей Анатольевич пошлет меня заточить свой резец. Это же... резец!

— Ладно. Но ты являешься учителем Виктора и, значит, должен его учить. Так?

— Ой! — сказал Рафаил, и я поняла, что он опять все сведет к шутке. — Как же я могу его учить! У него третий разряд, а у меня — второй.

— У тебя — второй!! Но ты же работаешь наравне с пятиразрядниками. У меня записаны твои проценты — 170, 185...

Рафаил остановился и несколько раз энергично ткнул себя пальцем в грудь.

— Я, я! Понимаете, только я сам виноват, — предупреждал он мои недоуменные вопросы. — Чтобы получить следующий разряд, надо пошевелиться, позаниматься. На тарелочке его не поднесут, и правильно сделают. А у меня отговорки всякие. Например, Юлька, Юлька, Юлька...

Он быстро пошел вперед, я за ним.

— На «Песняров»-то я так ведь и не сходил, — решил уйти от этой темы Рафик.

— И правильно сделал, — откликнулась я. — Такой шум, такой гам развели, что я даже не могла разобрать, какие песни

они пели. А ударник их почему-то все время трясся, как та... твоя каверза.

— Я уже слышал от наших ребят такое мнение. Жаль. Хорошо пели!

— Почему же ты не пошел?

— Да дома у меня... Не очень хорошо, в общем.

— Может быть, потому, что тесно живете!.. Или, может, теща...

— Нет, — не воспользовался он случаем свалить все на тещу. — Она наоборот, — переживает. Мы, наверно, сами виноваты.

Рафаил запустил станок, направил сверло и велел Вите последить, а сам подошел к чертежному столу, оперся о него локтями, отдыхая. Только что оба здорово потрудились, устанавливая и закрепляя очередную деталь.

Конечно, я немедленно воспользовалась передышкой.

Попросила его продолжить прерванный рассказ.

— ...И вот попал я в этот круг, ну, никак не могу вырваться. Сергей Анатольевич как раз в отпуске был. Получалось так: я только и делал, что устанавливал и закреплял детали, а сменщики их обрабатывали. Сделают все за две смены, сдадут, а я прихожу и новую деталь устанавливаю. А они ее растачивают. И так далее... Ну, думаю, вырвусь, неправда. И стал торопиться с установкой, буквально потом исходил, чтобы сэкономить время и начать расточку, чтобы сбить с того темпа... Рабочие видели мои старания. Однажды, когда вышел я в ночную смену, один посоветовал: «Поспи эту ночь. Смотреть на тебя жалко». Я понял, о чем он. Чего тут не понять? Если посплю, то завтра не я, а сменщик будет устанавливать и крепить деталь, а я и третий член бригады — ее обрабатывать...

— Ну, и как ты решил?

— А так и решил, что не к лицу мне, молодому, таким образом из этого круга выходить. Не спал, конечно.

— А как же вышел?

— Не я вышел, — улыбнулся Рафаил, — Сергей Анатольевич из отпуска вышел. Отрегулировали. Бригада же у нас, все-таки.

«Все-таки!..» Вспоминаю свой разговор с одним из расточников (между прочим, он тоже перевыполняет план):

— Ну, как там у вас Сергей (настоящее имя сейчас не называю).

— Кто это?

— Как «кто»? Вы же от него смену принимаете.

— А-а-а... Так я его знаю как Сидорова — и все тут.

— Но вы же в одной бригаде.

На лице его недоумение.

— Какая же это бригада? Я понимаю — бригада слесарей. Вместе работают. А мы друг от друга не зависим...

— Наоборот, зависите!

— Это вы неправильно понимаете. Я делаю свое дело, а Сидоров — свое. Если я его работу сделаю, я и возьму у него эти часы. Он за них ничего не получит.

— Но...

— О том, что вы говорите, только пишут, а в жизни... Сидоров будет работать за себя и получит за себя. Я хорошо поработаю — я хорошо получу.

— Но ведь если он успеет в свою смену хотя бы затащить деталь на станок, то вы уже можете закрепить ее и начать работать...

— Ну и что? Какая разница — или я эту работу сегодня сделаю, или через неделю? Когда сделаю, тогда и получу. И он так же...

Ну и ну... Остается только руками развести.

— Ну, так вы с кем разговаривали-то. С «себешником», — сказал мне сменный мастер Николай Иванович Рожкин. — Там о чем ни толкуй, все к рублю сводится.

— Так, значит, бригады все-таки?

— Конечно, бригады. А как же иначе! Не все, правда, у нас тут еще ладно. Но это другой вопрос. Конечно, надо, чтобы все трое в бригаде были сознательными, думали не только о себе, но и о товарищах. Есть у нас такие бригады, слаженно работают.

...Раздался странный звук, и Рафаил оглянулся.

— Витек! — крикнул, смеясь. — Вынимай сверло! Оно у тебя уже снаружи торчит и свистит!

Я выразительно посмотрела на «учителя».

— Все будет в порядке, — понял он меня. — Хороший парень. Скоро в армию уйдет.

— Рафаил, а что ты скажешь о своем учителе, о Сергее Анатольевиче?

— Ну, что! Прежде всего, хотелось бы походить на него. Хоть немного. И работать, как он.

— А Сергей Анатольевич говорит, что ты работаешь с ним на равных.

— Нет, — категорически отверг это Рафаил. — Дело ведь не только в процентах. Как бы это вам сказать... Понимаете, я могу обработать деталь, но допустить какую-то шероховатость, что ли... Такую маленькую, что и сам ее не замечу, и другие не заметят. Уйдет деталь и работать будет в общем нормально. Беды вроде никакой нет, а все-таки... Вот у Сергея Анатольевича даже такого быть не может. А у меня так пока не получается.

— ...И у меня может быть такое, — сказал позднее Сергей Анатольевич. — И у него все неплохо получается. Распоряжение вон мне оставил.

Меловая записка разбежалась по всему чертежному столу:

«Сергей Анатольевич, размер 825+1,1 не выходит. Надо, наверно, подварить крышку. Отв. проходите резцом, развертка в ящике. Оправка 66 под пластину там же».

По совету Рафаила Сергей Анатольевич уже сносил крышку на приварку.

— А все из-за нарушения в технологии, — посетовал он. — Сделано на глазок, без разметки. И вот результат — Рафаил в свою смену не смог эту работу произвести, и я бегаю.

Мы уже не раз говорили с ним на эту тему. У опытного рабочего серьезные претензии к технологам.

— Иной раз с деталью не поступит почти никаких инструкций. Вот и докапываемся до всего сами, спешно готовим в мастерских всякие приспособления для обработки. И не хватает порой тех часов, которые отводятся на расточку.

«Каверза», — определяю я.

— А другой раз, наоборот, понапишут всяких операций на четырех страницах! А деталь-то проста, как ясный день. Ее за шесть-семь часов можно сделать, а они на сорок один час размахнутся.

«Халтурка», — вспоминаю я и досадную: чья-то нерадивость рождает такие вот пренебрежительные словечки, принижает рабочую гордость станочников. Козлов — и «халтурка», Акманаев — и «халтурка», — это же несовместимо!..

К столу подошел сменный мастер Николай Иванович Рожкин. Невысокий, немолодой, он остановился возле нас и молча смотрел большими растерянными глазами

то на меня, то на Козлова. Мне стало не по себе, показалось, что он задает нам какой-то немой вопрос и ждет на него ответа.

Сергей Анатольевич вздохнул и проговорил:

— Последнюю смену работает сегодня наш Николай Иванович.

Старый мастер отогнул рукав, посмотрел на часы и кивнул:

— Ага... Двадцать пять минут осталось...

...Иду по внутризаводской площади к проходной. Возле самоходки вижу людей. Тут и молодые, и пожилые. Окружив алое подножие, они бережно раздвигают руками высокие стебли и выскивают семена. С ладони бережно перекладывают зернышки кто в нагрудный карман, кто в спичечный коробок.

Думаю о Николае Ивановиче. Может быть, сегодня он тоже остановится здесь и унесет с собой несколько семян, и посадит потом у себя в саду или просто возле дома.

И еще думаю: каково же в этот день ему, ветерану завода, если даже мне так грустно расставаться с людьми, которых я здесь узнала...

ПЕРВЫЕ ДНИ

Жизнь сложнее всяких схем,
оттого и интересней,
Уралмаш — УЗТМ
стал моею первой песней.
Я не рвался в институт,
как ровесники, поспешно.
Руки, знал, не подведут,
да и голова, конечно.
Кто я! Сам себе вопрос
задавал, кусая губы.
В детстве я привольно рос,
заводские видел трубы.
Новых зданий этажи
поднимались над поселком.

Кто я! Что я! Жизнь, скажи!
Я себя не знаю толком.

Кем хочу — не знаю сам.
Как все это огорчало!
По ершистым волосам
жизнь не гладила сначала.

За родительский порог
я шагнул, расправив плечи,
в поиск собственных дорог
жизни яростной навстречу.

...Вот уже четвертый день
на завод хожу в охотку.
Каждый раз ныряю в тень
вздыбившейся самоходки.
Память дней суровых тех
фронтowego Уралмаша...
Перед входом в шумный цех
веточки сирени машут.
Вот и он, кому завод —
словно мир — давно привычен,
издали меня зовет
бригадир Иван Добычин.
Удивлял меня не раз

он, электрик экстра-класса —
сыщет путаницу фаз,
а рукой — и не касался.

«Нужен к технике талант —
тут тебе не трали-вали».
Я при нем как адъютант
вроде бы при генерале.

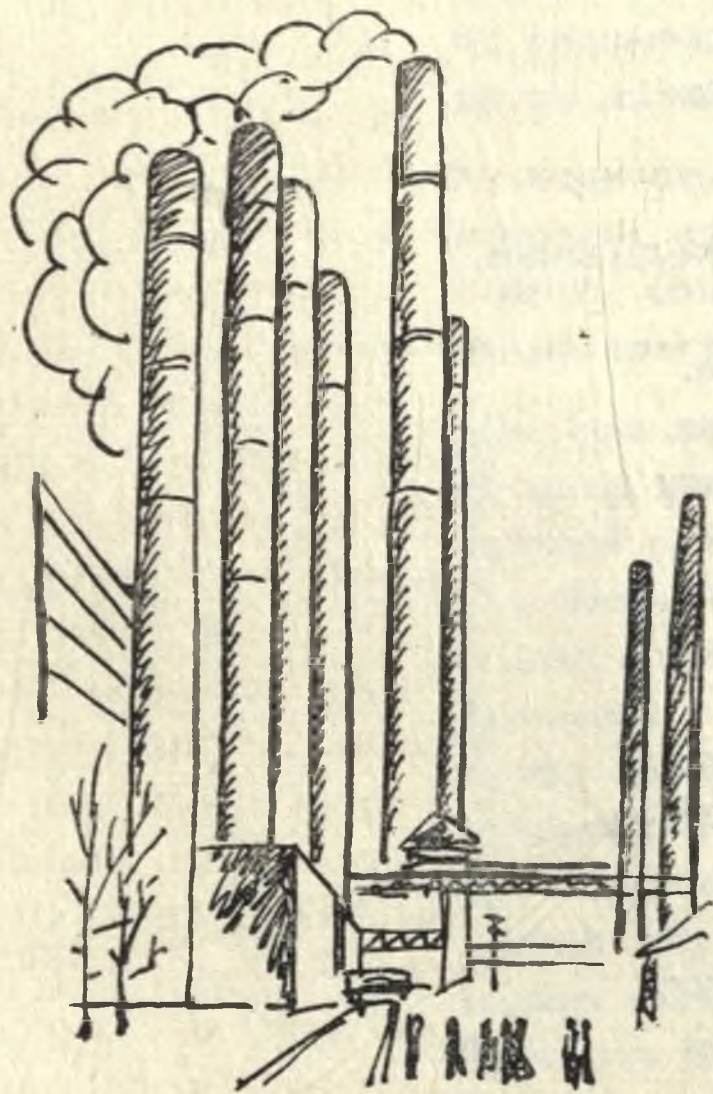
...Внове многое тогда
представало пред глазами
в гуле плотного труда,
туго сжатого часами.
В голове кругами шли
эхо звуков, хор моторов,
разделялись на слои,
схлестывались при повторях.

Воздух теплый и лесной
жег снега, как кочегарка.
Пахло скорою весной.
«Попляши из-за подарка», —
пряча что-то за пиджак,
зачудил в обед Добычин.
«А нельзя ли просто так?» —
«Нет, пляши — таков обычай!»

На разметочной плите
сбавал твист — простор подметкам,
правда, чуть не полетел —
подвернулась щетка-сметка.
«Стоп», — Добычин хохотнул,
сдвинул набекрень фуражку
и газету протянул:
«Почитай многотиражку!

Видишь, вон твои стихи —
и портрет приложен, вроде.
Рифмы, в общем, не плохи —
хорошо, что о заводе!»
И отмывшись хорошо
в душевой, надев ковбойку,
я такой счастливый шел
в общежитие на койку!

БОЛЬШОЙ
МИТРОФАН

— Хотите, я прочитаю вам Беранже? спросил он без всякого перехода после долгого разговора о кузнечных прессах, молотах, о нагревательных печах и прочем, что имелось в хозяйстве одного из крупнейших цехов Уралмаша.

Была середина ноября, сырой вечер, когда на улице ощущаешь себя неприкаянно и торопишься в тепло дома. Уже редко хлопали двери продовольственных магазинов, и меньше попадалось встречных на пути. Мы шли по скверу, и деревья голые, черные, и словно бы исхудавшие стояли неприкаянно, каждое само по себе, в неживом и зыбком свете неоновых фонарей.

А он читал Беранже. Не веселого, задумчивого галла, пришедшего еще в наивность, а печального и мудрого, правдивого и на этот раз чуть усмехающегося не самим собой старика. Позднего Беранже, погруженного в раздумья: что оставит после себя человек!

— Простите, это я так, по-стариковски слезу пустил. — А глаза под лохматые щетки сивых бровей мерцали усмешкой — чуть виноватой и лукавой.

Я рассмеялся и посмотрел на него так, будто увидел впервые. Рядом со мною сутулясь, чтобы уж не слишком возвышаться над спутником, мелкими, явно по росту шагами семенил здоровенный человек двухметровой высоты, и были у него не плечи, а плечищи, не руки, а ручищи. Казалось, кто-то другой, невидимый и бесплотный, произносил только что невеселые строки раздумий старого поэта — да, кто угодно другой, но только не эта глыба, которая уже одним своим видом выражала здоровье и несокрушимость.

Он понял меня.

— Зря смеетесь. Нет-нет да и ме

хворь прихватывает. А потом возраст уже. И хочется, чтобы после меня надолго что-то осталось...

И снова — строки Беранже. А я подумал, как это удивительно закономерно: чем больше человек делает людям добра, тем больше тревожится — а не мало ли, а не скудно ли одарил?

Я уже больше года знал Митрофана Матвеевича Шутова. Много раз встречался с ним и людей о нем расспрашивал. В прессовом цехе Уралмашзавода, где много лет трудился он мастером по приспособлениям и оснастке, — бывал не единожды. И по крупице, как из разноцветных стеклышек мозаики, вырисовывался портрет интересного человека, рабочего по сути своей, влюбленного в красивое и доброе и не умеющего разделять добро и красоту. Скорее всего не физическую его ипостась, а именно эти качества имел в виду Володя Назаров, молодой бригадир прессы, когда сказал мне однажды:

— Это большой Митрофан. Бо-оль-шой.

А большим Митрофан не родился. Он сам себя сделал таким. Всей своей жизнью и разумом своим.

Уж так повелось в роду человеческого — откуда есть пошла жизнь твоя, то место весь свой век в сердце и памяти носишь. Потому так, наверно, что из этого родового места ты делаешь свой первый шаг в ту большую землю, которую почтительно именуешь с заглавной буквы — Родина.

К берегу Дона, в воронежских краях, давно и накрепко приросло деревенское селение Кулаковка. Нежная и щедрая земля Кольцова... Вот здесь-то и прошла «заря туманной юности» Митрофана Шутова. Все у него было так, как и у других крестьянских ребятишек двадцатых

годов. Много сестер и братьев, мало хлеба. А голодный 21-й год истребительным мором обложил село.

Сейчас, когда Митрофан Матвеевич приходит в рабочую столовую, товарищи над ним нередко подшучивают: ну и жаден же Митрофан, ни крошки после себя не оставит. Только не жадность это, а благоговейное крестьянское поклонение хлебу, сознание бесценности его и еще память о том детском голоде...

И такое же отношение к белой бумаге. Он и осьмушки чистого листа не выбросит, а обязательно на какую-нибудь запись. Над этим тоже посмеиваются. Но сверхбережность эта вызрела в характере тогда же, в двадцатых годах, когда Шутов ходил в начальную школу и не на чем было писать.

За многие и продолжительные встречи наши я заметил, что вообще все крупное и выпуклое в духовной сути этого человека вылепилось и затвердело на всю жизнь в пору его детства.

В чем-то удивительно категоричный уже в двенадцать-тринадцать лет, он навсегда устанавливал для себя какие-то житейские правила, а если уж от чего-то отрекался, так тоже круто, без оглядки.

В бога веровал истово и с наслаждением. В доме чтили Евангелие, а других книг не признавали. Но Митрофана интересовало не только божие писание, но и другие книжки — про то, как люди живут на земле, про то, как революцию делали, про близкие и далекие города и страны. Он приносил эти книжки домой, но мать время от времени проводила беспощадную чистку — бросала их в печь. Осталось только Евангелие.

Мальчик все удивлялся: как это мать, совершенно безграмотная, умела отличать божественную книгу от светских. Потом

понял: делает она это на ощупь. Если книжка в тоненьком, бедном переплете, значит, против господ, значит, в печку ее. А у Евангелия рубаха добротная, на долгие лета сделана, тут и не ошибешься.

Обиделся как-то Митрофан, содрал эту толстую твердую обложку и книгу с другими в ряд пристроил. Мать и попалась. В очередной свой налет, не разобравшись, и святые письма спалила...

Убил в мальчишке веру в бога сам поп из церкви, что стояла в соседнем селе. Как-то родители послали туда Митрофана с приятелями по какому-то религиозному случаю. Было холодно, и мальчишки зашли погреться в домишко церковного сторожа. А там дым коромыслом. Подвыпившие парни тискают девок, те визжат, самосад глаза выедаёт, — но тепло от жаркой печи уйти не даёт.

Вдруг вваливается поп, сухой, жилистый, заорал каким-то бабьим голосом и огрел первого попавшего своей тяжелой тростью. Первым попавшим был Митрофан.

Обидно ему стало. Какой уж тут бог, если его слуга на земле несправедливость чинит. Логика, может, и не очень убедительная, но в церковь он больше никогда не ходил.

Митрофан любил землю, на которой родился. По весне он чувствовал каждой частичкой своей плоти, как полнится она чудесной и обновленной силой, как хмельной запах полуденного поля пробуждает в душе что-то радостно-тревожное. И если сказали бы ему тогда, что будешь, мол, Шутов работать на заводе и с многотонными железками дело иметь, — он бы не только не поверил, а наверняка испугался. Потому что даже в самых распаленных мечтах не мыслил себя без этого нескончаемого земного пространства, без со-

гнутых фигурок плугарей на пашне, длинноногих жеребят на зеленом выпасе, без теплого каравая, поднявшегося из домашней печи. Вся его родословная глубоко корнями уходила в эту землю, и было ни нужды, ни охоты отрывать себя от этого неизбежного земного притяжения.

Но бывает так: встретил человек другого человека — и судьба его круто вернула от проторенной стезжки.

Где-то году в двадцать восьмом появился в Кулаковке первый трактор. Пили его несколько семей, образовав варищество по совместной обработке земли. Крестьяне со страхом и удивлением смотрели, как работает неказистая, но сильная и не ведавшая усталости машина. И вдруг однажды трактор встал. Два тракториста, его обслуживавшие, сидели до седьмого пота, но ничего у них не получалось.

Решили тогда послать за механиком, что жил километрах в сорока от Куковки. Собрали яиц, сала, кур с десятка, снарядили пароконную подводку и поехали бить челом. Такой специалист тогда был крупной фигурой на селе, и крестьяне казалось, что без великой мзды не сладить никак невозможно.

Кони были сильные, ходкие. К за-
механика доставили к омертвело засти-
шему трактору. Народу собралось —
село. А механик первым делом распор-
дился, чтоб все подарки дарильщи-
назад позабирали, он, мол, не по и
подношениях не нуждается.

Потом подступился к трактору. Осмелел, попробовал завести. Тот чихнул пару раз — и снова молчок. Еще и еще раз попытался механик вместе с трактористом оживить машину, но мотор отказывался разговаривать.

Ореол всемогущества, которым еще загодя был окружен механик в воображении крестьян, стал постепенно таять и тускнеть.

— Хром на себя напялил, а ниче не понимает в железе-то, — заговорили в толпе.

— Таких специалистов и в Кулаковке хоть пруд пруди...

Злорадствовали некоторые от темноты своей, а механик — звали его Карпыч — уже мараковал над какими-то трубочками в утробе трактора, потом отсоединил одну из них и сильно дунул через нее себе на ладонь. И рассмеялся залиvisto.

На него смотрели с опаской: не рехнулся ли часом. Дело серьезное, а он ржет да и ногами как-то по-дурацки приплясывает. А тот отсмеялся и легкой такой походочкой, как фокусник в цирке, пошел по кругу, тыкая каждому под нос разжатую ладонь.

— Что вы видите на этой ладони! — весело спрашивал Карпыч.

А на ладони его лежала муха — черная, разбухшая от горючей жидкости до размеров крупного жука.

Никто ничего не понимал. А механик подошел к трактору, похлопал по нагретому на солнце металлу и прочитал маленькую лекцию, первую в жизни Митрофана Шутова.

— Сильна машина, — сказал Карпыч, — да не будет она работать, если человек не научится как следует управлять ею. Вот вам обыкновенная муха, шлепнешь — и нет ее. А именно она, муха эта, на двое суток трактор из строя вывела, попала в трубку, по которой горючее подается, и загородила этому горючему путь. Трактор голодным оставила. Вот и отказался работать. Но ничего, друзья мои, научимся мы ладить с машинами так,

что никакая сила нам помешать не сможет. Всю работу будут делать машины, а лошадей оставим для свадеб да масленицы справлять.

Он завел трактор и отошел в сторону. Все загалдели и бросились вслед за тархтевшим трактором. О механике забыли.

Отвезти надо человека домой, да оказалось, что сытые жеребцы хозяевам вдруг срочно самим понадобились и прежняя подвода нужным грузом занята. Кое-как нашли таратайку да лошаденку преклонного возраста.

Мальчишкам было стыдно за старших, но механик, кажется, не обиделся на неблагодарность кулаковских крестьян и на прощание весело помахал рукой, той самой, что совсем недавно казалась рукой фокусника.

Запал Митрофану в сердце этот веселый и сноровистый Карпыч. Особенно его слова насчет машин, которые всю работу на земле делать будут. И впервые, может быть, за всю свою коротенькую жизнь он вообразил себя хозяином трактора — не трактора, а чего-то помудренее и по-

больше. И конечно же видел он, как ладно сидела на нем кожаная куртка...

Мир привычных вещей, в котором жил Митрофан, весь как-то сразу поблек, стал неинтересным.

Сам Митрофан Матвеевич говорил мне об этом так:

— Карпыч был первым пропагандистом, которого я встретил. Он заставил меня поверить в силу техники и разбудил во мне стремление как можно больше знать. По существу, это был мой первый учитель. Я многим ему обязан и всегда буду помнить его самой доброй памятью.

Карпыч, Карпыч... Ни имени, ни фамилии не осталось в памяти. Только отчество. Сделал человек доброе дело, обронил, не ожидая ни хвалы, ни благодарности, в детские головы несколько здоровых семян — и ушел как бы в небытие. А ведь именно такими людьми и красен мир.

Многому научился Шутов в детстве. И хоть грамоты было всего четыре класса, даже на почте в деревне работал по подписке газет. И всегда горела в нем неутолимая и неутихающая жажда познания. Он жадно слушал каждого, кто рассказывал что-то новое для него, и читал все, что попадется. Без разбору, вразброс. Такова уж натура этого человека, что из мешанины разнообразных и пестрых фактов очень скоро выделялись главные, крупные, вставляли в ряд по значению, цементировались мелкими, но характерными и выразительными деталями.

Как-то при встрече он неожиданно и в упор спросил меня:

— А знаете, какое соотношение мужчин и женщин было перед первой мировой войной?

Я недоуменно пожал плечами.

— 100 и 99,6 процента. Считайте — по ровну. А сейчас — сами знаете. Женщин почти на два десятка миллионов больше. За счет старших возрастов. А виновата война... И в первую мировую похоже было.

Он достал подшивку настольных календарей за несколько лет, начиная 1914-го.

— Посмотрите сами.

Шутов был прав. Но меня удивило другое: где он мог раздобыть издания, какими может похвастать далеко не каждый специалист-историк? Оказывается, душака жены Шутова, зная любовь Митрофана Матвеевича ко всяким книжным редкостям, завещал ему перед смертью то, что давно и бережно хранил.

А еще с самых молодых лет полюбил Шутов поэзию. Никто его чтением не руководил, но интуитивно, с большим врожденным вкусом он умеет отличать подлинного поэта от ловкого ремесленника.

Нередко читал он в цехе «Анну Снегину» Сергея Есенина. Это его любимые стихи. Он запомнил поэму чуть ли не с первого знакомства с ней. Как говорят артисты, вещь эта у него по-настоящему отработана. Ровно сорок три минуты уходит на ее чтение — свободное, доверительное, как исповедь перед близкими людьми. И внешность его — огромная фигура, грубовато скроенное лицо, глаза почти спрятанные под белесыми бровями, рабочий пиджак из дешевой ткани — ничто это не мешает слушателям воспринимать нежное, молодое и хрупкое:

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень...

И еще, уже чисто психологическое. Когда вы слушаете хорошего чтеца, сидя в зрительном зале, — впечатление одно. И совсем иное, если вы каждый день по восемь часов трудитесь с человеком бок о бок у могучих, громяющих прессов, у раскаленного от тысячеградусной жары металла, когда вы ругаетесь с ним из-за нарядов или вместе распекаете кого-то на собраниях, — и вдруг этот человек открывается сокровенной и необычной стороной души своей. Митрофана Матвеевича всегда слушают по-настоящему заинтересованно, и никому он не кажется выскочкой, желающим как-то выделиться из общей массы, «показать свою эрудицию». Это потому, что все видят его искреннее желание поделиться с товарищами тем прекрасным, что впитал сам.

Маяковский, Блок, Бедный... Класіки девятнадцатого века. А однажды, к подходящему случаю, он прочитал мне две басни почти забытого Дмитриева, которого, наверное, не каждый филолог знает.

Чтение не хобби Митрофана Матвеевича. У него вообще нет хобби как такового. Все его увлечения — это грани одного целого — богатого характера. Он, например, и неплохой садовод. Даже медаль ВДНХ получил за развитие этого важного дела на Среднем Урале. А садоводом стал опять-таки прежде всего потому, что общение с земной красотой просто необходимо ему.

Я сделал это большое отступление от хронологии жизни Шутова затем, чтобы понятнее стали главные поступки этого человека, о которых речь впереди.

На Уралмаш Митрофан Матвеевич приехал в 1933 году, в пору пуска завода-исполина. Работал в УРСе, что — сообщим

для молодого читателя — означало: управление рабочего снабжения, в комитете комсомола хлебопекарни. Но все это не очень-то его устраивало. Тянуло на рабочее место.

Особенно привлекала Шутова заводская кузница. Здесь все было крупное, дышало мощностью и жаром, здесь шла постоянная схватка с металлом, который в конце концов подчинялся человеку.

Просьбу Митрофана удовлетворили, отпустили «к металлу». И с тех пор жизнь его связана с прессовым цехом. Мастер по приспособлениям и оснастке — так называлась его должность. Это значит, ответствен за техническое обеспечение кузнечных операций. На такой должности рекорда не поставишь, как, скажем, это может сделать токарь или карусельщик. Но есть сознание того, что твоя работа, хлопотная, малозаметная, — необходима, без нее немислим трудовой процесс. Именно это сознание и делает в глазах Митрофана Матвеевича его место в рабочем строю — значительным и интересным.

В положенное время он отслужил в армии, потом воевал с белофиннами, стал

коммунистом. В общем, повторил биографии многих своих товарищей. За шесть дней до начала Великой Отечественной женился, а когда она началась, двенадцать суток не появлялся дома. Работа пошла такая, что приходилось и ночевать на заводе.

Первым его порывом было:

— Пошлите меня на фронт.

Но тогдашний начальник цеха Вениамин Георгиевич Юзов резко сказал:

— Я бы раньше тебя ушел, да не отпускают. Где кто нужнее, там пусть и остается.

И Шутов решил так: «Люди на фронте кровь проливают. Значит, я здесь, в тылу, должен работать так, чтобы мне перед ними не совестно было». Так и трудился всю войну.

Совестно, совестно... Митрофан Матвеевич в разговорах почти не употребляет этих слов. Он просто живет по совести. Живет так, чтобы людям было хорошо рядом с ним.

Посудите сами, что заставило Шутова по-хозяйски, с дальним прицелом распорядиться после войны танковой броней, оставшейся на заводе? Ее собрали, уложили в одно место, и вот уже три десятка лет из этой брони делают ножи для прессов, чтобы резать под могучим давлением громоздкие, часто многотонные, глыбы раскаленного металла. И брони этой хватит еще надолго.

Посудите сами, что заставляло его каждую неделю готовить политинформацию, ходить с молодыми дружинниками на дежурства, помогать подшефной школе, устраивать литературные вечера? От полновины всех этих обязанностей он мог бы легко отказаться. Но это ему и в голову не приходило.

...Прошла война, и много уже после-

военных лет минуло. А он все еще чувствовал себя как бы виноватым перед теми, кто не вернулся с полей сражения, перед вдовами, перед сиротами. Но никак не мог решить для себя: а что же он, Митрофан Шутов, должен сделать в память о погибших.

Выручил, сам не зная того, писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Он тогда часто выступал по телевидению с рассказами о поисках героев войны — живых и мертвых.

«А неплохо бы установить имена всех погибших односельчан и поставить им памятник в Кулаковке», — подумалось однажды Шутову. Пришла эта мысль и заставила действовать. Долго обдумывал, как да что предпринять. Написал письма друзьям детства. В письме подробно рассказал свой проект — материальные затраты предлагал разделить поровну, а всю работу по изготовлению металлической плиты с именами погибших взял на себя.

И друзья откликнулись сразу же. Пришли свое согласие Филипп Андреевич Немудрый, завуч школы-интерната и Любутина Харьковской области; Тихон Михайлович Кулакин, преподаватель математики из Краснодарского края; Яков Лукьянович Шматов, токарь из города Гулистан Узбекской ССР. Позже свой лепту внес и Григорий Лукьянович Лебедев, учитель из Липецка.

Было еще одно письмо — в партийную организацию колхоза. С просьбой установить фамилии, имена и отчества погибших жителей села. И коммунисты Кулаковки ответили согласием.

Поиск предстоял нелегкий. Многие семьи погибших уже уехали из родных мест. Но в селе нашлись люди, которые за дело взялись добросовестно и довели его до конца. Вся тяжесть поисков легла

на Егора Васильевича Решетникова и Тимофея Иосифовича Лебедева, тоже старинных приятелей и однокашников Шутова. А он тем временем начал хлопотать на заводе насчет мемориальной доски. Для фамилий нужно было изготовить модели букв. Митрофан Матвеевич пошел в модельный цех, где работали два его сына — Михаил и Владимир.

Начальник цеха Петр Васильевич Чулкин выслушал и сказал:

— Сделаем.

Дальше Шутов отправился к литейщикам. И там ответили:

— Отольем доску.

Ни руководители этих цехов, ни сам Шутов еще не представляли, за какое нелегкое дело они взялись. Крепко пришлось попотеть и сыновьям Митрофана Матвеевича, изготавливавшим в нерабочее время модели букв. А тут еще непредвиденные остановки в Кулаковке со сбором имен и фамилий. Вот, скажем, звали всю жизнь человека Игнат, а по документам выходил он Игнатий. Другого считали Сидором, а он по каким-то бумагам Исидор. Как же правильно? Пришлось обратиться к священникам. Те ответили, что и так, и так могли наречь в старое время. Есть Игнат и Игнатий, Сидор и Исидор.

Казалось бы, наладилось дело. Осталось только отлить доску. С превеликим трудом сделали модель. Рядом с каждой фамилией стояли инициалы. Девяносто три человека. И вдруг выяснилось, что фамилия и инициалы одного из геройски погибших совпадают с фамилией и инициалами человека, который расстался с жизнью при самых позорных для него обстоятельствах.

Что же делать? Выход был один: полностью написать имена и отчества всех девяносто трех.

И опять корпел над своей доской Шутов после окончания смены. Находились, конечно, люди, которые произносили уже ставшую шаблонной фразу:

— Тебе, Митрофан, больше всех надо? Чего ты связался с этим делом?

И все-таки он завершил работу. Было потом много хлопот в фасонно-литейном цехе. По соображениям технологии мемориальную доску пришлось отливать не целиком, а четырьмя отдельными плитами, чтобы затем, после тщательной обработки, подогнать их друг к другу.

Хорошо сделали и это. Но на почте взбунтовались: тяжелы отливки, такие посылать нельзя. Пришлось обрабатывать плиты так, чтобы стали тоньше, а значит, и легче.

Сам Митрофан Матвеевич и грузил потом свои посылки на почтовую машину, и на вокзале сгружал их. В село отправил подробнейшую инструкцию, как и что надо сделать. А до поры велел запереть плиты в сейфе кулаковской почты и никому не показывать. Потом, правда, узнал он, что заведующая почтой, сама вдова погибшего воина, не вытерпела, рассказала подругам, те — другим. Потом все село перебывало на почте, рассматривало необычные посылки.

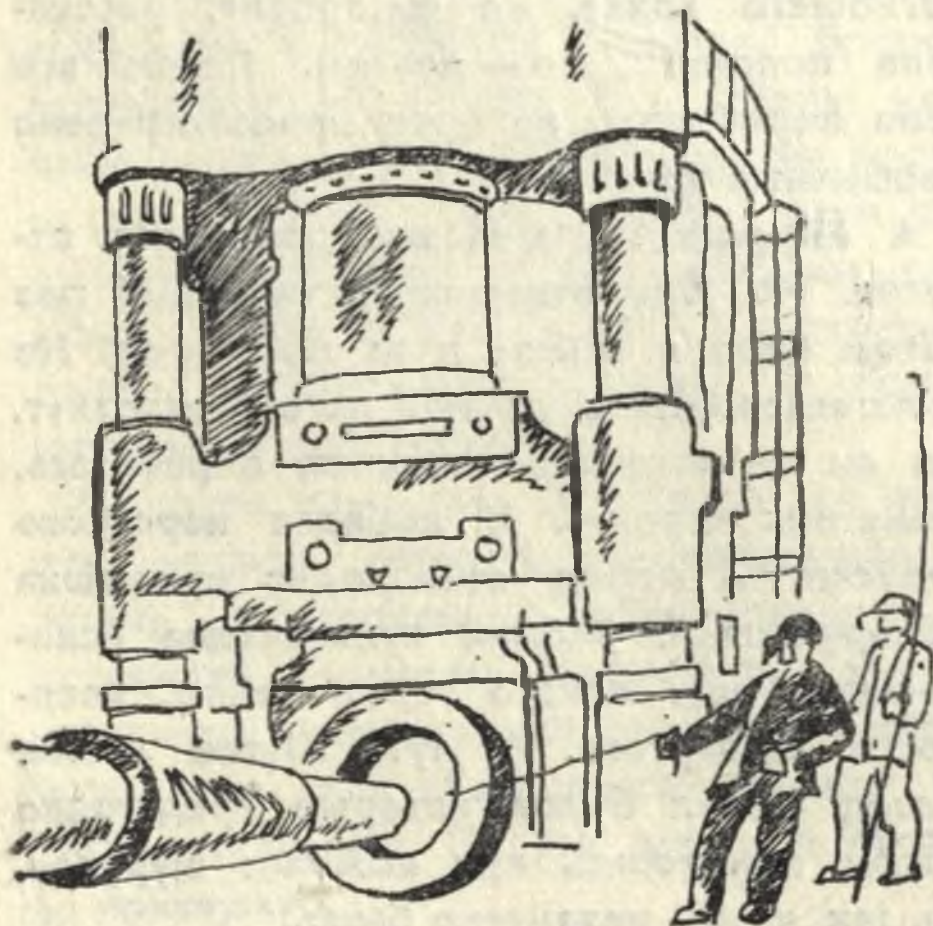
А Митрофан Матвеевич добивался отпуска. Но ему отказывали: прошлый раз летом брал и сейчас в то же время? Не полагается, пусть другие летом отдохнут. Но он не отдыхать просился, а работать. Памятник строить. И добился короткого отпуска. А перед этим одна промашка обнаружилась. Забыли кулаковские «следопыты» еще одного героя войны, девяносто четвертого. И тут Шутов нашел выход. Отлил буквы, которые предстояло потом прикрепить при помощи шурупов. Да так, чтобы незаметно было.

Отправился в родное свое село вдвоем с женой Клавдией Николаевной. Приехали — и сразу за дело.

Помощников выделить им не смогли: началась уборочная страда, и все люди были в поле. Помогли школьники. Шутов сам клал кирпичи и цементные работы исполнял. Успел прикрепить доску. Но тут пошли дожди — безостановочные, многодневные. Отпуск заканчивался, надо было возвращаться домой.

Памятник закончили уже без Шутова и без него же торжественно открыли. А ему прислали фотографии.

И стоит теперь в селе Кулаковкаobelisk. На большой металлической плите надпись: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость Советской Родины»; чуть ниже — «Граждане села Кулаковки, павшие на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Потом в два ряда идет список имен погибших воинов. Затем слова: «В сердцах наших и потомков наших вы будете вечно жить». И совсем мелко, в самом низу:

«Изготовлено по заказу земляков и Уралмаше в 1968 г.»

А потом, через год с небольшим друзья Шутова приехали к нему в Свердловск. И он повел их на свой завод. Среди прочего показал им мемориальную доску на стене своего цеха. На ней были имена тех, кто не вернулся с войны — этот рабочий коллектив. Это тоже дело его рук, так же как плита на соседнем кузнечно-прессовом цехе.

Я уже говорил, что в должности мастера по оснастке и приспособлениям рекорда не установишь. Эта работа редко поддается процентному учету. Но от нее многое зависит, и это понимает каждый в цехе.

— Как все-таки можно показать именно производственные заслуги Митрофана Матвеевича? — обратился я однажды к секретарю парторганизации прессового цеха.

Он долго думал, что-то прикидывал. И потом сказал вот что:

— Должность у него такая, что всегда найдутся недовольные. Есть такие должности. Но я считаю, что, как и во всем, он пунктуален и, главное, удивительно любознателен в этом своем основном деле. Его часто посылают на родственные предприятия. Он там смотрит, что можно применить у нас, в условиях уралмашевской кузницы. Приезжает, рассказывает. Многие мы переняли у своих коллег. Например, быстрозахватывающие клещи. А вот быстросъемные бойки, которые он увидел на одном из заводов, Митрофан Матвеевич усовершенствовал сам, и теперь производительность труда от их внедрения гораздо выше, чем на том заводе, где они впервые начали действовать.

Шутов не очень торопится с решениями, когда возникает какая-то серьезная проблема. Вот, посудите сами. Как-то у нас лопнул тридцатитонный штамп для штамповки одной из важных деталей чугуновоза. А этот заказ на заводе постоянный. Что делать? Снова делать модель, снова отливать в металле? Во-первых, уйдет много времени, во-вторых, дорого. Тогда Митрофан Матвеевич вместе с заместителем начальника цеха по подготовке производства Виктором Дмитриевичем Соминим надумали: а нельзя ли многометровый по габаритам штамп скрепить стальными стержнями? И сделали. В механикообрабатывающем цехе просверлили нужные отверстия, протянули стержень и стянули его по обеим сторонам штамповки болтами. Сейчас изделие — в работе. Вот вам один из многих примеров, когда Шутов предлагает простой и экономичный выход из сложного положения.

Вот так трудится Митрофан Матвеевич. Вернее трудился: не так давно Шутов вышел на пенсию. А сыновья — Михаил и Владимир — отслужили в армии и снова вернулись на Уралмаш. И хочется верить, что и к их именам со временем прирастет слово «большой», что и они, воспитанники здоровой, трудовой семьи, будут походить на своего отца. Ведь яблоко от яблони недалеко падает.

А сам Митрофан Матвеевич сейчас — один из активистов музея боевой и трудовой славы Уралмаша. Как всегда, в хлопотах, в движении.

ПРИЧАСТНОСТЬ

До мая два шага осталось,
Идет домой рабочий класс.
А что несет — одну усталость!
Одну морщинистость у глаз!
Нет, загляни-ка ты

поглубже —

Увидишь волю и накал,
В глазах — не дождевые лужи,
А как бы маленький Байкал!
И все — к теплу,

к поре ромашек

И стуку крыльев по дуплу...
Простой рабочий с Уралмаша
Причастен к свету и теплу.
И кажется,

что в это утро

Душа у каждого поет:
«Почувствуй, Ганг и Брамাপутра,
Рукопожатие мое!
Всмотрись попристальнее в краски,
В пятиконечные лучи
И в ритмике

машин уральских

Живое сердце различи».

...Взлетают

над заводом птицы —

Широкрыкрытый разворот.

И сам

Серго Орджоникидзе
У заводских стоит ворот.

ВЕЧЕРНЯЯ СМЕНА

Морозец.

Но кусты не скорчились.
В наряде белом каждый куст.
Совсем недавно смена кончилась,
Еще проспект

почти что пуст.

Но вот
из проходной на улицы
Потоком бурным и густым
Выходят парни —
не сутулятся,
С чего сутулились бы им!
Здесь уралмашевцы,
рабочие,
Летит снежок, пушист и тих...
И фонари как многоточие,
Как продолженье
в судьбах их.

У ПАМЯТНИКА НА УРАЛМАШЕ

Я вспоминаю
согнутые ели
И — веерами — взрывы у дорог.
Но танки шли.
И в смотровые щели
Уже влетал Победы ветерок.
И обожженный ландыш встал в окопе,
Когда танкисты
в дыме и огне
Несли освобождение Европе
На крепкой
уралмашевской броне!

ДОБРАЯ
РУКА
НАСТАВНИКА

Закончилась ночная смена.

Валентина Ильинична быстро привела порядок рабочее место и направилась в раздевалку. Она ощущала привычную усталость и одновременно молодящую утреннюю бодрость. Представила себе, как, облачившись в «городское», выйдет из цеха. С удовольствием глотая морозный воздух, неторопливо прошагает еще сумеречному заводскому двору и густеющей толпе приблизится к проходной. За ней откроется просторная, ярко освещенная площадь с недавно выпавшим снегом, по которому бегут автомобили и троллейбусы.

А дома будет обычный ранний чай, желанный отдых — но будет и нечто более значительное и важное. На днях из армии, завершив службу, приехал сын Алексей. Ей так хочется подольше побыть с ним, поговорить, отдаться привычным материнским заботам — постряпать, приготовить любимые сыном блюда, съездить с ним в магазины и мастерскую: и там же, непременно надо как следует одобрить парня, коли переходит на гражданскую стезю — купить костюм, пальто...

Ну да это еще полдела. Главное в деле: решается его судьба. Где будет жить, кем работать? В первый же день после приезде Алексей достал из нагрудного кармана кителя и поставил на серванте на семейное обозрение, что ли, фотографию красивой русоволосой девушки с ясными глазами. Невеста? Видимо, так. Что же из этого следует? Приедет ли милая девушка на Урал или сын укажет на Украину, откуда достал он этот портрет?

Все может быть...

Козлова уже поднялась по лестнице и шла по коридору к раздевалке, когда вдруг почувствовала смутное беспокойство.

и остановилась в раздумье. Чего-то она недоделала в цехе... И тотчас вспомнила: Сережа-то сегодня с утра. Усмехнулась про себя: придется переодевание отложить, и повернула обратно, на участок, к станкам.

— Ты куда это, Валяша! Не на второй ли заход? — с улыбкой спросила встретившаяся на лестнице стройная миловидная женщина. — Или забыла что?

— Забыла, — кивнула Козлова и в который раз подумала: «Какая же она молодая. Будто и время ее не берет».

Хотя они проработали вместе четверть века, почти ежедневно встречались и давным-давно были подругами, Валентина Ильинична и теперь думала о Лидии Александровне Столяровой, как о старшей, с уважением, и даже прежней девичьей влюбленностью.

— Приходится возвращаться, — пояснила Козлова. — Сережка-то мой в первой смене работает. Надо взглянуть...

— По-онятно. Погляди, погляди на него, лохматого, за ним нужен глаз да глаз.

— Что верно, то верно.

Смешно и вспомнить, а ведь и за ней самой когда-то нужен был глаз, да еще какой острый. И им-то, этим глазом, была Лидия Александровна, Лида, Лидочка: как иначе назовешь, когда они ровесницы, даже Столярова моложе на год. Но в тысяча девятьсот пятидесятом году у Лиды было существенное преимущество: она окончила ремесленное училище и уже основательно поработала на токарно-револьверном станке, а Валя только пришла в цех и была определена ученицей к этой юной учительнице. Прекрасной, надо сказать, учительнице, внимательной, чуткой. И хотя в те времена слово «наставник» еще не было в ходу, по существу, Лидия была настоящей наставницей.

— Ты не задерживайся надолго-то, — прервала ее размышления Столярова. — Сын, поди, заждался.

— Ладно, побеседую немного со своим «загадочным»...

И она вошла в пролет цеха.

Вероятно, прав будет тот, кто, изображая 80-й цех Уралмаша, назовет его «заводом в заводе», напишет о гуле и свисте станков, погромыхивании подъемных кранов над головой, о том, как в блеске огней течет ручейками и, шурша, причудливо извивается металлическая стружка.

Все это так. Но Валентина Ильинична Козлова видит свой цех иными глазами. Для нее восьмидесятый — гораздо проще, уютнее, домашнее, что ли. Каждый его уголок имеет свою историю, с каждым связаны какое-то воспоминание и сегодняшние радости и заботы. Вот тут проходил, останавливаясь у каждого станка, старый наладчик Нифонтов, а здесь работает Фая, а подальше — Тоня. А десять лет назад на месте родного револьверного стоял другой, попроще. А вон напротив гордо стоит ладный, новенький и мудреный станок с программным управлением, над которым колдует Лида. У каждого — свой нрав. Наверное, подобное чувство испытывал толстовский капитан Тушин, когда называл одну из пушек своей батареи по имени: «Ну-ка, наша Матвеевна...»

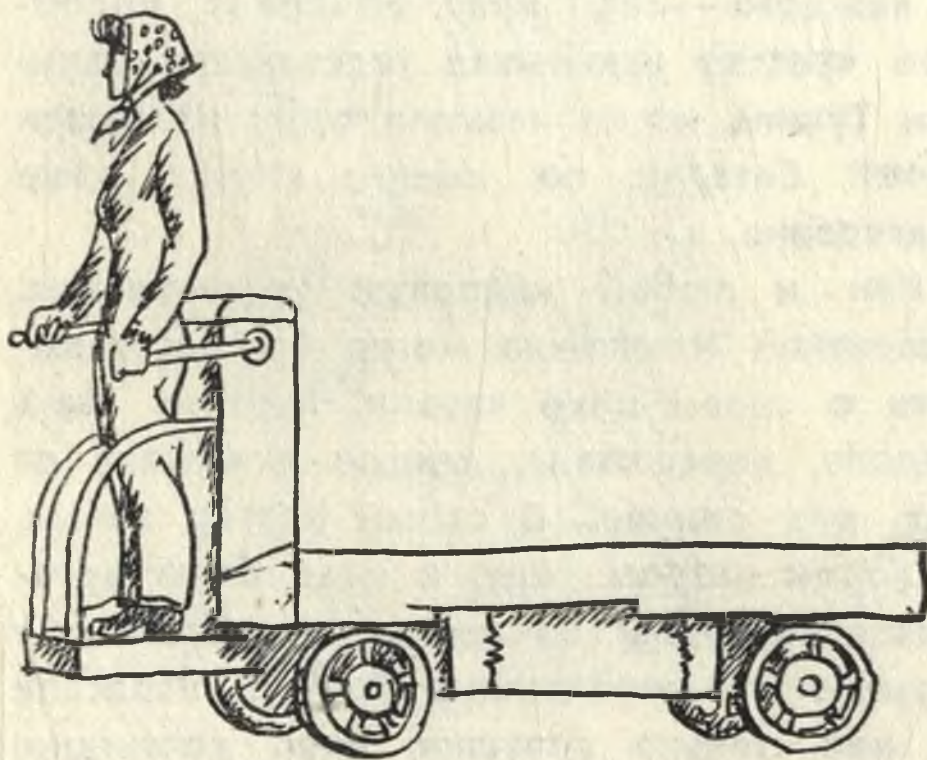
Как и любой кадровый уралмашевец, Валентина Ильинична могла бы рассказывать о своем цехе часами. Многие сама видела, переживала, многое услышала от тех, кто старше. В самый разгар войны, в сорок втором году, в цехе была организована одна из первых на Уралмаше фронтовых молодежных бригад. Работали в ней только девушки, едва достигшие

шестнадцать лет, и руководила ими Аня Лопатинская. Валентина Ильинична застала в цехе многих из «фронтовичек», была наслышана о холоде и голоде, «казарменных днях», когда сутками не уходили с завода, об отмороженных руках и ногах, о том, как изможденные девчата записывались в доноры и отдавали раненым свою кровь и как, презрев тяготы и лишения, весело пели и отплясывали заводские артистки, выступая в госпиталях.

И сейчас в цехе — множество женщин. На участке, где трудится Козлова, из 60 рабочих лишь 9 мужчин. Женскими руками вытачиваются, сверлятся, шлифуются детали для знаменитых уралмашевских буровых установок и экскаваторов — втулки и фланцы, звездочки и кольца, шайбы и валики — все, что неприметно в машинах непосвященному человеку, но без чего эти машины мертвы.

...Валентина Ильинична оглядела ряд токарных станков и сразу же увидела Сережу. «Загадочным» его назвала табельщица. «Твой-то вроде загадочный, — сказала она как-то. — И не поймешь, какой».

«Чего же тут не понимать, все довольно ясно», — подумала Козлова и вздохнула.

Сергей стоял у станка и задумчиво крутил в руках токарный резец. Парень был долговяз, худ и по-новомодно длинноволос и лохмат. Из трех ее подпечных этот, пришедший к ней совсем недавно, пока самый неумелый и трусливый.

Эх, Сережка, Сережка... Просто ты еще мальчишка семнадцати годков. Да к тому же к труду не приученный, даром что из рабочей семьи. Балован. Летом закончил десятилетку. Осенью пришел на завод. Как-то спросила его:

— Что подделывал после учебы?

Взглянул удивленно:

— А что подделывать-то? Гулял. С собой чем-то занимался...

А так парень послушный, не задирка, стый, но и не боевой. Вот обычный разговор:

— Что стоишь? Станок убирать надо.

— Дак салфеток нет.

— Спроси. Возьми.

Возьмет и станет прибираться. А не забудь, помнишь, будет «пень колотить да девок проводить».

Вот и сейчас что-то заскучал. Но тут видно, не просто лень, другая причина. С заточкой резца явно не может совладать.

— Что закручинился, Сережа?

— Резец сломался.

— Надо заточить.

— Хорошо.

Боже мой, как взялся за дело! Подвел резец к наждаку криво-косо, искры неровно рвутся в стороны, неуверенные руки дрожат... Того гляди, испортит.

— Постой, Сережа, — тихо сказала Козлова. — Давай-ка вместе...

«Кричать не люблю, — заметила она потом, во время нашей беседы. — И не люблю, когда другие кричат».

Мы сидим в уютной и чистенькой, обставленной новой мебелью квартире Козловых, в одном из новых зданий на окраине Уралмаша. На столе — толстый семейный альбом и еще фотографии россыпью.

Валентина Ильинична рассказчица отменная, не надо упрашивать, за словом в карман не полезет. Говорит живо, образно, с улыбкой.

— Вот отец мой, Илья Андреевич, — показывает на фотографию высокого, плечистого мужчины. — Всю жизнь крестьянин и солдат. Тюменский, сибиряк. В гражданскую в Сибири воевал, Колчака бил. Помню, рассказывал, как при переправе через Иртыш чуть не утонул, чудом на льдине спасся. И в Отечественную сражался, опять-таки в пехоте. Под Ленинградом, на Ладого. Там миной ему ногу оторвало. И, знаете, я как-то не вижу его увечным. Все на бегу и в деле. Ну какой он инвалид! Веселый, шутливый. После войны председательствовал в колхозе. Голодно было. Молочко и яички сдавали. А нам нередко оставались хлебушек с лебедой да молочный обрат. Щи крапивные были яством. Так вот отец, бывало, улыбаясь, скажет женщинам, главным в ту пору работницам: «А ну-ка, бабоньки, попейте сильной водицы, да за мной — в поле». И мать с ним, первая. Братья мои тоже в армии служили. Михаил — тот снайпером был. Ранен. Осколок на память остался в позвоночнике...

Передо мной другой снимок. Даже на нем, на давнем, выцветшем, заметно, какие худенькие, истощенные ребятишки со взрослыми глазами жмутся к молоденькой девушке, почти девочке.

— Воспитанники мои, детдомовские, сироты военные, — поясняет Козлова. — А мне семнадцать лет, как теперь Сереж-

ке. Да... Работала в детском доме поначалу пионервожатой, потом воспитателем. И было у меня в группе тридцать пять ребятишек, не все они и матерей-то помнили. Бывало, гуляем, занимаемся, читаем вслух, а они ко мне ластятся, поближе стать или сесть норовят... Может, с тех вот пор кричать не люблю и не люблю, когда кричат...

И сразу по какой-то своей, внутренней логике Валентина Ильинична «перескочила» в 1950-й — первый свой заводской год.

— На учителей мне везло. А нуждалась я в них очень. Крестьянской девушке, с восемью классами, токарно-револьверный станок казался полным всяких неразгаданных тайн. Одного режущего инструмента целый набор, попробуй освой: тут тебе сверла, зенкера, развертки, метчики, лерки, резцы... Да еще мерительный инструмент! Куда? Что? Как?... А Лидия Александровна, Лидочка терпеливо показывала да рассказывала. То я у нее за плечами стою, то она у меня. Конечно, были и занятия в отделе технического обучения, но главное — перенимала опыт на рабочем месте. Никогда Лида не сердилась на мои оплошности, никогда. Внимательными и терпеливыми были почти все старшие, те, кто еще в войну работал: тетя Нюра, Анна Ивановна Скоробогатова, тетя Шура — Ширинкина, Меньшикова Пелагея Сергеевна, всех хочется добром помянуть... Один только мастер — даже фамилии называть не хочу — был всегда раздражен, ехиден и зол. Все с криком да с подковыркой. Впрочем, и он меня кое-чему научил: никогда так не поступать... А самая моя большая любовь — старый наладчик Андрей Иванович Нифонтов, вот уж поистине рабочий человек. Как сейчас слышу его уральский говорок:

— Пстой, пстой, Валуха... Ой, девка, что-то ты не то робишь...

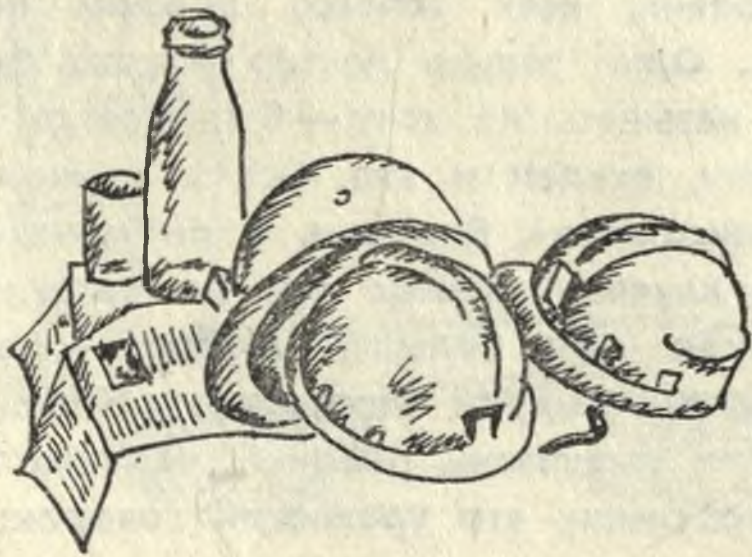
— Как же мне быть! — чуть не плачу с досады. Резец, который безуспешно пытаюсь заточить, дрожит и выбивается из пальцев.

— А вот так. Словами всего не объяснишь. Ты чувствуй и понимай...

Молчит, тихонько кладет свою широкую шершавую ладонь на мою руку и настойчиво направляет зажатый в ней резец. Держит так прочно, как в тисках, я невольно слушаюсь и верю каждому его движению, пальцы мои словно понимают и запоминают, как подводить инструмент, как его затачивать. Никогда не забуду этой твердой и ласковой руки... Два с лишним десятка лет никому не доверяю инструменты, только сама готовлю их к работе...

Я слушаю рассказ Козловой и уже представляю, чем закончилась ее утренняя встреча с «загадным» Сережей. Конечно же, повторилось то, что произошло едва ли не четверть века назад. Только в роли учителя выступала теперь Валентина Ильинична. Положила свою знающую, твердую руку на пока еще неумелую руку паренька и вместе с ним сноровисто и неспешно заточила резец.

— А теперь, — сказала тихо, — попробуй сам.

— Читали! — спросил меня секретарь парторганизации цеха Александр Леонидович Константинов. — Нет! Непременно прочтите, если хотите яснее, рельефнее что ли, представить себе Валентину Ильиничну в роли наставника. Видите ли, рабочую молодежь учат давно. Так что наставничество имеет свою историю и традиции. Ну а теперь оно приобрело новые качества. Из стихийного движения превращается в планируемый и управляемый процесс. Вот сейчас и важно выяснить, кто есть наставник, чем он отличается, к примеру, от инструктора производственного обучения, каково его отношение к подопечным. Прочтите обязательно отчет о «круглом столе» в редакции нашей заводской газеты. Там прямо поставили вопрос: «Кого считать наставником?»

Я взял газету и убедился, насколько полезным был совет партийного секретаря. В беседе, о которой он упомянул, участвовали люди с большим опытом и в их числе Валентина Ильинична Козлова. Разговор они вели предметный. Вот несколько выписок из их выступлений:

«Молодой рабочий видит, кто пользуется уважением в коллективе, и начинает из их среды искать себе наставника».

«Между наставником и инструктором производственного обучения разница очень большая. Наставник со своим учеником всегда вместе — и в радостях и в горестях. А инструктор лишь учит профессии».

«А я считаю, что настоящий наставник общается с учеником не только на работе. Он обязательно должен навещать его дома, знать, как живет человек, чем интересуется».

Прочитав эти мнения кадровых рабочих, я спросил у одной из учениц Валентины

Ильиничны — что она считает самым примечательным в работе своей наставницы?

Девушка повернулась в ту сторону, где трудилась Козлова — был конец смены, и та аккуратно, с женской тщательностью прибирала станок, — и, недолго подумав, ответила:

— Поглядишь на тетю Валю — и работать хочется.

«Ну, конечно же, — подумал я, — надо взглянуть на Козлову глазами ее учеников».

Разумеется, им известны ее производственные показатели: как правило, 150—170 процентов нормы. Ударник девятой пятилетки, Валентина Ильинична завершила свой личный пятилетний план еще в мае 1975 года, а в декабре, когда мы с ней встречались, она уже трудилась в счет мая 1976-го. Далеко ушла вперед. И на памяти ее товарищей и учеников вручение Козловой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Как же не гордиться таким учителем, как его не уважать!

Но кроме этих общих, так сказать итоговых впечатлений, есть еще будничные, повседневные. Разве не замечают ученики, как рано появляется в цехе их учительница?

— Обычно я выхожу из дому часика за полтора до начала работы, — рассказывала Валентина Ильинична.

— Положим, за два, — усмехнувшись, поправил ее муж, Николай Алексеевич, тоже уралмашевец, мастер цеха крупных узлов.

— Может, и так, — соглашается жена. — Хочется загодя попасть в цех...

Когда видишь, как она готовит к смене станок, инструмент, как увлеченно работает, убеждаешься в нелепости утвержде-

ний иных «знатоков», что, дескать, токаря-револьверщика часто однообразен и скучен.

— Было у меня и рацпредложение, — вспоминает Валентина Ильинична, — и в дело пошло. Вместе с мастером, Остапенко Петром Максимовичем, изменили мы технологию изготовления одной детали. Обработывали прежде кованую заготовку, а мы предложили литую. И в патроне соответствующую выточку сделали. Только ведь такие предложения нечасто придумаешь... А у нас рационализация каждый день...

— В чем же она состоит?

— В сообразительности, сметке. Как инструмент наладить да какой режим резания избрать. Тут маракнешь ежедневно... Ну и усердие, аккуратность...

Все это, конечно же, примечают и ученики. Не укроется от них и такое, совсем недавнее.

— Новый клапан точить надо. Кто возьмется?

— Пожалуйста, — отзывается Козлова. — Давайте-ка поглядим...

Что греха таить, не всякому охота осваивать заново технологию, принаравливаясь, подбирать инструмент. Снова — здорово! Как в цехе говорят, такая деталь неважно стоит. Время идет, а выработка поначалу невелика...

Но Валентине Ильиничне такая работа нравится, хоть и не бесребреница она.

— Это же интересно, — говорит Козлова. — Тут множество всяких прикидок да находок, тысяча мелочей...

Она любит этот процесс познания, совершенствования, любит повозиться, чтобы освоить новую деталь и уверенно поставить на ней свое личное клеймо Р-521, которое ни разу не опорочено браком. А потом и «погонит план», и наверстает упущенное.

И еще примечают ученики, как волнуют их учителя интересы коллектива. Как-то на участок передали для дальнейшей обработки неточно сделанные детали. Едва кончилась смена, Валентина Ильинична поспешила к секретарю парторганизации. Я присутствовал при этом разговоре и вспомнил ее присловье: «Кричать не люблю...»

— Александр Леонидович.

Константинов взглянул на нее со вниманием: Козлова зря не придет.

— Деталь получили неважную, — она называет ее параметры. — Плохо закреплять, станки бьет. Вы повлияйте...

— Понял, — коротко отвечает секретарь. — Все будет в порядке.

— Хорошо.

Этот короткий разговор был в пятницу, а в понедельник Козлова могла, лично убедившись в принятых мерах, сообщить товарищам, что соседи исправили свою ошибку.

Как же все это не заметить ученикам? И понятными становятся те слова: «Поглядишь на тетю Валю — и работать хочется...»

Если Сережа самый молодой воспитанник Козловой, то девушки — Тоня и Фая — ученицы со стажем. С ними она работает около двух лет.

Какие они, эти ученицы? «Разные, очень разные», — отвечает наставница.

Однажды Козлова заметила, как Фая, точившая на револьверном станке фланцы, выполнила работу неправильно. Надо бы «в плюсе» точить, а она сделала «в минусе».

— Ошиблась? — спросила Валентина Ильинична.

— Да, тетя Валя, — кивнула девушка и сузила глаза в улыбке; ладно, мол, обойдется.

— Исправь, Фая.

— Да ладно, ну чего там...

— Сделай.

— Тетя Валя — потом, тетя Валя, завтра все будет в порядке.

— Никаких «завтра».

— Не...

— Надо!

Капризная она, Фая, переменчивая человек настроения. Это с первых дней наставничества заметила Валентина Ильинична и разговаривает с ней всегда спокойно, но требовательно. Это действует, но, увы, далеко не всегда.

И еще: не знает Фаина цены рабочему рублю. Нет, не о скупости идет речь, об уважительном отношении к своему трудовому заработку, о чувстве самостоятельности.

— Фая, ты куда собралась?

— А... Денег нет, домой поехала.

Вон как просто. Родители у нее живы

неподалеку от Свердловска, люди трудовые, с достатком — и девушка явно избалована чрезмерными «дотациями».

«Надо бы написать об этом Фаиной матери», — сразу подумала Козлова. Но потом решила повременить. Крайняя это мера — огорчать мать. Надо попробовать поговорить с Фаей, доказать, убедить. Тем более что человек она и добрый, и внимательный, и за собой умеет следить. Чистюля. Это качество хозяйственная и аккуратная Валентина Ильинична очень уважает. И вообще чувствует: ее влияние на девушку постепенно растет. Нет, она еще не удовлетворена достигнутым, хотя Фаея трудится все лучше. Прошлый месяц — 110 процентов плана.

Иной характер у Тони. Среднего роста, подвижная, быстрая, трудолюбивая. Пришла в цех, как Фаина, после технического училища. Но разряд у нее повыше, чем у Фаи, — четвертый. И технику хорошо понимает. Однако и у Тони начало было не совсем ладным, даром что бойкая. Стала точить гаечки, а отрезной резец не идет. Пошли вместе к станку. Показала. Та сразу схватила. Только медленно делала, исподволь наращивала темп.

Да, за ее работу Козлова спокойна. И отношения с ней простые, открытые, добрые.

— Поеду домой, скажу: у меня вторая мама, — улыбается Тоня.

Они частенько советуются по хозяйству. И Валентине Ильиничне очень по душе Тонина самостоятельность. Отправилась в отпуск — часть денег на сберкнижку положила, вернется — будет на что жить. И оделась хорошо: платья, пальто, сапоги — все справила. И брату к свадьбе подарок повезла...

Как-то так получилось, что о Фае и Тоне Козлова говорила сразу же, после

того как рассказала мне о своей дочери, недавно закончившей десятилетку. И о дочери, и о подопечных рассуждала она очень похоже, с таким же материнским беспокойством. Досадовала на Фаину легкомыслие: «А, не буду, способностей нет». Горевала по поводу неудачи Тони. Не прошла в техникум. Говорит: «Математику не волоку».

Но твердо надеялась: все равно добыюсь, будут учиться!

А я подумал: о ком это она, о дочери или об ученицах? Наверное, обо всех вместе.

В общежитии по улице Ильича, где живут девчата, Козлова — частый гость. Она имеет немалый опыт в решении бытовых вопросов: не первый год является председателем женсовета. И в те дни, когда из армии вернулся сын и время было особенно дорого, она все-таки еще раз посетила девичье общежитие.

Осталась недовольной. Хотя, оговаривается она, у девочек — порядок, и они блюдут чистоту. Но шкафа нет. Девчата платья на стульях развешивают... Уж она поговорила с кем следует и как следует. И своего добьется!..

Прежде чем завершить этот очерк, мне хочется сделать, так сказать, шаг в сторону и привести пример из совершенно другой области. Я нередко бывал в военных частях, на полевых занятиях. Когда-то давно наблюдал «обкатку танками». На молодых солдат, сидевших в окопах, шли грозные боевые машины, и бойцы, преодолевая страх, стреляли и метали гранаты.

Занятия прекрасно вел немолодой офицер, который воевал в сорок третьем.

Прошло несколько лет, и я снова повидал такие же учения. На этот раз ими

руководил — и так же мастерски — молодой капитан. «Конечно, вы не воевали, — сказал ему я. — Где же научились таким боевым премудростям?» — «Да, не воевал, — ответил он. — Но меня учили фронтовики».

Эта история вспомнилась мне не случайно.

...Накануне Нового года в цех № 80 пришел председатель совета наставников Уралмаша В. А. Чертов с фотографом.

— Здравствуйте, Валентина Ильинична. Решили вас запечатлеть вместе с ученицей.

— Почему же с одной, у меня — две.

— Нет уж, так решили: крупным планом.

Козлова подумала и, как всегда быстро, приняла решение.

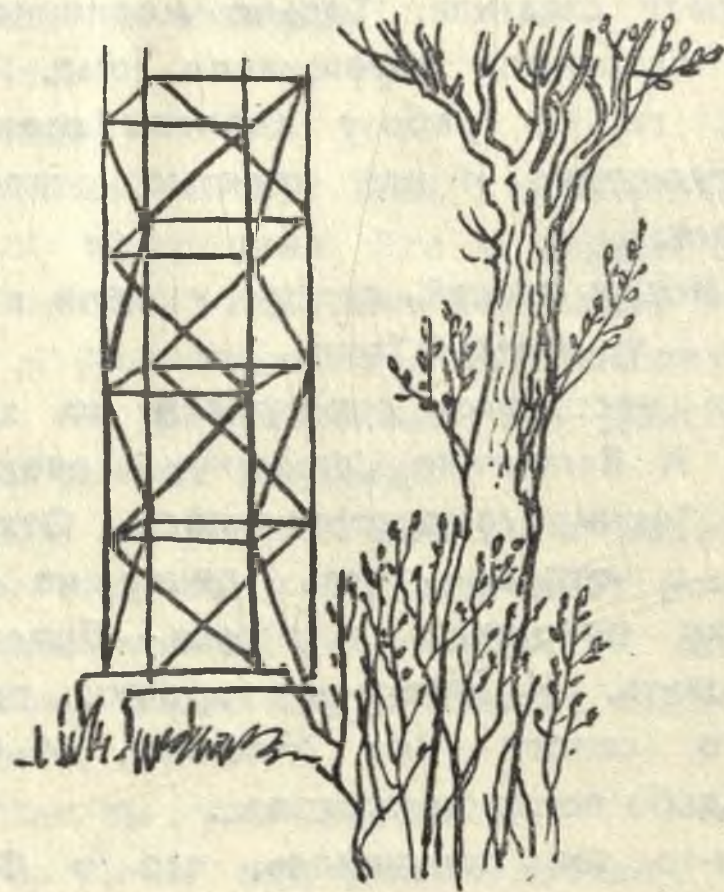
— Фая, становись рядом.

— Почему она, а не я! — ревниво спросила Тоня.

— А потому, что теперь ты не только ученица, но и учительница, придет время: сама будешь со своей воспитанницей фотографироваться.

Действительно, совсем недавно у Тони Севастьяновой появилась подопечная, начинающий токарь. И Тоня усердно передает ей свой опыт.

Козлова поглядела на молодую наставницу и юную ученицу и улыбнулась. Она вспомнила, как недавно наблюдала такую сцену. Тоня учила девушку затачивать резец и при этом положила свою ладонь на робкую руку ученицы и направила ее решительно и твердо. Так же, как много лет назад сделал старый наладчик Андрей Иванович Нифонтов, как делает и она, наставница молодежи Валентина Ильинична Козлова.

Владимир Назин

ДУМЫ СТАЛЕВАРА

*Сидоровскому Д. Д.,
Герою Социалистического Труда —
зачинателю скоростных плавов
на Уралмаше*

Предок мой Иван Иванович
был из тех,
 кто, скарб собрав,
уходили, глядя на ночь,
с глаз боярских на Урал.
Жгли в тайге
 древесный уголь,
в тиглях плавил металл.
С той поры медвежий угол
для Руси железным стал.
Просыпались утром ранним —
и от пота горячи
на поля труда и брани
шли орала и мечи.
Глазом недруги косили:
неприступна,
 как броня,
возвышалась Россия
из железа и огня.
И не с тех ли пор желанных
и во славе, и в чести
Русь стояла на Иванах,
как Иваны — на Руси.
И досталась мне от предков
огнестойкая ладонь,
на которую нередко
и сейчас летит огонь.
Он от века,
как святыня,
почитаем и храним...
Чья строптивая гордыня
не склонилась перед ним?
Знаю:
 в битвах многокровных

счастье добыто стране.
Но не все еще оковы
переплавлены в огне.
Не по всей еще Вселенной
за свободу кончен бой.
И стою я у мартена,
словно на передовой.
И гляжу

в огонь былинный,
и являет он собой
то пожарища Берлина,
то салюты над Москвой!
И напрасно мне грозятся,
так,

что страшно и самим,
то потоком радиаций,
то потоком мировым.
На земле,

от войн усталой,
мир зависит от меня —
от величия металла
и наличия огня.

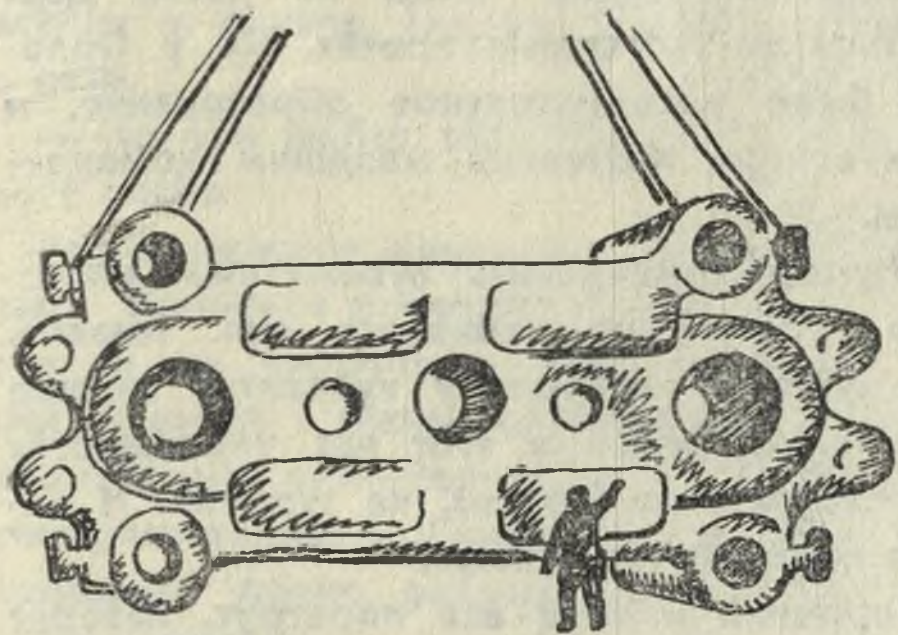
Шли под Курском

танки ромбом,
указующим перстом.

Но горели танки гробом
с разломившимся крестом.
Я, как предок мой кресало,
резко вскидывал ладонь.
И фашистов сотрясало
беспощадное: «Огонь!»
Я опять на Уралмаше,
как и прежде — в добрый час —
пламя пышет,
пламя пляшет,
завораживая глаз.

Мои руки не устали,
не состарилась душа.
Искры сыплются от стали
аж до звездного ковша!

ОЧЕНЬ ТОНКОЕ ДЕЛО

Первый мой разговор состоялся с партийным секретарем Федором Николаевичем Шарашовым. Эвакуированный в дни войны из Краматорска на Урал, он семнадцатилетним комсомольцем поступил на Уралмашзавод и вот уже более тридцати лет работает в механическом цехе крупных узлов. Был строгальщиком, сверловщиком, расточником, карусельщиком. Последние годы возглавляет цеховую партийную организацию.

Крупные узлы — действительно крупные. Сорок, шестьдесят, восемьдесят тонн и больше. На глазах Федора Николаевича цех менял рабочий профиль, обзаводился новыми станками, растил мастеров-станочников, ставил на ноги молодежь. Шарашов, естественно, знает здесь всех. Он охотно называет имена знатных людей цеха, о которых не однажды писали местные и центральные газеты и журналы.

— Федор Николаевич, а вы могли бы назвать тех, кто работает и производит, и мастерски, красиво, — но печать о них молчит? Есть такие у вас?

— Конечно! — оживился Федор Николаевич. Высокий, смуглолицый, ничуть не согнутый годами, он поерошил черный зачес, закурил папиросу, выдохнул целое облако дыму. — Грешным делом, я как раз и собирался пожуричь очеркистов: бывает «навалются» на одного человека, — и пишут о нем из года в год. Слов нет, наши знатные люди достойны самого пристального внимания литераторов. Но надо замечать и тех, кто держится как бы в тени, а работает так, что позавидуешь.

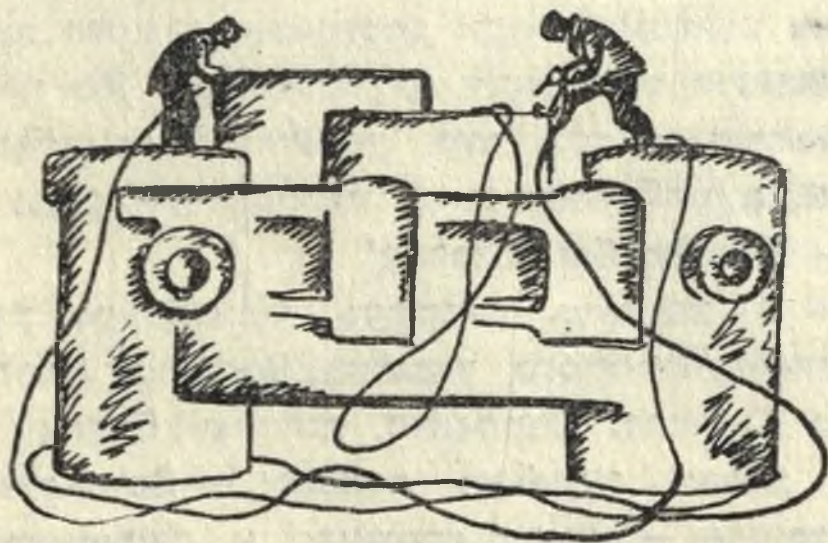
— И кого бы назвали?

— В первую очередь бригадира расточников второго участка Василия Павловича Орлова. Спросите, почему? Отвечу. — Он начал загибать пальцы. — Во-первых, расточник — самая сложная и дефицитная

профессия на заводе. Во-вторых, настоящим расточником может стать далеко не каждый. Тут нужно иметь зоркий глаз и особое чутье к металлу. Расточником надо родиться!.. А в-третьих, бригада под началом Василия Павловича Орлова — самая производительная не только на участке, но и в цехе. Все срочные и особо сложные работы поручаются ей.

Бригада Орлова — три человека. Сам Василий Павлович, Анатолий Михайлович Шабров и Петр Федорович Лихачев. Все они обосновались на заводе после военной службы. Все из разных мест и характером разные. Бригадир — степенный, уравновешенный, Шабров — горячий и норовистый, Лихачев — вспыльчивый, но покладистый. Разные учителя помогали им освоить широкий профиль станочника. Но всех их объединяет горячая любовь к своей профессии, рабочая дружба, всегда чем-то похожая на отношения меж родственниками.

Бригада Орлова много лет работает по одному сквозному наряду, то есть расточники общий заработок делят поровну, отвечают друг за друга по всем статьям сложного производства. Я слышал, что в стране много бригад работает так. Но думалось: а не возникает ли при этом осложнений? Ведь случается, наверно, что,

растачивая сложную деталь, одна смена проявит особую сноровку, намного перевыполнит план, а другой смене — наоборот — в чем-то не «пофартит», и она срывается ниже своих возможностей. Люди-то разные. По-своему каждый может реагировать...

— Никаких осложнений у нас не бывает, — ответил на мой вопрос Василий Павлович Орлов. — Мы же сошлись в бригаду добровольно. У всех одинаковый запас знаний, все одного возраста. Никаких секретов друг от друга... Да и случается в расточном деле нельзя. Не получится. Засекут лукавство и мерительные инструменты, и технологические расчеты рабочего времени, и наметанный глаз сменщика.

Орлов — приземистый, крепко сбитый, сероглазый. Когда говорит, часто жестикулирует. Наверное, это от привычки объясняться у станка больше руками, чем голосом: в шуме цеха трудно расслышать слова.

В самый разгар войны безусым деревенским парнем был призван Василий Орлов в армию. Попал на Дальний Восток в школу сержантов отдельной пулеметно-артиллерийской бригады.

Тощему Василию учеба поначалу доставалась нелегко. Во время переходов пулеметный лафет никак не хотел держаться на мосластых плечах. Но у Орлова было восьмиклассное образование, и его вскоре поставили младшим командиром.

Учился командовать пулеметным расчетом, постепенно набираясь сил. Бывало, все уже в казарме, у курсантов личное время. А Орлов в этот час упражняется на спортивных брусьях, на турнике. И окреп парень неузнаваемо.

Терпение и труд все перетрут, говоря

в народе. Все экзамены в школе Орлов выдержал с хорошими и отличными оценками. Получил звание сержанта и должность командира расчета станкового пулемета.

В 1945-м, в войне с японскими милитаристами Орлов — уже старшина — участвовал в форсировании Амура, во многих атаках, не однажды смотрел смерти в глаза.

На военной службе он пробыл до середины пятидесятого года. Разыскал своего дядю, который работал в кузнечно-прессовом цехе Уралмаша. Дядя и пригласил племянника в Свердловск.

Сняв погоны, старшина запаса в военном своем обмундировании пришел в механический цех крупных узлов Уралмашзавода, к начальнику участка Михаилу Федоровичу Попову.

Начальник участка посмотрел на медали, нагрудные знаки фронтовика и спросил:

— Пороху, говоришь, понюхал?

Орлов рассказал, где, в каких местах воевал, где служил в последнее время.

— А почему пожелал стать расточником, а не кем-нибудь другим? — допытывался Попов.

— Хочу испытать себя на сложном станке. А расточные станки, как мне объяснили в отделе кадров, самые сложные в цехе.

— Но они любят того, кто не ищет легкого хлеба.

Ровно полгода кадровый расточник Лазарь Копытков проверял Орлова на «сжатие» и на «прочность». Он ежесменно ставил новичка в такие условия, при которых необходимы самостоятельность мышления, сообразительность. Потом, как-то вечером, прощаясь после работы, пожал Орлову руку и сказал:

— С будущей недели ставлю тебя подручным. Хватит ходить в учениках.

Орлов стремился быть похожим на Копыткова во всем. Учился умению с первого взгляда рассмотреть многотонную деталь и определить, какой стороной лучше положить громадину на поворотный стол, чтобы она не требовала дополнительных перезакреплений. Старался расположить необходимый инструмент так, чтобы он от начала и до конца смены находился под руками, «ловить» на глаз размеры растачиваемых отверстий... Тысячи тонкостей дела! Токарю во всех сложных расчетах помогает лимб, зуборез устанавливает фрезу с помощью специальной шкалы. А расточник задает габариты резцу простым молотком. И результаты ударов он должен чувствовать на ощупь.

Копыткову нравилось, что его подручный старался загрузить себя всю смену — успевал и справиться с подсобными работами и как можно больше выкроить времени для того, чтобы научиться по-хозяйски управлять станком.

Самое трудное в работе расточника — режим резания. Сегодня в цех поступила заготовка, отлитая из легированной стали, завтра — из обыкновенной, послезавтра — из чугуна. Вот и соображай, когда и чем надо расточить отверстия. Не сообразишь сразу — упустишь время, а хуже того, заубишь режущий инструмент.

Расточка требует творческого мышления. Если, скажем, начинающий музыкант допустит малейшую оплошность в аккорде, чуткий, натренированный слух педагога тут же ее уловит. Расточник должен сам не только видеть, но и слышать, чувствовать, как резец вгрызается в металл, на каких оборотах что получается.

Лазарь Копытков проверял работу Орлова и на слух, и на глаз, и на чутье.

Учил грамотно читать чертежи, безошибочно применять геометрические и алгебраические расчеты.

Около трех лет проработал подручным Василий Орлов, прежде чем получил высокое звание расточника.

Теперь ему самому пришлось быть в ответе за все. И когда он попадал в затруднительное положение, первым долгом спрашивал себя: а как бы на его месте поступил Копытков? Но на все случаи жизни не запасешься рецептами. И Василий Орлов не стеснялся обратиться за помощью к соседу по станку. Он приходил в цех задолго до начала смены, присматривался к работе станочников — асов — Дмитрия Липина, Владимира Павлова, Аксена Силкина. А потом решил изучить все книги и брошюры, рассказывающие об опыте расточников. И изучил.

Трудолюбие Василия Орлова заметили. Однажды на цеховом профсоюзном собрании его поставили в пример тем, кто только что встал за расточный станок. Сказал свое слово на том собрании и наставник Копытков:

— Напористо набирается опыта Василий. У него завидная смекалка. Всегда старается добраться до сути в самой сложной работе. А не одобряю я у него вот что: мало доверяет подручному...

Много лет прошло с тех пор. Василий Орлов сам стал опытным учителем. Но он очень сдержан, говоря о своей работе.

— Сказать, что «оседлал» дело, не могу. Очень тонкое оно — наше расточное дело...

Спрашиваю Орлова:

— На сколько бригада ускорила растачивание деталей за то время, что работает на этом станке?

— Раза в три — не меньше, — не задумываясь, ответил бригадир.

— А за счет чего?

— Сообразительностью берем. Ну и конечно, опыт. Чем дальше, тем больше распознавали мы повадки станка, его возможности.

Расточный станок фирмы «Шкода», на котором работает бригада Орлова, второй по величине не только на участке, но и во всем цехе. Когда его получили из Чехословакии, привели в рабочее состояние и опробовали, радости станочников не было предела. Шутка ли — все управление станком автоматизировано. Его размеры, мощность, надежность намного превосходили показатели старых станков. Однако и «шкодовец» скоро перестал устраивать наших расточников: он имел маломощный поворотный стол, площадь которого не позволяла обрабатывать особые крупные детали. Отливки приходилось несколько раз поворачивать, менять угол наклона.

А все это приводит к большой трате времени, да и точность теряется.

Бригада обратилась к начальнику цеха Иосифу Саламоновичу Миценгендлеру: давайте увеличим площадь поворотного стола. Инженер И. Миценгендлер (теперь он — главный конструктор отдела общего машиностроения уралмашевского научно-исследовательского института) прислушался к голосу станочников и спроектировал свою конструкцию стола, значительно превышающую объем прежнего. Многие сомневались в целесообразности новшества, в возможности изготовить такое оборудование своими силами.

Это, дескать, надо делать на станкостроительном заводе.

Но сумели сами. И стали обрабатывать детали весом до ста двадцати — ста три

дцати тонн. С одной настройки, при высокой точности расточных работ. Экономия вспомогательного времени подскочила на десятки часов в месяц. Облегчился труд и расточников, и стропальщиков, и крановщиков.

Не устраивал расточников и пульт управления шкодовского станка: тяжел, неуклюж, с ограниченными поворотами и подъемами вручную.

Бригада подсказала заводским умельцам, что нужно сделать, и те сконструировали свой пульт управления, названный в цехе «грушей». И когда делегация из Западной Чехии, с которой Свердловская область много лет дружит, побывала на Уралмаше, пришла на расточный передел, Орлов рассказал друзьям-побратимам о том, какие усовершенствования внесли в конструкцию станка уралмашевцы. Теперь эти усовершенствования приняты на вооружение фирмой «Шкода».

Механический цех крупных узлов — один из ведущих на УЗТМ. Этому цеху поручают обрабатывать наиболее ответственные детали. Его нередко торопят ужать сроки работ до пределов, не предусмотренных техническими расчетами. Но торопливость расточникам противопоказана. Не зря родилось мудрое рабочее приговенье: расточник спешит медленно.

Однажды на станок Орлова поступила шпиндельная муфта для прокатного стана. Детали этого агрегата обрабатывались и на других станках, а чертеж был один. Спешка, нервозность, беготня за чертежами привели к тому, что бригадир расточил отверстия с превышением на два миллиметра. Получился брак — чрезвычайное происшествие...

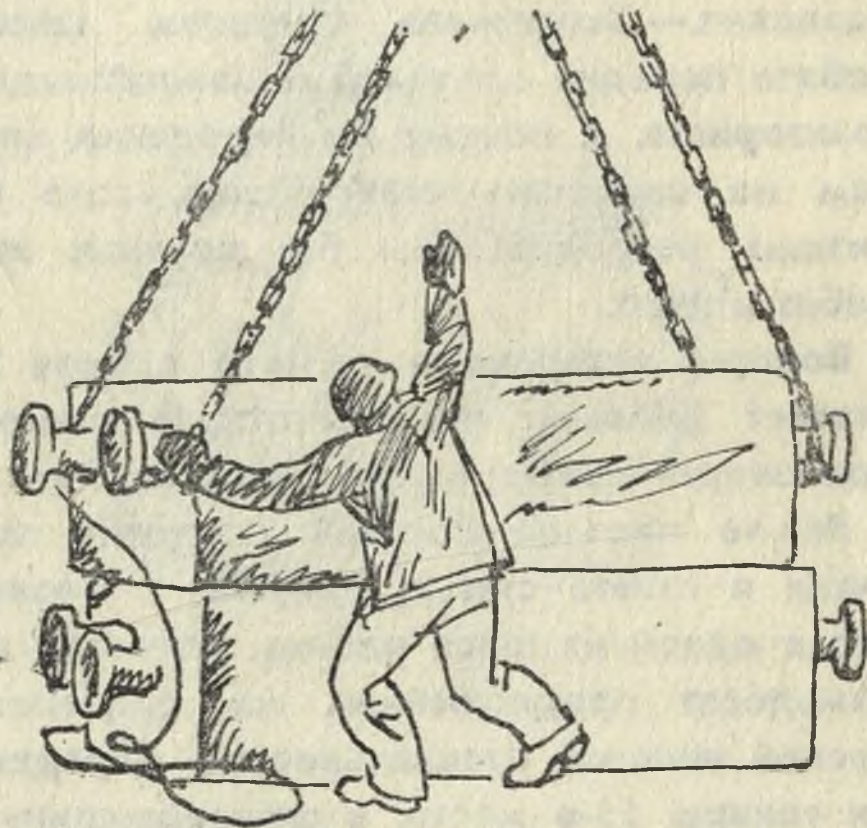
Тяжеловесную деталь попробовали сдавить прессом. Не получилось. Легирован-

ная сталь в холодном состоянии не сдается, она пружинит. Деталь забраковали и переправили в кузнечный цех, разогрели до нужной температуры и только тогда получили необходимые размеры. Но сколько потребовалось дополнительного времени!

Долго ходил Орлов с душевной болячкой, судил себя самым строгим судом за то, что нарушил незыблемое правило станочника — потребовать дополнительный чертеж для своего станка, сделать все так, как велит совесть, многолетний навык.

Но портрет Василия Павловича на стенде передовиков цеха продолжал висеть. В том, что случилось, руководители чувствовали и свою вину. А оплошность опытный расточник допустил впервые.

Еще в первый год работы на Уралмаше приглядел Василий Орлов в Орджоникидзевском совхозе, что по соседству с заводом, землячку по Унинскому району Кировской области, невысокую черноглазую Аннушку Пушкареву. Дружба земляков переросла в любовь. В новогодний праздник они справили свадьбу.

Послевоенные трудности тогда еще сказывались во всем. И у молодоженов долго не было собственного угла. Лишь в канун 35-летия Октября супруги вселились в комнату в засыпном доме, неподалеку от завода. Жена взяла расчет в совхозе и поступила в копровый цех Уралмаша. Сейчас она работает в ремонтно-строительном цехе, а живут Орловы — теперь уже впятером — в четырехкомнатной квартире при всех удобствах. Заработок расточника не уступает окладу высокооплачиваемого инженера. Сыновья Орловых — Виктор и Валерий — окончили Уральский политехнический институт.

Казалось бы, можно довольствоваться достигнутым, жить тихо и спокойно. Но рабочего человека, отдавшего Уралмашу четверть века, продолжают волновать заводские дела. Огорчает Орлова, что многие парни, окончив среднюю школу, приходят в цех, чтобы только набрать рабочий стаж для поступления в институт. Наберут и увольняются. Школа, считает Орлов, не прививает ребятам любовь к рабочей профессии. Нередко выпускники десятых классов не умеют читать чертежи.

— Как на селе? — рассуждает Василий Павлович. — Заканчивая среднюю школу, ребята нередко получают и квалификацию тракториста. А почему бы городским школам не выпускать станочников, хотя бы низших разрядов? Мы бы доучили этих ребят в цехе.

Волнует ветерана и то, что в цехе не хватает рабочих, что некоторые высокопроизводительные станки простаивают.

Как-то недавно Василий Павлович прочитал в газете статью, где было сказано, что в одной из школ ребята, оценивая восемьдесят предложенных им социологической анкетой специальностей, определили токарю 55-е место, а фрезеровщику —

62-е. Надо ли говорить, как реагировал на это расточник самого высокого на заводе разряда — он же и токарь и фрезеровщик.

— Берутся судить о профессиях, о которых понятия не имеют, — говорил Орлов. — И тут, сдается мне, вина не столько школьников, сколько тех, кто их учит и воспитывает. Побывали бы те школьники на хорошем заводе, да не раз, не два, они бы поняли многое. И я уверен: из всех заводских машиностроительных профессий расточникам определили бы место в первой пятерке.

Андрей Ильич Кузьминых, еще не так давно работавший начальником цеха крупных узлов, сейчас в Индии, помогает индийским машиностроителям осваивать выпуск сложного оборудования. Но когда я собирал материал для очерка, он еще только готовился к отъезду, и мы с ним успели поговорить.

— На опыте работы бригады Василия Павловича Орлова, — сказал Кузьминых, — можно написать и наставление для начинающих рабочих, и учебник по расточному делу. Мастера высокого класса. Они нередко поправляют расчеты инженеров-технологов, дают им очень полезные советы. И уж если говорить о стирании граней между трудом умственным и физическим — лучшим примером может служить бригада Орлова.

— Почему же об этой бригаде нигде не писали?

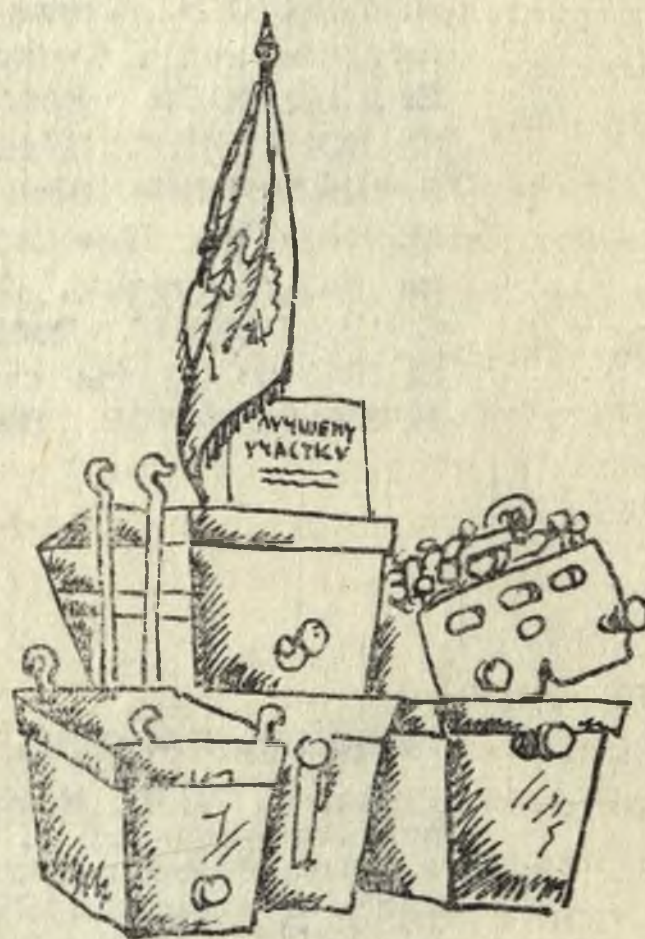
— Парадоксы бывают самые разные, — развел руками Кузьминых. — Как ни странно, долгое время считалось, что первоклассная бригада расточников «не вытягивает» план по росту производительности труда. И вот почему. Раньше прирост производительности планировался одина-

ково и для станочников, достигших совершенства в работе, и для тех, кто только начинал осваивать профессию. В результате молодые рабочие, начинавшие с самого «стартового» уровня и, стало быть, имевшие возможность из месяца в месяц повышать производительность труда, — нередко ходили в передовиках. А опытные станочники, те, кто достиг наивысшей производительности и, следовательно, имел куда меньше резервов для дальнейшего ее повышения, — порой зачислялись в разряд «застоявшихся»...

— Так вот, — Кузьминых сделал энергичный жест, — теперь с этой практикой покончено. Используя электронно-вычислительную машину, удалось разработать дифференцированные личные задания по росту производительности для всех станочников. Каждое такое задание учитывает квалификацию рабочего, его возраст, стаж работы на станке. У расточников бригады Орлова часовая выработка самая высокая в цехе — 1,75 нормы. Этим рабочим предусматривается ежегодное повышение производительности труда лишь на три десятых процента — и, как правило, они его намного перекрывают...

Очерк уже находился в издательстве, когда старший инженер-экономист цеха Нина Григорьевна Кочнева сообщила мне: Орлов и его товарищи свою девятую пятилетку завершили к сентябрю 1975 года; на 42 процента выросла производительность труда бригады в сравнении с предыдущим пятилетием...

С хорошим заделом вступили в десятую пятилетку расточники бригады Василия Орлова.

Сборник очерков и стихов свердловских литераторов о людях Уралмаша. Читатель найдет здесь также репродукции посвященных Уралмашу картин ряда свердловских художников.

Л $\frac{70500-055}{M158(03)-76}$

Р2

Содержание

Истоки. Предисловие Л. Сорокина	2
С. ЗАХАРОВ. Первый директор Уралмаша. Очерк	3
Е. ХОРИНСКАЯ. Встает рассвет. Товарищ мой. Стихи	12
Н. МЫЛЬНИКОВ. Танкостроитель Михаил Попов. Очерк	15
Ю. ЛОБАНЦЕВ. Парни из «Мадрида». Стихи	25
Ю. ЛЕВИН. Свой причал. Очерк	27
Ю. ТРИФОНОВ. В заводском музее. Конструкторы. Стихи	36
Б. КРУПАТКИН. Три диалога. Очерк	38
В. СИБИРЕВ. Завод заводов. Уралмашевское утро. Стихи	47
Б. ШИГАЙКИН. Сила мастера. Очерк	48
Л. ШКАВРО. Уралмашу. Работяга. Рабочий город. Стихи	54
И. ДАВЫДОВ. Взгляд. Очерк	57
Л. СОРОКИН. Стихи об Александре Храмцове. Уралмашевские зори. Стихотворный репортаж	74
Е. ДОЛИНОВА. Рабочие люди. Очерк	85
Ю. КОНЕЦКИЙ. Первые дни. Стихи	96
Б. ШИГАЙКИН. Большой Митрофан. Очерк	98
М. НАЙДИЧ. Причастность. Вечерняя смена. У памятника на Уралмаше. Стихи	108
С. ШМЕРЛИНГ. Добрая рука наставника. Очерк	110
В. НАЗИН. Думы сталевара. Стихи	119
Н. МЫЛЬНИКОВ. Очень тонкое дело. Очерк	121

ЛАДОНЕЙ РАБОЧИХ ТЕПЛО

Редактор М. П. Немченко. Художник С. С. Киприн. Художественный редактор Г. И. Кетов. Технический редактор Л. М. Голобокова. Корректоры А. Г. Богородская, Л. А. Гупало. Сдано в набор 18/III 1976 г. Подписано в печать 13/VII 1976 г. НС 12334. Бумага тип. № 1. Формат 70×84^{1/16}. Уч. изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 9,8. Тираж 10 000. Заказ 175. Цена 82 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49. Суперобложка и вклейки отпечатаны в производственном объединении «Полиграфист», Свердловск, Тургенева, 20.

12 3015